

ISSN 2311-5793

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

Социально-гуманитарные науки

- История
- Социальная философия
- Философия культуры и культурология
- Философия религии и религиоведение
- Социальные и политические процессы
- Педагогика и образование

Выпуск № 1 (9), 2016 г.

УДК 009
ББК 87

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор – Радугин А. А., засл. деятель науки РФ, д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Зам. главного редактора – Перевозчикова Л. С., д-р философ. наук, доц. (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Афонин Э. А., д-р соц. наук, проф. (г. Киев)
Бубнов Ю. А., д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Ильин М. В., д-р полит. наук, проф. (г. Москва)
Коростылева Н. Н., д-р соц. наук, проф. (г. Москва)
Ледяев В. Г., д-р философ. наук, проф. (г. Москва)
Моисеев В. И., д-р философ. наук, проф. (г. Москва)
Скрипникова Н. Н., д-р филол. наук, проф. (г. Воронеж)
Черников М. В., д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Чупров В. И., д-р соц. наук, проф. (г. Москва)
Ярецкий Ю. Л., д-р истор. наук, проф. (г. Воронеж)
Delwyn L. Harnisch, Professor & Fulbright Scholar University of Nebraska Lincoln College of Education and Human Sciences (Lincoln)

Отв. секретарь – Маслихова Л. И., канд. истор. наук, доц. (г. Воронеж)

В серии «Социально-гуманитарные науки» Научного Вестника опубликованы результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, социальной философии, философии культуры и культурологии, философии религии и религиоведения, социологии, политологии, педагогики, образования и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна тем, кто занимается изучением социально-гуманитарных наук.

Статьи печатаются в авторской редакции

Адрес редакции:
394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.
Каб. 5302, тел. (4732) 71-50-04

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Ашмаров И. А. Главные атрибуты военной экономики СССР и фашистской Германии 1939 – 1945 гг.....	5
Жиброва Т. В. Организация таможенного и питейного управления в г. Азове в начале XVIII в.....	13
Ипатов А. М. Политика Германии в годы восточного кризиса 1875-1878 гг. в оценках российских современников.....	18
Кирчанов М. В. Социо-культурные и политические исследования Индонезии в американской историографии (1965 – 1970-е гг.).....	23
Маслихова Л. И. К истории изучения технологии производства древней керамики.....	33

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Радугина О. А. Идеино-теоретическое обоснование секуляризации общественной жизни России «ученой дружиной» Петра I.....	38
---	----

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Зуева Н. А. Ж. Бодрийяр: тайна женственности.....	43
Иванова С. И. Идея национального славянского возрождения в публицистическом творчестве И.С. Аксакова.....	48
Пархоменко И. Т., Цуркан А. А. Теоретические основания изучения феномена состязательности.....	54

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Бочарова И. М. Русская православная церковь как хранительница духовных традиций русского этноса (в работах Н. А. Бердяева).....	61
Цеханов Ю. А. Философские мысли естествоиспытателя о человеке и мироздании.....	67

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Булавина С. В., Христовская А. Ю. Сущностные целевые приоритеты информационной политики предприятия.....	72
Волкова Е. А., Бойко Т. С. Воздействие современной рекламы на сознание людей.....	77
Волкова Е. А., Егорова А. О. Страхи россиян как индикатор общественной напряжённости.....	84
Морозова В. Н., Бадалова Е. В. Нормативно-правовая база и практика информационного сопровождения социальной политики ФРГ.....	90
Погорельский А. В. Перспективы реформирования Организации Объединенных Наций в условиях становления многополярного мира.....	98

ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Фролова Е. В. Проблема качества современного российского образования.....	104
--	-----

CONTENTS

HISTORY

Ashmarov I. A. The main attributes of the war economy of The USSR and the fascist Germany 1939 - 1945.....	5
Zhibrova T. V. The organization of customs and public house administration in the city of Azov in the beginning of the eighteenth century.....	13
Ipatov A. M. Germany's politics during the eastern crisis of 1875-1878 in russian contemporaries' estimation.....	18
Kirchanov M. V. Social, cultural and political studies of indonesia in American historiography (1965 – 1970s).....	23
Maslikhova L. I. The history of study of ancient ceramics technology.....	33

SOCIAL PHILOSOPHY

Radugina O. A. Peter I "Scientific squads" ideological and theoretical justification of secularization of Russian public life	38
--	-----------

PHILOSOPHY OF CULTURE AND CULTURAL STUDIES

Zueva N. A. J. Baudrillard: the secret of feminity.....	43
Ivanova S. I. Idea of national slavic revival in publicistic creativity of I. S. Aksakov.....	48
Parhomenko I. T., Tzurkan A. A. The theoretical grounds for the studies of the phenomenon of competitiveness.....	54

PHILOSOPHY AND SCIENCE OF RELIGION

Bocharova I. M. Russian orthodoxal church as a guardian of the spiritual traditions of the Russian ethnos (according to the views of N. A. Berdyaev).....	61
Tsekhanov Y. A. Naturalist's philosophical thoughts about the man and the universe.....	67

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Bulavina S. V., Hristovskaya A. Yu. The essential target priorities of the information policy of the enterprise.....	72
Volkova E. A., Boyko T. S. The impact of modern advertising on the people's minds.....	77
Volkova E. A., Egorova A. O. The russian's fears like a detector of social tensity.....	84
Morozova V. N., Badalova E. V. Legal framework and practice of informational support of FRG's social policy.....	90
Pogorelsky A. V. Perspectives of the reforming of the United Nations Organization in the formation of multipolar world.....	99

PEDAGOGY AND EDUCATION

Frolova E. V. The problem of quality of modern russian education.....	104
--	------------

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 355:94

Воронежский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Кандидат экономических наук, доцент кафедры государственной и муниципальной службы и кадровой политики И. А. Ашмаров

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 241-91-79;

e-mail: dobrinka75@mail.ru

Voronezh Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

PhD in Economics, Associate Professor of State and Municipal Service and Personnel Policy Chair

I. A. Ashmarov

Russia, Voronezh, tel. (473) 241-91-79;

e-mail: dobrinka75@mail.ru

И. А. Ашмаров

ГЛАВНЫЕ АТРИБУТЫ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ СССР И ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ 1939 – 1945

В статье рассматриваются характерные черты и особенности милитаризованных экономик СССР и фашистской Германии периода Второй мировой войны, а также раскрываются присущие им определённые преимущества и недостатки.

Ключевые слова: военная экономика, административно-командная система, милитаризация экономики, мобилизация ресурсов, государственное регулирование, военно-государственное регулирование.

I. A. Ashmarov

THE MAIN ATTRIBUTES OF THE WAR ECONOMY OF THE USSR AND THE FASCIST GERMANY 1939 – 1945

This article discusses the characteristics and features of militarized economy of the USSR and the fascist Germany during World War II as well as reveals certain inherent advantages and disadvantages.

Key words: the war economy, the administrative-command system, the militarization of the economy, mobilization of the resources, the state regulation, the military and the state regulation.

Цель данной научной статьи – выявление основного сходства и различия военной экономики двух воюющих стран СССР и фашистской Германии периода Второй мировой войны 1939 – 1945 гг. Для достижения поставленной цели исследования необходимо сопоставить две экономические системы СССР и фашистской Германии обозначенного временного периода.

Актуальность заявленной темы обусловлена многими причинами, а именно: предстоящим 70-летним юбилеем Победы над германским фашизмом в мае 2015 года; важностью выявления особенностей поведения экономической системы в условиях войны и всеобщей милитаризации; необходимостью выявления резервов и преимуществ военной экономики, организованной в условиях, с одной стороны, смешанной экономики фашистской Германии, частично огосударствленной в целях мобилизации, но сохранявшей, тем не менее, частную собственность и элементы рыночного хозяйства, с другой стороны, административно-командной, плановой экономики СССР. Выявление таких резервов и преимуществ позволит лучше осознать особенности поведения экономических систем в условиях всеобщей мобилизации ресурсов и милитаризации, позволит лучше организовать государственное управление и регулирование экономикой, в том числе и в мирных условиях.

Экономика воюющих стран мира, в том числе СССР и Германии 1930-х – середины 1940-х гг., несомненно, имеет определенные явные сходные черты и безусловные различия, которые отличают эти различные по своему идеологическому духу милитаризованные экономические системы.

Определенный научный и общий познавательный интерес представляет также определение уникальности советской и германской экономических систем, вынужденно обслуживающих военные цели этих воюющих держав. Итак, какие же главные и существенные особенности имела советская экономика в годы второй мировой войны:

1. Милитаризация труда и экономики в целом, перевод гражданской экономики на военные рельсы.

2. Полное огосударствление национальной экономики в целом, полная ликвидация частной собственности и частного сектора экономики.

3. Развитие советской военной экономики в условиях конфронтации с «единым европейским военным хозяйством» периода 1939-1945 гг.

4. Становление «сталинской командной экономики», выступавшей в качестве основы общественного воспроизводства в СССР в годы войны.

5. Прямое и сильное воздействие государственных институтов на эволюционные процессы хозяйственного развития, например, институтов государственного планирования.

6. Всеобщая мобилизация имеющихся ресурсов: большие мобилизационные возможности централизованно-плановой экономики, её роли в укреплении военно-экономического потенциала СССР накануне и в годы второй мировой войны.

Для сравнения отметим главные и наиболее существенные, на наш взгляд, особенности, которые имела немецкая экономика в годы второй мировой войны:

1. Рост прямого государственного регулирования хозяйственной жизни в рамках монополистического капитализма и международного рынка, чему способствовали первая мировая война, всеобщий экономический кризис 1930-х годов, вторая мировая война и т.д.

2. Развитие германской военной экономики в условиях «единого европейского военного хозяйства», объединённого фашистами в целях войны.

3. Различные формы и методы государственного регулирования экономики в условиях военного времени: прямое государственное регулирование хозяйственной жизни (ускоренное развитие военной промышленности), контроль над рынком рабочей силы и трудовых отношений (ликвидация профсоюзов, введение всеобщей трудовой повинности), ограничение свободы предпринимательства, в результате чего рыночная экономика практически перестала функционировать.

4. Наличие достаточно весомого и влиятельного частного сектора хозяйства и экономики в милитаризованной экономике Германии. По мнению Ю. Кокка, в фашистской Германии «оставались неизменными основные принципы капиталистического хозяйства» [1]. Зависимость государственных планов фашистской Германии от ресурсов более или менее самостоятельного немецкого частного хозяйства.

5. Полная мобилизация всех подвластных режиму ресурсов и военизация всего общества либо большей части общества.

Как дружно отмечают специалисты, “в период между двумя мировыми войнами все участвовавшие в первой мировой войне государства взяли на себя контроль за военно-промышленным комплексом, судостроением, транспортом, иногда и сельским хозяйством” [2].

Безусловно также и то, что существуют некоторые существенные различия в хозяйственных механизмах функционирования военной экономики. Это касается как военной экономики СССР, так и военной экономики стран антигитлеровской коалиции и фашистской «оси» накануне и в период Второй мировой войны. Вторая мировая война подтверждает тенденции в области экономик воюющих государств, которые можно назвать «конвергентными», ибо как в период подготовки к войне, так и в период непосредственных

боевых действий, наблюдалась общность и «параллельность» экономических преобразований, проводимых в странах с разными социально-экономическими системами в интересах будущей войны [8].

И в отношении советской военной экономики, и в отношении германской (фашистской) экономики периода второй мировой войны в научной историографической среде сложились прямо противоположные точки зрения, а именно.

Одни специалисты считают, что военная экономика СССР и фашистской Германии была напрочь лишена каких-либо элементов рыночной (капиталистической) экономической системы. Например, “в Италии и Германии фашизм служил мобилизации общества и индустриализации страны” [10].

Одним словом, имели место следующие особенности экономики фашистской Германии, а именно:

1. Прямое государственное регулирование хозяйственной жизни (ускоренное развитие военной промышленности);

2. Контроль над рынком рабочей силы и трудовых отношений (ликвидация профсоюзов, введение всеобщей трудовой и воинской повинности);

3. Ограничение свободы предпринимательства – привели в конечном счёте к тому, что реальная рыночная экономика как таковая практически перестала там функционировать.

Другие специалисты, наоборот, полагают, что в целом, для фашистских государств было характерно наличие рыночной экономики, но при сильной регулирующей роли сильно военизированного, можно без ошибки сказать, милитаристского государства [1. 7].

“Допустимо ли забывать, что фашизм в Германии пророс и быстро завоевал «жизненное пространство» после Версаля? Потерпевшая поражение страна была унижена, растоптана, обобрана. Всем, кого тревожит призрак «... фашизма», следует почаще вспоминать об атлантизме. Действие и рождает противодействие, но, как слишком часто бывает в истории, – не адекватное, превращенное” [9. С. 10].

Для фашистских государств вообще характерно усиление регулирующей роли государства как в экономике, так и в идеологии. Там происходила неограниченная корпоративизация государства посредством создания системы массовых организаций и социальных объединений, применялись насильственные методы подавления инакомыслия, имело место полное неприятие принципов экономического и политического либерализма, применялся открытый террор против всех несогласных, включая даже самих немцев.

Существует и другое мнение некоторых специалистов, в частности Е.В. Хохлова, что в 1920-30-е годы, то есть прямо перед самой войной, экономика СССР функционировала в целом на «капиталистических рельсах». Сама “схема финансирования оборонки исходила из рыночной схемы функционирования военной экономики” [8].

С данной точкой зрения весьма трудно согласиться, в особенности это касается периода 1930-х гг., когда мероприятия новой экономической политики, отвечающие рыночному политэкономическому курсу, были свёрнуты и преданы забвению. На наш взгляд, это всё-таки трудно себе представить, что в условиях полного господства уже на тот момент сверхцентрализованной административно-командной экономики советского типа, существовал капитализм и его рыночные схемы.

Таким образом, как мы видим, историография вопроса, посвящённого сравнительному анализу военных экономик фашистской Германии и СССР периода 1939 – 1945 гг., всё ещё изобилует противоречивыми взглядами отечественных и зарубежных специалистов, которые необходимо будет, рано или поздно, привести к общему знаменателю с целью установления единой истины.

Военный опыт продемонстрировал, что административно-командная система СССР имела явные недостатки в виде хозяйственной рутины и неповоротливости в коммерческих вопросах, тем не менее в экстремальных условиях войны советская военная экономика проявила высокую гибкость и мобильность. В союзных СССР странах - США и

Великобритании – странах с рыночной экономикой наблюдалась иная картина. Союзники вышли на уровень максимального использования своего экономического потенциала в целях войны только к 1944 г. СССР всё это сделал на второй и третий год войны, то есть в 1942 - 1943 гг. [2].

Административно-хозяйственная система СССР была плановой по своей сути и в результате проявила в годы войны большие возможности целевой организации НИОКР и быстрого внедрения в поточное производство новой, первоклассной военной техники. Усилиями инженеров-конструкторов военных машин, а главное - потенциалом, заложенным в советской военной экономике, в гибкости управления промышленностью и НИОКР, техническое отставание от фашистской Германии было преодолено прямо в условиях ведения войны. С 1943 - 1944 гг. советские вооружённые силы получили весомый материальный перевес над вражескими войсками в мощности, калибре, скорострельности и многим другим параметрам своей военной техники.

К одному из факторов своего военно-экономического превосходства страны фашистской оси относили накопленный военно-технический потенциал, квалификацию рабочей силы, подготовку армейского и кадрового резерва, экономику «блицкрига». Недостаток сырьевой и прочей ресурсной базы, согласно планам немецкого командования, предполагалось восполнить её захватом на территории противника [8].

Победа в войне всегда связана с определенными экономическими преимуществами победившей стороны, которые выступают и оцениваются впоследствии как экономические факторы победы. Итак, какими же именно преимуществами, по мнению современных специалистов, обладала советская экономика.

Во-первых, в экономике СССР имело место господство общенародной (читай - государственной) собственности на основные средства производства: фабрики и заводы, земля и ее недра и т. д. Ведущая роль госсобственности на средства производства позволила в трудные годы войны маневрировать производственными ресурсами, использовать их именно так, как это было необходимо для фронта. “В этих условиях общенародный интерес становится ведущим, определяющим и именно на его первоочередное удовлетворение была направлена вся производственная деятельность и государственные ресурсы” [3].

Во-вторых, экономика СССР развивалась достаточно планомерно даже в условиях разгоревшейся войны. Экономика СССР регулировалась на постоянной основе в соответствии с государственными планами советского народного хозяйства. На основе этих планов распределялись и перераспределялись материальные и людские потоки, ставились народнохозяйственные задачи, определялись ведущие отрасли военного хозяйства. Государственные планы продолжали разрабатываться даже в условиях войны. Правда, в самом начале войны были введены в действие мобилизационные военно-хозяйственные планы, главной целью которых было “сосредоточение всех материальных ресурсов Родины для полного разгрома немецких захватчиков и очищения от них советской земли” [4]. Война оказала своё неизгладимое воздействие на механизм использования объективных экономических законов, но она не могла их совсем отменить. Экономические законы в условиях войны модифицируются. Они отражают те связи, которые возникают в экономической системе общества под влиянием её перенацеленности на войну.

В целом военная экономика имела общие черты и определенные различия в странах с капиталистическим и социалистическим механизмом хозяйствования. Социалистический хозяйственный механизм позволил СССР иметь более эффективную военную экономику, чем это было в странах с фашистскими и рыночно-демократическими режимами. В полностью государственной экономике СССР все экономические ресурсы были направлены на достижение победы через максимальные результаты военной экономики. Все личные ресурсы и силы людей использовались в целях борьбы с врагом.

В своей книге «В сражающейся России», отвечая на вопрос, почему СССР смог быстрее других стран перестроить экономику на военный лад, американский журналист

Уоллес Кэрролл отмечал следующее, а именно: «В Советском Союзе, где частнособственническое владение было отменено, правительство не наталкивалось на помехи в виде прав частной собственности. В этом отношении оно могло противостоять тоталитарному правлению Германии на еще более крепких основаниях. Ему не приходилось возиться с фирмой, которая желала продолжать прибыльное производство дамских шпилек, вместо того чтобы заниматься менее прибыльным заказом на заклепки для авиационной промышленности. Ему не приходилось упрашивать автомобильную промышленность, чтобы та прекратила производство легковых автомобилей и перешла к выпуску танков. Ему не приходится растрчивать народные средства на размещение подрядов “по полной производственной стоимости плюс десять процентов”, которые поощряли предпринимателей к тому, чтобы замедлять производство, создавать простой рабочей силы и увеличивать себестоимость, чтобы тем самым возросла прибыль» [5. С. 140-142].

В немецкой экономике частные ресурсы, в том числе и люди, мобилизовывались на нужды военной экономики, но не с такой абсолютной всеохватностью, как это было в экономике СССР. В Германии не было такого жертвенного патриотизма и желания выстоять в борьбе с врагом, защитить и отстоять свою родину, как это было в СССР. Но это уже более духовный и моральный фактор победы, нежели чем экономический, хотя советский народ, действительно, отдавал все имеющиеся у него материальные ценности, можно сказать, последнее имущество, время и силы, чтобы победить в этой войне на выживание.

С другой стороны, «миллионы немецких солдат думали, что они борются «за фюрера, народ и отечество», в действительности же они служили организованному преступлению...» [6.С. 183]. С первого до последнего выстрела война 1939-1945 гг. со стороны Германии была несправедливой [7. С. 44].

Сравнение двух экономических систем – советской экономики и экономики фашистской Германии периода второй мировой войны – даёт нам основание полагать, что между ними имело место некое принципиальное сходство и имели место общие и специфические черты военных экономик воюющих стран. Однако, несмотря на максимальную в силу военного времени милитаризацию экономики и мобилизацию ресурсов, что было, безусловно, общим явлением, имели место и серьёзные различия в самом способе организации военного и гражданского производства, в хозяйственном механизме и самом типе экономической системы. Военная экономика сама по себе – это необычная экономика, ибо она обладает нестандартными и нетривиальными чертами. Её своеобразие заключается в исключительности самого военного положения и тех методах управления экономикой, которые проявляют себя в характерных чертах, признаках и свойствах военной политэкономической системы.

Военная экономика СССР было полностью государственной, основанной на практически стопроцентной госсобственности, которая не только находилась в руках государства, но также и управлялась им централизованно.

Мы считаем, что советская экономика конца 1930-х – начала 1940-х гг. не могла функционировать в рыночном духе и находиться на «капиталистических рельсах», так как в СССР отсутствовали сами основы рыночной экономики: не было уже частной собственности, отсутствовала конкуренция между частными предприятиями, не было и рыночного ценообразования. В СССР действовала административно-командная экономика советского типа, имеющая свои преимущества перед рыночной экономической системой, отдельные элементы которой частично всё ещё присутствовала в экономике Третьего рейха даже в самый разгар войны.

Главные атрибуты военной экономики в самом полном виде проявили себя именно в советской административно-командной системе, в которой имела место максимальная централизация экономической, да и других видов власти, военной, политической и пр. Рычаги государственного управления экономикой были в максимальной степени сконцентрированы в руках государственных и военных институтов советской власти, что

повысило общую управляемость экономикой и её эффективность, что и сыграло немаловажную роль в деле победы. Наличие частной собственности и ресурсов частных хозяйств, не подчиненных общим военным целям воюющего фашистского государства ослабило его экономический потенциал. С другой стороны, оккупация и дикий грабёж захваченных немцами территорий, в буквальном смысле “выкачивание” и “выколачивание” ресурсов и ценностей, вывоз даже верхнего плодородного слоя чернозёмов, в том числе и советских территорий: Восточной Украины, Белоруссии, Центральной России и др. позволили экономике фашистской Германии с лихвой покрыть тот либеральный момент существования относительно независимого немецкого частнособственнического хозяйства (“Deutsch Wirtschaft”) в годы Второй мировой войны 1939 – 1945 гг. Украина, Черноземье, Донбасс, Запорожье и Северо-западный промышленный район, попали в зону оккупации и полосу прифронтовых военных действий.

Дело в том, что экономические законы рынка, конкуренции и личного интереса слабо действуют в условиях войны, поскольку в этих экстремальных условиях практически не существует торговли, а ведётся насильственное изъятие в военных целях, на нужды фронта. Централизованное распределение советским государством имеющихся у него экономических ресурсов, характерное для административно-командной системы экономики, а также наличие огромной территории СССР с богатой ресурсной базой, трудовой энтузиазм всего общества и народа – вот основные экономические факторы, которые позволили мобилизовать все имеющиеся виды ресурсов на борьбу с врагом ради достижения победы в жестокой и кровопролитной длительной войне, которая шла на истощение ресурсов. Нужно также заметить, что прямое и косвенное государственное регулирование, применяемое в рыночной экономике в мирное время, но с креном в сторону косвенных регуляторов, ещё на более широкой основе применялось государствами всех стран мира в военное время, но с акцентом на прямых методах госрегулирования. То институциональное вмешательство в экономику, которое происходило в военные годы в силу военной необходимости, можно именовать даже отдельно, а именно самостоятельным термином как военно-государственное регулирование и военное управление экономикой. Это следует делать по той простой причине, что и сама экономика ведь была военной и чрезвычайной, функционирующей в сверхэкстремальных и чрезвычайных условиях войны, на предельных значениях своих показателей, которые достигались потом и кровью целого народа, который был вынужден в силу сложившихся внешних обстоятельств воевать, чтобы отстоять право на полноценную жизнь и свободный труд.

Библиографический список

1. **Кокка, Ю.** Капитализм и его кризисы в исторической перспективе / Ю.Кокка // Альманах германской истории. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. Выпуск 1. – М.: Издательство: Издательская группа URSS, 2013. – С. 229-246.
2. **Хохлов, Е. В.** Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны: Дисс. ... д-ра экон. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2005. 412 с.
3. **Грунин, О. А.** Факторы экономической победы Советского Союза в Великой Отечественной войне / О. А. Грунин // Проблемы современной экономики. – Выпуск № 2 (34), 2010. – С. 22-25. [Электронный ресурс]: Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3068> (дата обращения 25.03.2015)
4. **Вознесенский, Н. А.** Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н.А. Вознесенский. – М.: Госполитиздат, 1948. // [Электронный ресурс]: Режим доступа: World Wide Web. URL: http://militera.lib.ru/h/voznensky_n/index.html (дата обращения 25.03.2015)

5. **Carroll, W.** Inside Warring Russia: An Eye-Witness Report on the Soviet Union's Battle / W..Carroll. – N. Y., 1942.

6. **Grass, G.** Uber das Selbstverstandliche / G. Grass. – Neuwied, 1967.

7. **Мерцалова, Л. А.** Германский фашизм в новейшей историографии ФРГ: моногр. / Науч. ред. А.Ф. Носкова. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1990. – 208 с.

8. **Хохлов, Е. В.** Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны: моногр / Е.В. Хохлов. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2005. – 412 с.

9. **Науменко, Л. К.** Журнал «Альтернативы» – диалог со временем / Л.К. Науменко // Альтернативы.– № 2. 2011. – С. 4-12. // [Электронный ресурс]: Режим доступа: World Wide Web. URL: www.alternativy.ru/de/webfm_send/136 (дата обращения 25.03.2015)

10. **Васильченко, А.** Между Дуче и Гитлером. Румынские ученики фюрера / А. Васильченко. – М.: Издательство: Эксмо, 2004. – 480 с. Правда и то, что индустриализация в Германии была осуществлена задолго до 1933 г. Очевидно, что имеется ввиду военная индустриализация экономики и перестраивание её на военный лад, с чем, впрочем, не согласны некоторые специалисты. См. **Инсаров, М.** Государство и капитал в России / М. Инсаров // Самиздат. 2009. [Электронный ресурс]: Режим доступа: World Wide Web. URL: http://samlib.ru/editors/i/insarow_m/stateandcapital.shtml

УДК 94 (47)«17»

*Воронежская государственная медицинская академия им. Н. Н. Бурденко
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки
Т. В. Жиброва
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 252-47-38;
e-mail: tashazhibrova@rambler.ru*

*Voronezh State Medical Academy named after N. N. Burdenko
PhD in History, Associate Professor of Philosophy and Humanities Chair
T. V. Zhibrova.
Russia, Voronezh, tel. (473) 252-47-38;
e-mail: tashazhibrova@rambler.ru*

Т. В. Жиброва

ОРГАНИЗАЦИЯ ТАМОЖЕННОГО И ПИТЕЙНОГО УПРАВЛЕНИЯ В Г. АЗОВЕ В НАЧАЛЕ XVIII В.

Статья посвящена исследованию процесса организации таможенного и питейного управления в г. Азове в начале XVIII столетия, устройству первых государственных таможенных изб и кружечных дворов, возникающим при этом сложностям. Автором анализируются сведения, полученные из архивных источников, о процветающих в обозначенный период корчемстве и контрабанде и способах борьбы с ними со стороны государственных служащих.

Ключевые слова: Азов, таможенные сборы, кружечный двор, контрабанда, таможенный голова, управление.

T. V. Zhibrova

THE ORGANIZATION OF CUSTOMS AND PUBLIC HOUSE ADMINISTRATION IN THE CITY OF AZOV IN THE BEGINNING OF THE EIGHTEENTH CENTURY

The article investigates the process of customs and public house administration in the city of Azov in the beginning of the eighteenth century, the arrangement of the first state customs and public houses and the arising difficulties. The author analyzes the information obtained from archival sources, about illegal production of alcohol and smuggling, thriving in this period and ways of struggling with them by state officials.

Key words: Azov, custom fees, public house, smuggling, the head of customs duties, administration.

История местного управления, на сегодняшний день, не утратила интереса для исследователей, и проблема ее изучения по-прежнему сохраняет свою актуальность. Региональная специфика в отдельных областях позволяет дополнить общую картину процессов, происходящих в российском обществе на протяжении того или иного временного отрезка.

Первые историографические работы, посвященные изучению местных органов власти были написаны в середине-второй половине XIX в., но до сих пор не потеряли своей научной значимости. Приведем в пример труды таких исследователей, как Б. Н. Чичерина [1], А. А. Кизеветтера, М. Богословского [2], М. И. Смирнова [3] и Н. И. Приваловой [4]. Можно назвать также более современные работы по целому ряду городов, в том числе и юга России [5].

История становления Азовской губернии, в свою очередь, уже неоднократно становилась предметом внимания исследователей [6]. Азовские походы Петра I закрепили за страной право обладать городом. Азов был взят в 1696 году, и практически сразу же здесь была построена таможенная изба, стала налаживаться система таможенного управления, которая, как видно, не должна была отличаться от общегосударственной [7]. В составе России Азов находился с 19 июля 1696 г. по 12 июля 1711 г. (фактически до 2 января 1712 г. – даты непосредственной передачи его туркам). Как отмечает Н. А. Комолов, в начале XVIII

в. Азов становится центром отдельного территориального округа, стратегически важным в связи с сооружением Таганрогской гавани [б. С. 9]. За первые шесть лет крепостью управляли четыре воеводы: П.Г. Львов (1696–1697), А.П. Прозоровский (1697–1699), С.И. Салтыков (1699–1700) и С.Б. Ловчиков (1700–1702, фактически до 1703 г.) [б. С. 31–32].

Помимо военных забот на первых азовских воевод возлагался целый ряд обременительных обязанностей, связанных со строительством зданий и флота, судопроизводством, и, как следует из архивного материала, организацией таможенных сборов. Организация таможенного управления в Азове не могла не вызвать определенные сложности, связанные с наличием большого количества нерусского населения, людей «неблагонадежных», отбывающих здесь ссылку за уголовные или государственные преступления. Одной из проблем, требующих немедленного решения, была борьба местной администрации с корчемством и контрабандой.

Корчемство и контрабанда на протяжении нескольких столетий оставались главной проблемой таможенных служащих, осуществлявших сбор таможенных пошлин на местах. *«Неявленного питья и заповедных товаров не возить»*, - именно такая формулировка встречается практически во всех поручных записях по отъезжающим на промыслы из южнорусских городов и уездов. «Неявленное питье», или корчемная продукция, то есть незаконно произведенные алкогольные напитки, были запрещены к свободной продаже.

Система наказаний за корчемство и контрабанду, согласно Соборному уложению 1649 г., подразумевала отдачу на поруки жены и детей нарушившего закон человека, а также конфискацию товаров. С лиц, незаконно изготавливавших вино, или пивших на «косом», то есть действующем нелегальным образом, кружечном дворе, брали штраф – «заповедь». А с тех, кто торговал «безъявочно» и «безпошлинно», – «протаможу» [8. С. 133]. Повторность преступления влекло ужесточение наказания: штраф удваивался, а виновного могли наказать батогами, кнутом или тюремным заключением.

Обязательство бороться с корчемством брали на себя и выборные головы, и откупщики. В откупной грамоте, которую получал откупщик, говорилось о важности борьбы с корчемством. *«А в откупной грамоте у откупщиков написано, кто нибудь какого питья что скажет про себя а не продажного и им велено являти откупщику на кабаке а того велено беречь накрепко, чтоб опричь кабака никакого питья на продажу никто не держал да и про себя б питья безъявочно никто не держал ж, а кому будет про себя меду поставит или пиво сварит и брагу пьяную зделает, и они б являлись на кабаке откупщику»* [9].

Официально преследование корчемства было возложено на воеводу. Воевода должен был следить, *«чтобы обид не было и имать протаможси и заповеди»*, а корчемное вино отправлять в кабак.

Судя по всему, борьба азовской администрации с корчемством и контрабандой осложнялась наличием в городе большого количества выходцев с вольного Дона. Запрещенные к свободной продаже напитки можно было купить на рынке совершенно свободно, задержанные с поличным «преступники» нередко отговаривались незнанием законов. Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, на азовском рынке можно было без проблем приобрести не только алкогольную продукцию, но и табак, свободная продажа которого тоже была под запретом.

Так, в октябре 1697 г. по государственному приказу солдаты Преображенского полка, находящиеся в Азове, получили задание *«осмотреть за каменным городом от реки Дону куреней с вином которые вином торгуют»* [10]. В результате рейда был взят с поличным некий Г. Обакумов, житель Азова, который сообщил, что вино купил лично на рынке для собственного пользования и «для гостей» накануне, и вино вовсе не продавал, а *«пил с своею братьею»* [10]. Чем закончилось дело, к сожалению, в документах отражения не нашло. Однако показателен факт привлечения к проблеме борьбы с корчемным вином вооруженных солдат.

Организация таможенной и кабацкой службы определенно должна была начинаться со строительства необходимых для ее работы производственных помещений.

В феврале 1698 г. в Азов воеводе А.П. Прозоровскому была послана царская грамота за черной прикладной печатью. Ему вменялось в необходимость найти место под строительство таможенной избы и кружечного двора, *«то место описать и измерять и начертить на чертеж»* [11]. Приказ был исполнен в срок. Уже в марте А.П. Прозоровский отписал в Москву о том, что подходящее место найдено. Таможенная изба должна была быть размером 30 на 16 саженей [11] и располагаться *«под горою»*.

Единственной проблемой было то, что на месте будущей таможенной избы уже были постройки. Там стояли девять куреней казаков и войсковая изба. Принимать решение самому, *«без государева указа»*, А.П. Прозоровский не смел.

19 мая 1698 г. азовский воевода получает новую царскую грамоту с распоряжением *«место очистить и построить на том месте таможенню и кружечный двор со всяким строением как пристойно и лутчи построить»* [11].

В той же грамоте А.П. Прозоровский получает приказ организовать выборы таможенных служителей и указание ждать присылки из столицы необходимой для делопроизводства и функционирования таможенной службы документов, государственных бумаг и необходимой посуды и мер [11].

В XVIII столетии все еще существовало два способа организации таможенных и кабацких сборов: верный и откупной. Откупщики, в отличие от верных голов, обладали привилегией не подвергаться судебному преследованию вплоть до отказа от откупа [12]. В этой связи они меньше зависели от местной администрации в лице воеводы и пользовались большей свободой.

Верные головы, в отличие от откупщиков, назначались на свою должность «по поручительству» местных жителей. Основным критерием выбора была их зажиточность и честность. Наличие определенного имущества должно было служить гарантией от возможных недоборов.

Как правило, выставление права собирать таможенные и другие «прибыли» на своеобразный «аукцион» - то есть «на откуп» осуществлялось перед тем, как начать процедуру выбора. Об этом сообщалось заранее, уездным воеводам приказывали в соответствующих грамотах *«кликать биричем по все дни»*.

Желающие стать откупщиками таможенных и кабацких сборов должны были подать челобитную о своей просьбе в Москву. Формулировки таких челобитных отличались простотой и формальным содержанием. Будущие откупщики просили дать им *«тамгу и кабак на откуп из наддачи»*.

«Наддачей» называлась дополнительная сумма денег, предлагаемая сверх установленного налога. Тот, кто предлагал большую «наддачу», имел право преимущества на получение откупа. На деле это приводило к тому, что с каждым годом откупщики брали на себя обязательство в том же уезде собирать все большие и большие таможенные и питейные пошлины.

Откупщик не обязательно должен был быть жителем уезда, в котором он хотел взять на откуп таможенные и питейные сборы. Судя по документам, зачастую откупщиками становились жители соседних или более удаленных уездов. Отсутствие родственных связей в данной местности не могло не облегчать бесперебойные сборы пошлин и обеспечивать самим откупщикам более высокий доход. В своей деятельности они оказывались свободными от необходимости учитывать интересы друзей и родственников, другими словами «норовить им» [12].

То, что азовский воевода получил распоряжение организовать именно процедуру «выбора», говорит о том, что откуп представлялся в столице делом, скорее всего, более хлопотным, если не невозможным. Верный голова, чья должность, по сути, была ничем

иным, как повинностью, выступал с большей гарантией блюстителем государственных интересов.

Выборы в азовскую таможенную избу прошли летом 1698 г. и опять-таки вызвали известные сложности, связанные с нехваткой подходящих кадров. Обычная формулировка при таких случаях «выбрать людей добрых и прожиточных», по всей видимости, превратилась в простую формальность. Таможенный голова и ларечный были выбраны *«из сыльных которые в Азове написаны в посад а целовальники из новоприведенных солдат»* [12]. 1 июля 1698 г. в Соборной церкви состоялось приведение к крестоцелованию, вместо обычного 1 сентября, что говорит о спешке, связанной с необходимостью как можно скорее наладить систему государственных таможенных сборов в регионе.

В любом городе в составе таможенного и кабацкого административного аппарата обязательно были целовальники, дьячки или подьячие и разный вспомогательный персонал. Один из целовальников назначался старшим, он же по совместительству являлся ларечным (ларешным). Ларечный целовальник фактически являлся казначеем. Он же занимался приготовлением и покупкой вина. Судя по всему, должность ларечного целовальника была очень ответственной. В некоторых документах он именуется даже ларечным головой.

Остальные целовальники, как таможенные, так и кабацкие, именовались рядовыми. Среди них выделялись «ходячие» и караульные целовальники. Они, как правило, направлялись для сбора пошлин в торговые места и охраняли таможенную избу.

В обязанности целовальников входили оценка товаров и сбор пошлин. Они непосредственно работали в таможенной избе, на кабаке (кружечном дворе), брали откупные деньги с бань и ухажьев, а также могли выполнять самые разнообразные мелкие поручения, если на таможне не хватало для этих целей людей.

Целовальники сменялись ежегодно, работали они по одной - две недели, затем переменялись и занимались торговыми делами. Должность целовальника считалась важной, он являлся правой рукой таможенного головы и в случае непредвиденных обстоятельств мог его заменить.

Для ведения письменной документации на таможне и кабаке обязательно находился дьячок или подьячий, который вел всю отчетность.

Дьячки, как правило, находились на своей должности в таможне многие годы. Дьячки и подьячие не были материально-ответственными людьми на таможне и кабаке. Они могли занимать свою должность по найму или по выбору. Наемные давали поручную запись, а выборные работали по крестному целованию. В штате таможни обязательно имелся вспомогательный персонал. Здесь работали истопники, сторожа, рассыльные, винокуры, пивовары, чернорабочие: деловцы и ярыжные. Были здесь таможенные приставы, ходоки или посыльщики, которые ездили к уездным целовальникам.

Азовский таможенный и кабацкий голова 1698-1699 гг., по-видимому, один из самых благонадежных людей Азова того времени – С. М. Мартюшев, должен был организовывать работу таможенных служителей «без понаровки» и «замедления». Ларечными при нем состояли Герасим Фомин и Иван Хлепятин, последний был обучен грамоте и подписывал документы за таможенного голову С. М. Мартюшева.

Найти подходящих людей для работы в качестве таможенных и кабацких целовальников оказалось делом весьма сложным. Только в конце августа были проведены выборы, состоявшиеся в солдатских полках. В результате было составлено пять документов выбора, по которым целовальниками стали 10 человек: солдаты А. Кузнецов, И. Плехан, С. Казаков, Н. Ляпин, В. Семенов, И. Лукьянов, Н. Тимофеев, С. Свешников, Р. Шмырев и сержант К. Цемызгин [14].

Очень интересно представить, как складывалась работа выбранных целовальников из числа солдат разных полков, имелось ли в наличии необходимость подчиняться сержанту, как это было бы в казарме, на плацу или на поле битвы. К сожалению, в документах это отражение не нашло.

Для нормального функционирования таможенной избы необходима еще одна должность, а именно подьячего. Однако по документам, находящимся в нашем распоряжении, неясно, был ли найден подходящий человек на это место. Судя по всему, функции подьячего первоначально взял на себя грамотный ларечный И. Хлепятин.

На рубеже XVII-XVIII вв. таможенное управление в Азове испытывало много трудностей, о чем неоднократно отписывал в Москву таможенный голова С. Мартюшев. Он жаловался на злоупотребления администрации, местное население, которое занималось корчемством и контрабандой, отговариваясь незнанием законов. *«Мы раньше де не знали, что без государева указа не велено, а теперь знаем».*

В ноябре и декабре 1698 г. на Азов посылались две царские грамоты с похожим содержанием о запрете самостоятельного расходования таможенных и кружечных денежных сборов местной администрации в лице воеводы [11. Л. 2].

А. П. Прозоровский, согласно этим распоряжениям, должен был *«зборные денежные казны и питейные прибыли ни на какие дачи в Азове в расход не держать»* [15] и обо всем отчитываться помесечно, с занесением записей в сборные таможенные книги.

Подобные формулировки свидетельствуют о возможных злоупотреблениях азовских воевод в отношении таможенных доходов. Располагаясь далеко от центра страны, местная азовская администрация могла чувствовать свою безнаказанность, стремиться воспользоваться находящимися в практическом распоряжении довольно крупными денежными средствами.

Несмотря на все возникающие сложности, азовская таможенная служба на рубеже XVII-XVIII вв., постепенно налаживала свою работу. Необходимо отметить особый государственный контроль этой стороны жизни азовского населения. Первые азовские воеводы по всем возникающим вопросам в отношении организации таможенных сборов обязательно отписывались в Москву. *«Без государева указа не велено»*, - именно такой формулировкой подытоживались все указания, содержащиеся в петровских грамотах.

В заключение следует отметить, что история азовского таможенного и питейного управления еще не становилась темой самостоятельного исторического исследования. Такие вопросы как функционирование откупной системы в Азове, преемственность первоначально созданной таможенной системы управления до 1712 года и системы, созданной после возвращения Азова Османской империи, функционирование таможенных и кабацких служб Азовской губернии все еще ждут своего исследователя.

Библиографический список

1. **Чичерин, Б. Н.** Областные учреждения России в XVII веке / Б. Н. Чичерин. – М., 1856.
2. **Богословский, М. Б.** Земское самоуправление на русском севере в XVII веке / М. Б. Богословский. – М., 1909. – Т. 1.
3. **Смирнов, М. И.** Нижегородские казенные кабаки и кружечные дворы XVII столетия / М. И. Смирнов // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. – 1913. – Т. 16. – Вып. 2. – С. 1–196; См. также: **Соколов, В.** Пьянство на Руси в эпоху первых Романовых и меры борьбы с ним (По документам Разрядного приказа) / В. Соколов // Голос минувшего. – 1915. – № 9. – С. 105–118.
4. **Привалова, Н. И.** Делопроизводство касимовских кабаков и кружечных дворов в XVII веке / Н. И. Привалова. – Нижний Новгород, 2008 (ранее книга не публиковалась).
5. **Жиброва, Т. В.** Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII веке / Т. В. Жиброва. – Воронеж, 2011. – 211 с.; **Камараули, Е. В.** Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века / Е. В. Камараули. – Воронеж, 2009. **Глазьев, В. Н.** Особенности

- социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVII-XVIII веков / В. Н. Глазьев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – Воронеж, 2013. – № 1.
6. **Комолов, Н. А.** Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы / Н. А. Комолов. – Ростов-на-Дону, 2009.
 7. **Жиброва, Т. В.** Азовское таможенное и питейное управление в конце XVII – начале XVIII вв. / Т.В. Жиброва // Русь, Россия. Средневековье и Новое время.– 2013. – № 3. – С. 149-154.
 8. Соборное уложение 1649 г.: Текст, комментарии / [АН СССР. Ин-т истории, авт. кол.: А.Г. Маньков (рук.) и др.; коммент. Г.В. Абрамовича и др.] . – Л., 1987. – С. 133.
 9. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 28. Л. 1.
 10. Там же. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
 11. Там же. Оп. 4. Д. 7. Л. 1.
 12. **Жиброва, Т. В.** Откупная система на юге России в XVII веке: (на примере Воронежского уезда) / Т. В. Жиброва // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2008. – № 2. – С. 217-222.
 13. ГАВО Ф. И-5. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.
 14. Там же. Д. 28. Л. 1-2.
 15. Там же. Д. 14. Л.1.

УДК 94(4)

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)
Кандидат исторических наук, преподаватель 205 кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин А. М. Ипатов
Россия, г. Воронеж, тел. 8 (920) 466- 81-70
e-mail: molot.tora@mail.ru

Military Training Research Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu. Gagarin» (Voronezh)
PhD in History, lecturer of the 205th Humanities and Social and Economic Sciences Chair
A. M. Ipatov
Russia, Voronezh, tel. 8 (920) 466- 81-70
e-mail: molot.tora@mail.ru

А. М. Ипатов

**ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА 1875-1878 ГГ.
В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ СОВРЕМЕННОКОВ***

В статье предпринята попытка выявить отношение государственных деятелей и наиболее влиятельных публицистов Российской империи к проблеме позиции Германии во время Восточного кризиса 1875-1878 гг.

Ключевые слова: Восточный кризис, Германия, Российская империя, Союз трех императоров, политическая элита.

A. M. Ipatov

**GERMANY'S POLITICS DURING THE EASTERN CRISIS OF 1875-1878
IN RUSSIAN CONTEMPORARIES' ESTIMATION**

The article attempts to reveal the attitude of the government officials and most influential journalists of the Russian Empire to the problem of Germany's position during the Eastern Crisis of 1875-1878.

Key words: Eastern Crisis, Germany, Russian Empire, the League of the Three Emperors, political elite.

После поражения в Крымской войне 1853-1856 гг. перед Российской империей встала задача выхода из внешнеполитической изоляции и поиска надежных союзников из числа великих держав. Министр иностранных дел А. М. Горчаков склонялся в пользу сотрудничества с Францией. Император Наполеон III, в свою очередь, тоже искал возможность для сближения с Россией. Однако непоследовательность и авантюризм французской дипломатии вкупе с ее недавним участием в антироссийской коалиции привели в итоге к отказу от сближения Петербурга и Парижа. Традиционные противоречия с Англией на Балканах и в Центральной Азии исключали возможность союза с ней. Оставались Австро-Венгрия и Германия. Но в российском общественном сознании образ дуалистической монархии ассоциировался с предательством. Слишком сильна была обида на Австрию за ее нейтральную позицию в Крымской войне, в то время как в России ожидали поддержки от Габсбургов за помощь в подавлении революции 1848-1849 гг. в Венгрии. Представления о Германии претерпели существенную трансформацию. В период войн за объединение немецких земель под эгидой Пруссии отношение к ней зачастую было благожелательным. Однако после разгрома Франции стереотип о немце-ученом замещается в российском общественном сознании образом немца-милитариста. Однако давние династические связи между Берлином и Санкт-Петербургом, отсутствие между ними территориальных споров, успешная дипломатическая миссия в России в 1859-1862 гг. прусского посла, будущего

* *Материал докладывался 5.11.2015 г. на расширенном заседании научного круглого стола гуманитарного факультета ВГПУ «Проблемы археологии и истории Ближнего Востока».*

канцлера, О. фон Бисмарка и готовность Вильгельма I оказать помощь Александру II в подавлении польского восстания 1863 г. дают, вероятно, веские основания оценивать российско-германские отношения начала 1870-х гг. как конструктивные и взаимовыгодные. Неудивительно поэтому, что в 1873 году Российская и Германская империи подписали союзный договор. Присоединение к нему Австро-Венгрии стало возможным лишь после неоднократных заверений со стороны кайзера Вильгельма I и Бисмарка в том, что действия дуалистической монархии не будут враждебны России.

Союз трех императоров существенно изменил расстановку сил в Европе. Однако будет ошибкой считать, что члены этого объединения имели одинаковый статус и влияние. Общеизвестным лидером являлась Германия. Ее канцлер, князь Бисмарк, по праву считался одним из сильнейших дипломатов мировой истории. Его влияние на принятие политических решений в европейских государствах зачастую преувеличивали, пытались оправдать собственные ошибки и просчеты [1. С. 84]. Союз трех императоров неоднократно подвергался испытанию на прочность. Особенно напряженными отношения между участниками коалиции стали в период так называемого Восточного кризиса 1875-1878 гг., когда христианское население Балканского полуострова восстало против Османской империи. После некоторых колебаний Россия вступила в войну на стороне славянских народов. В историографии сложилась точка зрения, что Германия в эти годы стремилась столкнуть интересы своих партнеров на Балканах, чтобы иметь возможность свободы рук в предполагаемом столкновении с Францией. К тому же в Берлине могли извлекать выгоду за посредничество в разрешении споров. Бисмарк рассчитывал на то, что политические элиты обеих стран будут нуждаться в Германии как в независимом, но благожелательном по отношению к обеим сторонам конфликта арбитре. В связи с этим важно проанализировать, как в России воспринимали подобную линию поведения империи Гогенцоллернов. Особое внимание уделено оценкам, сложившимся в среде государственных деятелей и публицистов. Первые определяли направления и содержание политики государства, вторые формировали и отражали общественное мнение империи. Отдельные аспекты данной темы были исследованы в трудах В. И. Адо [2], В. В. Дегоева [3], Н. С. Киняпиной [4], В. Н. Виноградова [5] и др.

Прежде всего, стоит отметить тот факт, что сразу с началом восточного кризиса российские государственные деятели в большинстве своем стали высказывать опасения, что Германия предпримет попытку использовать события на Балканах для укрепления своего влияния в Союзе трех императоров. Военный министр Д. А. Милютин в марте 1876 года отмечал в дневнике: «Германский канцлер прикинулся простодушным добряком и развивал ту мысль, что настоящая эпоха есть самая выгодная для России, чтобы распорядится Турцией совершенно по своему усмотрению» [6. С. 63]. Вторил коллеге и министр внутренних дел П. А. Валуев, писавший, что «немцы нас подзадоривали сколько могли» [7. С. 5]. Любопытно, что позицию государственных деятелей в данном вопросе разделяли и наиболее влиятельные публицисты, к примеру один из идеологов панславизма И. С. Аксаков. В письме к княгине Е. А. Черкасской еще в августе 1875 года он сетовал на то, что Австро-Венгрия, но, прежде всего – Германия, не позволят разрешиться славянскому вопросу в желаемом направлении. «Одним словом, мне кажется, что мы одурачены Бисмарком и Андраши» [8. С. 484], – писал известный публицист и философ.

Знаменитый мыслитель К. Н. Леонтьев с тревогой писал о возможности военного столкновения России и Германии из-за событий на Балканах. По его мнению, в случае военных действий, обе стороны будут очень сильно измотаны, и им придется прибегнуть к помощи союзников. В то же время, исход возможной борьбы К. Н. Леонтьев предрекал в пользу Российской империи. Лично симпатизируя Бисмарку, он доказывал, что последний в восточном вопросе повел нетипичную для себя противоречивую политику, которая привела его в затруднительное положение. Философ писал: «Но ведь он знает, что чем дальше протянется Австрия к югу, тем скорее тогда произойдет у нее борьба на жизнь и смерть с

Россией и тем скорее (и против воли даже нашей) разрешится не только восточный, но и всеславянский вопрос в нашу пользу» [9. С. 129]. Таким образом, К. Н. Леонтьев больше акцентирует внимание не на позиции Германии, а на последствиях ее возможного вмешательства, которое, вероятно, для отечественного публициста было даже желаемым.

По мере развития восточного кризиса усиливается критика в адрес Германии со стороны как российских государственных деятелей, так и наиболее влиятельных публицистов. Особенно жесткой она стала после объявления войны Турции. Британский историк А. Тэйлор выделил в российской политической элите несколько течений – консервативное (П. А. Шувалов), панславистское (Н. П. Игнатьев) и центристское (А. М. Горчаков) [10. С. 254]. Даже если не соглашаться с подобной классификацией, вызывает удивление единодушие, с которым в российском образованном обществе воспринимали политику Германии в те годы.

Ряд обстоятельств, тем не менее, приводил к тому, что, вопреки враждебной позиции Берлина, Александр II вынужден был вести диалог с руководством Второго рейха. В разгар войны с Турцией 1877-1878 года, узнав из донесений российского посла в Берлине П. П. Убри о недовольстве «железного канцлера» нападками российской прессы, он записал в дневнике: «Положение ужасно, и необходимо принять меры, чтобы сохранить расположение Бисмарка» [11. С. 3]. По свидетельству Д. А. Милютин, император и канцлер А. М. Горчаков неоднократно выражали недовольство политикой Германии в восточном кризисе. Однако первый российский министр только в январе 1877 года начал «сомневаться в искренности наших друзей и в первый раз решил высказать это Государю, который выслушал его без возражения» [6. С.182].

С началом военных действий между Россией и Турцией активность германских политиков, подталкивавших царя и его окружение к активным действиям, заметно возросла. Это не осталось незамеченным в российской политической элите. П. А. Валуев считал, что «кн. Бисмарк и гр. Андраши потирают себе руки, глядя на то, как мы себе пускаем кровь pour l'amour des Bulgares» [7. С. 13]. Более жестко высказывался близкий к официальной власти издатель «Гражданина» князь В. П. Мещерский. В воспоминаниях за 1877 год он отмечал: «Князь Бисмарк, как я уже писал, принимал, можно сказать, к сердцу интересы нашего достоинства горячее, чем мы сами, но делал он это потому, что его главная цель в Восточном вопросе была во что бы то ни стало нас втравить в войну» [12. С. 475]. Иными словами, российские государственные деятели и влиятельные публицисты в большинстве своем опасались вероятной поддержки Берлином притязаний Австро-Венгрии на Балканах. Не исключено, что у некоторых из них подчас закрадывалось опасение о возможности повторения ситуации, наподобие той, в которой оказалась Россия в годы Крымской войны в связи с «неблагодарностью» Австрии. К слову, этот мотив – необходимость отплатить России за благожелательный нейтралитет в годы войн за объединение Германии – упоминал и Н. Я. Данилевский. Он доказывал, что поддержка Берлином России на Балканах имела и другую сторону, а не только желание ослабить державу Романовых. Следуя обещаниям императора Вильгельма I, дяди Александра II, германские руководители обязаны были вернуть России дипломатический «долг» и хотя бы на словах поддержать ее действия на Балканах. Однако Н. Я. Данилевский критически отнесся к невмешательству Бисмарка и Вильгельма I, так как считал его не искренней позицией Германии, а вынужденным платежом по счетам. Он отмечал: «... в 1870 Россия обеспечила Германии полный, абсолютный нейтралитет Австрии: между тем как обеспечиваемый нам нейтралитет той же Австрии весьма условен, с большими, не в пользу нашу клонящимися, ограничениями, нейтралитет, который, не нарушая справедливости, можно по меньшей мере назвать нейтралитетом недоброжелательным» [13. С. 50].

Наибольшей критике со стороны отечественных политиков и публицистов подверглась позиция Германии на Берлинском конгрессе 1878 года. Там решались основные проблемы послевоенного устройства Европы. Весьма странно, что российские политики, если верить

Д. А. Милютину, который писал, прежде всего, о Горчакове, первыми предложили сами созвать конгресс «в Берлине под председательством Бисмарка» [6. С. 381]. Сложилась парадоксальная ситуация – с одной стороны, отечественные политики и публицисты не доверяли Германии, считая ее позицию на Балканах враждебной по отношению к России, но с другой стороны – сами сознательно стремились к тому, чтобы доверить председательство на конференции по урегулированию восточного кризиса представителям империи Гогенцоллернов. Любопытно, на что же в данном случае надеялись представители российской политической элиты?! Симптоматично звучат и слова императора Александра II, записанные им в дневнике незадолго до дипломатического «концерта» в Берлине: «В ходе конгресса Бисмарк подружился с Андраши, что заставляет меня опасаться разлада наших отношений с Германией» [11. С. 33]. Даже если учесть сомнения в подлинности дневников российского монарха, вызывает удивление степень доверия и надежды на помощь немцев на конгрессе. Особенно если принять во внимание следующий факт: еще до созыва конференции великих держав «железный канцлер» обозначил свою роль «честного маклера», подчеркивая тем самым, что не собирается оказывать поддержку ни одной из сторон.

Касаясь оценки российскими политиками и публицистами позиции Германии на конгрессе, отметим, что она была однозначна негативной. В Петербурге считали, что Берлин предал интересы своей союзницы и сделал окончательный выбор в пользу Австро-Венгрии. Подобную точку зрения выражал издатель «Московских ведомостей» М. Н. Катков, влияние которого на принятие политических решений, по признанию ряда исследователей, было очень велико [14. С. 3]. Он писал: «Князь Бисмарк посредством концерта успел уладить одно за другим интересовавшие его дела, а нас между тем благополучно вытеснили с Балканского полуострова» [15. С. 160]. Н. Я. Данилевский обвинил председателя конгресса в непоследовательности: он хотел уступок от России в Берлине по итогам русско-турецкой войны, хотя сам отказался в свое время от созыва международной конференции после войн с Австрией в 1866 г. и Францией в 1870-1871 гг. По мнению автора «России и Европы», подобная двойственность приводит к окончательному выводу, «что друзей у нашей Руси нет; что все конечно готовы пользоваться ее услугами, но любят платить за эти услуги если и не отъявленной феноменальной неблагодарностью, на что конечно не все обладают достаточно медным лбом, то, по крайней мере, как мы уже раз выразились, ассигнациями весьма низкого курса за чистое золото...» [13. С. 104].

Несмотря на осознание отсутствия друзей в международных отношениях, в российской политической элите оставались убежденные сторонники обратного, например, братья Шуваловы. Один из них, Петр Андреевич, даже после окончания Берлинского конгресса продолжал верить в то, что его личная дружба с Бисмарком поможет при решении межгосударственных проблем. Он писал: «При всей скромности я могу сказать, что в это время я был единственным государственным человеком в России, могущим привести это дело (Берлинский конгресс – И. А.) к благополучному исходу благодаря существовавшим между князем Бисмарком и мной дружеским отношениям, так и благодаря тому доверию, какое мне оказывали в Лондоне и Вене» [16. С. 99].

Среди тех, кто считал действия Германии на конгрессе предательскими, стоит выделить императора Александра II, канцлера А. М. Горчакова, военного министра Д. А. Милютину, бывшего руководителя министерства внутренних дел П. А. Валуева, публицистов И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева. Таким образом, их идеологические разногласия и политические предпочтения не стали поводом для различия в оценках политики Германии, которая признавалась однозначно враждебной.

Со временем эта точка зрения претерпела трансформацию. Уже после отставки «железного канцлера» в 1890 году, когда прошло достаточно времени, чтобы события Восточного кризиса 1875-1878 гг. начали восприниматься более взвешенно, упреки в адрес Германии стали все чаще сменяться осознанием собственных ошибок и просчетов. Особенно показательна в этом плане трансформация восприятия виновников дипломатического

поражения России на Берлинском конгрессе. В ходе совещания и сразу после него в российской политической элите позиция Германии в лице канцлера Бисмарка воспринималась враждебной и направленной на ослабление Российской империи. Со временем на первый план вышли причины иного характера: неподготовленность российской делегации, политическая борьба между А. М. Горчаковым и П. А. Шуваловым, непоследовательность требований отечественных представителей и их слепая вера в обязательную итоговую поддержку Берлина. Однако к этому времени конструктивный диалог между Россией и Германией сменился этапом взаимных недомолвок и даже конфронтацией.

Библиографический список

1. **Суворин, А. С.** В ожидании века XX. Маленькие письма (1889-1903) / А. С. Суворин. – М.: Алгоритм, 2005.
2. **Адо, В. И.** Берлинский конгресс 1878 года и помещичье-буржуазное мнение России / В. И. Адо // Исторические записки. – 1961. – № 69. – С. 101-141.
3. **Дегоев, В. В.** Россия и Бисмарк / В. В. Дегоев // Звезда. – 2003. – № 7. – С. 128-155.
4. **Киняпина, Н. С.** Внешняя политика России второй половины XIX века / Н. С. Киняпина. – М.: Высшая школа, 1974.
5. **Виноградов, В. Н.** Балканская эпопея князя А. М. Горчакова / В. Н. Виноградов. – М.: Наука, 2005.
6. **Милютин, Д. А.** Дневник. 1876-1878 / Д. А. Милютин. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009.
7. **Валуев, П. А.** Дневник. 1877-1884 / П. А. Валуев. – Петроград: «Былое», 1919.
8. **Тесля, А. А.** «Последний из ”отцов”»: биография Ивана Аксакова / А. А. Тесля. – СПб: «Владимир Даль», 2015.
9. **Леонтьев, К. Н.** Записки отшельника / К. Н. Леонтьев // Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. Россия, Восток и славянство. – М.: Типография В. М. Саблина, 1912. – С. 81-144.
10. **Тэйлор, А. Дж.** Борьба за господство в Европе 1848-1918 / А. Дж. Тэйлор. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 644 с.
11. ГАРФ. Ф. 678. О. 2. Дело 6. 157 л.
12. **Мещерский, В. П.** Мои воспоминания / В. П. Мещерский. – М.: Захаров, 2003.
13. **Данилевский, Н. Я.** Как отнеслась Европа к русско-турецкой распре / Н. Я. Данилевский // Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. – СПб: Типография брат. Пантелеевых, 1890. – С. 42-52.
14. **Твардовская, В. А.** Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания) / В. А. Твардовская. – М.: Наука, 1978.
15. **Катков, М. Н.** Задачи внешней политики России / М. Н. Катков // Идеология охранительства. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – С. 156-163.
16. **Хвостов, В. М.** П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 года / В. М. Хвостов // Красный архив – 1933. – Т. 4(59). – С. 82-109.

УДК 930.2

*Воронежский государственный университет
Доктор исторических наук, доцент кафедры
регионоведения и экономики зарубежных стран
М. В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж, тел. (473)2392931
e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
Dr. of Historical Sciences, Associate Professor of
Regional Studies and Foreign Economies Chair
M. V. Kirchanov
Russia, Voronezh, tel. (473)2392931
e-mail:maksymkirchanoff@gmail.com*

М. В. Кирчанов

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДОНЕЗИИ В
АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1965 – 1970-е гг.)**

В статье рассматривается развитие индонезийских штудий в американской историографии во второй половине 1960-х годов. Автор анализирует первый в США специализированный журнал «Indonesia», сфокусированный на изучение индонезийской истории, политики и экономики. Автор статьи приходит к выводу, что развитие индонезийских штудий имело междисциплинарный характер.

Ключевые слова: востоковедение, Индонезия, индонезийские исследования, историография, научные сообщества

M. V. Kirchanov

**SOCIAL, CULTURAL AND POLITICAL STUDIES OF INDONESIA IN
AMERICAN HISTORIOGRAPHY (1965 – 1970s)**

The article examines the development of Indonesian Studies in American historiography of the second half of the 1960s. The author analyzes the first specialized American journal «Indonesia» that was focused on studies of Indonesian history, politics and economics. The author concludes that development of Indonesian Studies has interdisciplinary nature.

Key words: Oriental studies, Indonesia, Indonesian studies, historiography, academic community

Современное гуманитарное знание в своем функционировании подвержено структурированию и выделению отдельных исследовательских полей и областей по географическому принципу. В XIX веке, по мере развития науки, накопления знаний, в рамках некогда условно единого востоковедения как актуализации идеи статичности Востока и превосходства Запада начали складываться и возникать специализированные направления, сфокусированные на изучении отдельных неевропейских стран, языков, культур и религий. Одним из таких направлений стало индонезиеведение, которое в рамках колониальной модели знания, возникает в XIX столетии в Нидерландах, что было связано с необходимостью вообразить и локализовать владения Голландии в Юго-Восточной Азии в контексте развивавшейся голландской идентичности.

Крупнейшим центром в сфере изучения индонезийской проблематики в современных США следует признать Корнэллский Университет (Cornell University), в рамках Центра международных исследований (Center for International Studies) которого не только реализуется Программа изучения Юго-Восточной Азии (Southeast Asia Program), но и издается единственный в мире специализированный журнал «Indonesia», посвященный изучению вопросов индонезийской истории, политики, культуры, экономики, языковой ситуации. В настоящей работе наше внимание будет сосредоточено на истории и развитии индонезийских исследований в США, на трансформации научного сообщества в контексте того, как менялся и развивался научно-исследовательский канон индонезийских штудий на фоне истории журнала «Indonesia».

Культурно-антропологические штудии. В американском индонезиеведении второй половины 1960-х годов выделялись исследования Хилдрэд Гиртц [6], посвященные феномену «лата» (*latah*) на Яве. Лата – особое психическое состояние, в которое человек может впасть после пережитого им шока. Анализируя феномен «лата», Х. Гиртц подчеркивала, что ему посвящена значительная литература, но при этом фактически отсутствуют исследования, которые учитывали этническую, религиозную и культурную специфику этого состояния. Стремясь ликвидировать этот пробел, во второй половине 1960-х годов Х. Гиртц предприняла попытку описать особенности этого явления на Яве. Анализируя особенности «лата» на Яве, американская исследовательница пришла к ряду заключений, а именно: в большинстве случаев это расстройство фиксируется у женщин, состояние протекает различно (часто с употреблением ненормативной лексики и непристойных жестов), местные сообщества не воспринимают это состояние как болезненное и неестественное, большинство лиц, перенесших «лата», относились к социальным низам индонезийского общества. В целом, Хилдрэд Гиртц во второй половине 1960-х годов указывала на зачаточное состояние изучения подобной проблематики в американских индонезийских штудиях. Тем не менее, ее статья, опубликованная в 1968 году, стала одним из первых шагов в развитии того раздела культурной антропологии, который не только был специально сфокусирован на Юго-Восточной Азии (в частности, на Индонезии), но и получил значительное развитие в американских гуманитарных исследованиях в последующие годы.

Тематически к исследованиям Х. Гиртц оказались близки работы и другого автора «Indonesia» конца 1960-х годов – Истутиаха Гунавана Митчелла (*Istutiah Gunawan Mitchell*), который исследовал социо-культурный фон психических заболеваний в Индонезии [7]. По мнению Истутиаха Гунавана Митчелла, основанном на данных индонезийской статистики, в Джакарте на протяжении 1960-х годов ежегодно пациентами специализированных заведений в среднем становилось более 10 % представителей этнической группы минангкабау. При этом во всем населении индонезийской столицы минангкабау составляли не более 2 %. В целом, признавая, что психические заболевания являются «личной проблемой» (*individual problem*) пациента, Истутиах Гунаван Митчелл указывал и на то, что «психически больной человек является следствием развития того общества, к которому он принадлежит». С другой стороны, указывая на то, что психические болезни встречаются во всех обществах, возникая под воздействием «социально-структурных факторов», он все-таки ставил вопрос о причинах столь значительной заболеваемости среди минангкабау.

Анализируя феномен столь значительной подверженности психическими заболеваниями у минангкабау, по сравнению с другими этническими группами Индонезии, Истутиах Гунаван Митчелл полагал, что сообщество минангкабау во второй половине 1960-х годов оказалось в значительной степени фрагментированным и разрозненным, что стало следствием ускоренной модернизации и форсированного знакомства с ранее практически неизвестными европейскими культурными ценностями и социально-экономическими отношениями. Модернизация Индонезии после получения независимости стимулировала внутреннюю миграцию, заставив минангкабау уезжать в другие регионы, что содействовало, по мнению Истутиаха Гунавана Митчелла, разрыву сложившихся ранней социальных связей и размыванию преимущественно традиционной культуры этого сообщества. Истутиах Гунаван Митчелл полагал, что причины и истоки столь значительной заболеваемости следует искать в специфике традиционного общества минангкабау.

По мнению Истутиаха Гунавана Митчелла, основу местных сообществ минангкабау составляли относительно небольшие населенные пункты (*negari*), состоящие из *rumah gedang* (больших семейных домов), жизнь в которых была подчинена адату (*adat*), т.е. обычному праву и традициям, возникших в рамках *kaum* и *suku* – различных вариантах матрилинейного родства и наследования. При этом формально минангкабау относились к мусульманской умме. В подобной традиционной системе связей набор ролей и статусов мужчины был в

значительной степени ограничен в условиях неразвитости «прочных семейных связей». Важную роль в социализации мальчиков в сообществе минангкабау играл *sugau* – специальный дом, расположенный рядом с мечетью, где они жили начиная с семи лет, изучали Коран и основы ислама, и контактировали с молодыми людьми из других регионов, что в определенной степени выводило их за пределы того сообщества, к которому они формально принадлежали. Разрыву традиционных связей в среде минангкабау содействовал и колониальный период, отмеченный определенной активизацией миграции, в том числе – и в направлении Джакарты. Именно в Джакарте, по мнению Истутиаха Гунавана Митчелла, имели место конфликты между традиционной системой ценностей, в которых социализировались минангкабау, и западными социально-экономическими отношениями.

Иллюстрируя сложности разрушения традиционного сознания минангкабау, Истутиах Гунаван Митчелл описывал три случая неудачной адаптации к городской среде. Первый случай, описанный Истутиахом Гунаваном Митчеллом, относился к девушке 20 лет, выросшей в традиционной семье и получившей религиозное образование и пребывавшей под давлением старших родственников, которые ограничивали ее общения с мужчинами, в том числе – с родными братьями, что, вероятно, спровоцировало психическое заболевание. Второй случай, который в конце 1960-х годов анализировал Истутиах Гунаван Митчелл, был представлен девушкой 17 лет, которой был поставлен диагноз невращения: выросшая в религиозной семье (отец совершил хадж, несколько родственников получили религиозное образование), она пребывала под постоянным контролем старших родственников, которые ограничивали круг ее общения. Третьим случаем, описанным Истутиахом Гунаваном Митчеллом, был мужчина 30 лет, который работал клерком на государственном предприятии в Паканбату. В отличие от двух других описанных случаев пациент С. не был воспитан в преимущественно религиозной атмосфере – практически все его родственники занимались бизнесом, получив экономическое образование, а сам он неоднократно публиковал художественные тексты. Стимулом для заболевания, по мнению Истутиаха Гунавана Митчелла, стало то, что пациент С. стал свидетелем подавления массовых протестов 1958 года, в ходе которых были убиты практически все, кто составлял круг его общения. Кроме этого в середине 1960-х годов пациент С. подвергался преследованиям по политическим мотивам, связанными с его журналистской деятельностью. Дополнительным фактором, как полагал Истутиах Гунаван Митчелл, стали межэтнические противоречия, так как руководящие посты не занимали представители минангкабау. Анализируя эти три описанные им случая Истутиах Гунаван Митчелл полагал, что первые два представляют собой конфликт между различными традиционными и современными ценностями, а третий порожден ускоренной и форсированной модернизацией индонезийского общества.

Специфика социальных отношений минангкабау была и в центре внимания Нэнси Тэннер, которая анализировала проблемы расселения представителей этого сообщества на территории Индонезии [15]. Рассматривая вопросы расселения, Н. Тэннер исходила из полевых экспедиций 1963 – 1966 годов и данных индонезийской статистики 1960-х годов, согласно которой минангкабау были наиболее урбанизированной группой с незначительным процентом бедных, а большинство представителей сообщества относилось к среднему классу, будучи экономически активной частью населения, вовлеченной в торговлю. Системообразующей особенностью сообществ минангкабау, как полагала Н. Тэннер, была склонность к *marantau* – экономически стимулируемой миграции. Несмотря на значительную урбанизацию минангкабау, Н. Тэннер анализировала ту его часть, которая занимала аграрные регионы. Несмотря на сохранение элементов традиционного общества (матрилинейный род и т.д.), Н. Тэннер полагала, что в 1960-е годы минангкабау столкнулись с вызовами современности, что привело к фрагментации общества и актуализации в его рамках социальных и экономических конфликтов. Разрешение и урегулирование подобных конфликтов, как полагала Н. Тэннер, в значительной степени усложнялось одновременным сосуществованием и действием на территории, населенной минангкабау, нескольких

юридических норм (традиционных, мусульманских и индонезийских, которые нередко, в силу постколониального характера страны, были заимствованы из европейского политического опыта), что существенно отражалось на процессах модернизации, замедляя их темпы.

Изучение региональной проблематики. Анализируя специфику развития Индонезии, американские исследователи во второй половине 1960-х годов особое внимание уделяли комплексу социо-культурных факторов. По мнению Фрэнка Кули [5], изучение индонезийской культурной ситуации осложнялось исходными позициями исследователей, которые могли воспринимать исходный культурный материал с точки зрения традиционного христианского миссионера или представителя и носителя западной культуры, несущего более прогрессивное, современное знание, содействующее прогрессу и модернизации. Фр. Кули подчеркивал, что в ряде индонезийских регионов религиозная гетерогенность сочеталась с культурной гомогенностью: например, на Молуккских островах на одной гетерогенной территории могли сосуществовать гомогенные поселения мусульман, христиан или приверженцев местных верований. Это, в свою очередь, привело как к росту конфликтности между светскими и религиозными авторитетами, а также к адатизации религиозного пространства (как мусульманской уммы, так и христианских общин), интегрированного в контекст дохристианских и домусульманских традиций.

Во второй половине американские авторы, которые занимались индонезийскими штудиями, активно анализировали региональные измерения социально-экономических процессов в Индонезии. Например, в центре внимания Р.В. Лиддла оказались проблемы форм и проявлений культурной, этнической и социальной саморепрезентации различных групп населения в Северной Суматре. Особое внимание он уделил сообществам Суку Сималунгун. основой для научных выводов американского автора стали полевые исследования, проведенные им в Индонезии в 1963 – 1964 годах. Суммируя результаты своих исследований, Р.В. Лиддл [9] полагал, что Сималунгун (или Сиантар) относился к числу не только полиэтнических регионов, но и к территориям, которые сочетали различные уровни развития. По мнению Р.В. Лиддла, традиционные формы политической организации пространства, *keradjaan* (королевства), с одной стороны, к началу 1960-х годов являлись чрезвычайно архаичными. С другой, он полагал, что колониальная политика Нидерландов существенно изменила этническую структуру региона, стимулируя миграцию, что привело к размыванию преимущественно батакского характера региона, на территории которого все большую роль начинали играть яванцы. Поэтому, к моменту проведения полевых исследований Р.В. Лиддла, большинство «социальных расхождений» в Сималунгуне имели этнические основания.

По данным начала 1960-х годов, которыми руководствовался Р. В. Лиддл, сималунгунские батаки (*Simalungun Batak*) составляли 30 % населения региона, северные тапанулийские батаки (*North Tapanuli Batak*) – 20 %, яванцы – 20 %, южные тапанулийские батаки (*South Tapanuli Batak*) – 15 %. Первые две группы в колониальный период в значительной степени были подвергнуты христианизации. Другие группы были представлены носителями христианства, ислама и традиционных верований. По мнению Р.В. Лиддла, Сималунгун представлял регион, где относительно четко прослеживался феномен абангана (*abangan*) – синтетического ислама со значительным немусульманским бэкграундом, представленным «более синкретическим, анимистическим и находящимся под влиянием индуизма исламом». Другим последствием колониализма, по мнению Р.В. Лиддла, стало сочетание политического и религиозного лидерства, что привело к началу 1930-х годов к потере контроля над политической сферой со стороны традиционных элит, которые не были в состоянии конкурировать с индонезийскими националистами. Переломным моментом стал период японской оккупации, во время которого «традиционные и религиозные элиты» оказались не в состоянии противостоять «новому революционному

лидерству», представленному, например, организацией *Barisan Harimau Liar* (Легион Дикого Тигра).

Анализируя феномен существования различных форм традиционного общества, Р.В. Лиддл указывал на то, что оно оказалось чрезвычайно устойчивым и адаптивным к внешним вызовам: именно поэтому проявления традиционализма трансформировались в регионализм, представленный рядом организаций (*Kebangunan Rakjat Simalungun Sumatera Timur* – Пробуждение сималунгунского народа на Восточной Суматре; *Badan Penuntut Otonomi Sumatera Timur* – Движение за автономию Восточной Суматры), которые к середине 1960-х годов прекратили активную деятельность, что привело к установлению, по выражению Р.В. Лиддла, «организационного вакуума», кризису общеиндонезийской модели, основанной на попытке выстраивания отношений региональных сообществ с национальными партиями и фактической актуализации неформальных личных связей в местном сообществе, что стало следствием склонности батаков действовать в системе, основанной на их «этнической исключительности». При этом, уже в 1967 году Р.В. Лиддл полагал, что военный режим будет не в состоянии разрешить региональные проблемы, что актуализирует их в дальнейшем.

В рамках региональных исследований, посвященных Индонезии, особое внимание было сосредоточено на вопросах социальной истории индонезийской периферии – внутренней и внешней. В частности, в центре работ Фрэнка Л. Кули были проблемы социально-политической организации аграрных регионов Центральных Молуккских островов [4]. Анализируя социальные структуры аграрной периферии, Л. Кули указывал на традиционную для Индонезии роль *pegeri* – отдельного населенного пункта, *saniri* – управляемого им совета и *badan* – социальной организации того или иного сообщества в целом. Л. Кули полагал, что аграрные регионы Молуккских островов сохраняли в целом традиционную структуру, центральными фигурами в которой являлись *gadja* (местный правитель) и *kepala soa* (лидер рода). Кроме этого в социальной структуре традиционного общества, как считал Л. Кули, было велико значение *tuan tanah* (земельные собственники), *malessi* или *kapitan* (военные лидеры) и *mauweng* (религиозные служители). Л. Кули, с одной стороны, полагал, что голландцы к моменту начала колонизации застали именно такую социальную организацию, с которой они позднее были вынуждены взаимодействовать, адаптируя ее под свои интересы и потребности, постепенно ослабляя почти абсолютную власть региональных лидеров, интегрируя их в колониальную систему управления. С другой, он подчеркивал и то, что определенные элементы этой фактически традиционной системы управления сохранились и после падения колониального режима. Поэтому, как подчеркивал Л. Кули, их можно было фиксировать в 1960-е годы с той лишь разницей, что они были интегрированы в систему управления независимой Индонезии.

Особое внимание американские исследователи во второй половине 1960-х годов уделяли тем регионам, которые были для Индонезии источниками различных социально-экономических проблем и конфликтов. В частности Джон Смэйл [13] анализировал истоки, особенности и характер конфликта в провинции Северная Суматра во второй половине 1950-х годов. Анализируя специфику региона, Дж. Смэйл указывал на неоднородность в его социальном и экономическом развитии, этническую и религиозную гетерогенность. По мнению американского автора, одной из системных особенностей региона, которая определяла его развитие в 1950 – 1960-е годы было то, что он являлся одним из наиболее христианизированных в колониальный период: поэтому, регион был центром деятельности *Parkindo* (*Partai Keristen Indonesia*) – главной на тот момент политической организации индонезийских христиан-протестантов. Другой особенностью региона стала его стагнирующая экономика, застойный характер которой стал следствием сокращения роли и значения плантационного хозяйства. Именно отталкиваясь от подобных особенностей региона, а также крайней несбалансированности этнических, религиозных и экономических интересов Дж. Смэйл был склонен искать истоки политических и военных протестов в

Северной Суматре, полагая, что чисто военные методы решения региональных проблем и противоречий могут дать только временный эффект.

Наряду с другими регионами во второй половине 1960-х годов в рамках американских индонезийских штудий активно изучалась и Джакарта. По мнению Лэнса Кастла [3], Джакарта (колониальная Батавия) представляла собой мозаику, которая воспроизводила те противоречивые отношения как между отдельными регионами, так и этническими группами, существовавшие в Индонезии в целом. С другой стороны, американский исследователь предостерегал от ярких сравнений Джакарты с другими крупнейшими городами второй половины 1960-х годов, полагая, что Джакарта активно индонезируется, так как «из сунданца, яванца, китайца или батака Господь сотворяет там индонезийца». Американские авторы полагали, что политические события 1965 – 1966 годов актуализировали политическую роль Джакарты, внося вместе с тем и новые тенденции в развитие противостояния столицы и Внешних Островов. Вместе с тем, они актуализировали проблемы, связанные, например, с китайским населением и выходцами их других регионов Индонезии, которые во второй половине 1960-х годов были вынуждены активно интегрироваться в урбанистическое общество столицы, то есть отказываться от своих региональных идентичностей в пользу новой, «большой», индонезийской идентичности.

Изучение индонезийского национализма. Практически с самого начала своего существования журнал «Indonesia» уделял особое внимание проблемам национализма в новейшей истории Индонезии и его связям с другими политическими движениями. Примечательно, что редакторы не ограничивались исключительно изданием научных статей, посвященных индонезийскому национализму, но и содействовали переводу на английский язык и публикации текстов, авторами которых были индонезийские националисты. Анализируя феномен индонезийского национализма, американские историки полагали, что на протяжении определенного времени левые тренды в политической жизни Индонезии как голландской колонии, не имели самостоятельного значения, развиваясь в рамках большого националистического дискурса. По мнению американского историка Р.Т. Маквэя [10], деятель коммунистического движения Семаун [12] в начале 1920-х годов в большей степени был близок к националистам, а сама интерпретация индонезийской истории данного периода не ограничивалась им определенными методологическими и теоретическими рамками. В частности, Р.Т. Маквэй цитировал не только англоязычные исследования, но и работы деятелей индонезийского коммунистического движения, опубликованные на русском языке. Подобный подход, вероятно, свидетельствует о том, что в середине 1960-х годов американские исследователи Индонезии ставили перед собой задачу не только создания уникальной школы индонезийских штудий, но школы интегрированной в международный индонезиеведческий канон, важным составным элементом которого тогда было советского индонезиеведение.

Анализируя феномен индонезийского национализма, американские авторы во второй половине 1960-х годов особое внимание уделяли тому, как национализм повлиял на различные социальные группы гетерогенного индонезийского общества в начале XX века. Одной из таких групп были bupati – представители местной аристократии – которые оказались в центре одного из исследований Р. Маквэя [11]. Американские авторы полагали, что именно эта социальная категория, точнее ее наиболее прогрессивная часть, сыграла одну из ведущих ролей в приобщении индонезийского общества к ценностям и принципам западной культуры и образования. Особую роль в этом сыграл Ки Хаджар Девантара (работы которого, посвященные национальному образованию, были переведены редакторами «Indonesia» и опубликованы в 1967 году [8]) и созданная им студенческая организация «Taman Siswa», которая, по мнению Р. Маквэя, придерживалась модернизационной стратегии, признавая важность аграрных регионов в деле сохранения индонезийской идентичности, воспринимая их как «резервуары индонезийской культуры», но одновременно настаивая на трансформации периферии и именно в этом видя «основную цель»

национализма. При этом приобщение *bupati* к западным ценностям, по мнению американских историков, содействовало и фрагментации индонезийского общества, в том числе – и национального движения. В подобной ситуации стало совершенно нормальным для Индонезии начала XX века, как полагали американские историки, то, что «культурный партикуляризм и социальный эгалитаризм шли рука об руку с национализмом».

Помимо националистических организаций во второй половине 1960-х годов американские исследователи изучали роль различных периодических изданий в развитии индонезийского национализма. Одним из таких знаковых для истории национализма изданий стал журнал «*Pudjangga Baru*», который издавался с 1933 по 1942 год. По мнению Хизер Сазэрлэнд [14], «*Pudjangga Baru*» стал важным культурным явлением в контексте модернизации в Индонезии, так как не только содействовал определенной вестернизации индонезийского культурного пространства, но и сыграл особую роль в оформлении языкового канона индонезийского языка. Анализируя деятельность «*Pudjangga Baru*», Х. Сазэрлэнд полагает, что большинство его авторов были не только индонезийскими националистами, но принадлежали к наиболее европеизированному течению в национализме. Поэтому в центре критики индонезийских националистов могла пребывать не западная культурная модель в целом, а только некоторые проявления западного политического опыта в колониях. В целом, как полагала Х. Сазэрлэнд, культурное течение в индонезийском национализме, представленное «*Pudjangga Baru*», стремилось синтезировать западный политический опыт и местные индонезийские традиции.

Тематически к исследованиям о национализме, опубликованных в первые годы существования журнала, были близки и статьи, сфокусированные на проблемах развития идентичности, в том числе – и ее смешанных форм. В частности, Пауль В. фон дер Вейр стал автором одной из первых англоязычных работ о сообществе т.е. «евро-азиатов» – потомков от связей европейцев и местных женщин [16]. Особое внимание Пауль В. фон дер Вейр уделял разнообразию «этнических бэк-граундов» представителей подобного сообщества. Признавая определенный процент китайских и негритянских корней, исследователь все же настаивал на том, что большинство «евро-азиатов» в колонии были потомками связей голландских колониальных чиновников или голландцев вообще, с одной стороны, и яванских женщин, с другой. По мнению Пауля В. фон дер Вейра, большинство «евро-азиатов» на территории будущей Индонезии родилось во второй половине 1920-х годов, так как в 1925 году было зафиксировано наибольшее количество смешанных браков, что составляло 27.5 %.

Пауль В. фон дер Вейр полагал, что идентичность потомков таких связей могла быть различной: в случае получения европейского образования их социальный и экономический статус был близок тому статусу, который занимали голландцы, хотя американские авторы во второй половине 1960-х годов все же были вынуждены признавать наличие дискриминационных отношений в голландских колониях и определять социальный и культурный статусы «евро-азиатов» как «специфические». Тем не менее, подобные жители колонии могли относить себя как к голландцам, так и к индонезийцам. Нередко такая идентичность, как полагал Пауль В. фон дер Вейр, могла иметь ситуативный характер, хотя подавляющее большинство «евро-азиатов» формально относились к христианскому сообществу. С другой стороны, американские авторы были вынуждены признать в определенной степени маргинальный статус «евро-азиатов» в колониальный период, так как голландское присутствие не было в Индонезии подвергнуто полной гибридации с местными и региональными культурными и языковыми традициями. В такой ситуации, по мнению американских авторов, миксация носила крайне ограниченный характер, а в независимой Индонезии потомки «евро-азиатов» были обречены на эмиграцию в Европу или на ассимиляцию в рамках индонезийской нации.

В конце 1960-х годов на страницах «*Indonesia*» были опубликованы и первые американские исследования, посвященные проблемам развития индонезийской

идентичности в художественной прозе в контексте постколониального статуса этой страны. Одним из американских авторов, которые занимались этой, тогда новой и актуальной, проблематикой был Хэрри Эйвлинг, исследовавший особенности восприятия гендера в индонезийской прозе [2]. По мнению Х. Эйвлинга, несмотря на динамичное развитие индонезийской литературы, индонезийские авторы, в особенности молодые и европейски образованные интеллектуалы, принадлежавшие к среднему классу, столкнулись с проблемой описания гетеросексуальных отношений. Поэтому, Х. Эйвлинг был вынужден констатировать то, что индонезийские прозаики конца 1960-х годов оказались неспособны писать о любви, «используя западные концепты», а сам концепт «*cinta*» («любовь») соотносился с понятием «*berdosa*» («грех»). Американские авторы полагали, что для индонезийских прозаиков удобнее и комфортнее писать о социальных и экономических измерениях гетеросексуальных отношений, чем о собственно подобных отношениях. При этом отмечалось и то, что для индонезийской прозы конца 1960-х годов были характерны гендерные стереотипы: если героям-мужчинам приписывали разного рода социальные, экономические и политические добродетели, то героини-девушки, как правило, были патриархальны и глупы. Доминирование подобных настроений Х. Эйвлинг связывал со значительной ролью традиционализма, патернализма и неспособностью индонезийских прозаиков выйти за ими же самими установленные рамки.

«Indonesia» и начало научной деятельности Б. Андерсона. Во второй половине 1960-х годов журнал «Indonesia» оказался в состоянии привлечь молодых и перспективных американских исследователей Юго-Восточной Азией, став той площадкой, где они могли открыто и свободно высказывать свои новаторские и оригинальные идеи в отношении политических и социальных процессов в Индонезии, новейшей индонезийской истории. Среди таких молодых американских интеллектуалов был Бен Андерсон. Например, уже в первом номере была опубликована его статья, посвященная проблемам политического языка в Индонезии [1].

Анализируя особенности и направления развития индонезийского языка, будущий автор «Воображаемых сообществ», полагал, что язык стал отражением того «гигантского культурного кризиса», который переживала Индонезия на протяжении 1960-х годов. С другой стороны, он констатировал, что индонезийский язык начал занимать ведущие позиции в общественно-политической и экономической жизни и именно с его помощью жители нового государства описывают политические, социальные и экономические реалии. Истоки уникальной ситуации, которая содействовала прогрессу и усилению индонезийского языка в независимой Индонезии Б. Андерсон был склонен искать к колониальной истории, когда будущая Индонезия, по его словам, существовала как «бюрократическая страна чудес, в которой существовали фактически обособленные лингвистические и культурные вселенные, чудом соединенные только современной бюрократией – любой язык, будь то батакский, сунданский, яванский или нидерландский были продуктами отдельных исторических опытов, письменной и культурной специализации».

С другой стороны, культурное и языковое пространство Индонезии накануне обретения независимости, по мнению Б. Андерсона, развивалось в условиях «дисконтинуитета» между «лингвистическо-культурными вселенными», в приобщение к голландскому языку как языку колонизаторов не имело принципиального значения в контексте модернизации, «открывая путь только к критическому восприятию колониального общества в целом». Голландский язык в Индонезии, по мнению Б. Андерсона, не обрел столь значимой роли как французский или английский в Африке, сыграв только роль языкового моста в деле приобщения к западным политическим идеологиям. Подобная судьба голландского языка стала и следствием колониальных властей, которые решили не развивать обучение в колонии на нидерландском, чтобы он не стал таким же политическим языком артикуляции национализма как английский язык в Индии. Рассматривая феномен «*bahasa Indonesia*» в постколониальном обществе, Б. Андерсон предполагал, что в его рамках возник особый

«политический индонезийский язык», который стал наследником и продолжателем «трех отдельных языков (голландского, яванского и «революционного малайского») и двух отдельных лингвистическо-культурных традиций» – голландской как западной и яванской как незападной. Японская оккупация актуализировала роль индонезийского языка, сделав его, по образному выражению Б. Андерсона, «языком сопротивления и языком надежды».

Поэтому, Б. Андерсон подчеркивал, что к середине 1960-х годов индонезийский язык превратился в удачный проект, используя который стало возможно «не только выражать индонезийский национализм, но и индонезийские устремления, индонезийские традиции, а также международные реалии при наличии естественных ограничений словарного запаса». Почти за двадцать лет до издания «Воображаемых сообществ» Б. Андерсон настаивал на том, что «не межрегиональная гомогенизация», но создание «духовного единства между ментальными вселенными» играет ведущую роль в становлении современных наций. По мнению Б. Андерсона, это единство в Индонезии возникло как следствие языкового творчества националистических элит, которые предложили своеобразный словарь-минимум из политически окрашенных слов и терминов – «Rakjat (народ / нация), Merdeka (свобода), perdjjuangan (борьба), gerakan (движение), kebangsaan (национальность), kedaulatan (независимость), semangat (дух), и конечно же – Revolusi» – формировавших «культурную идентичность». Комментируя политическую компоненту в «bahasa Indonesia», Б. Андерсон подчеркивал, что «все эмоционально значимые слова в индонезийском языке связаны с борьбой и насилием физической революции и имеют политико-героические коннотации».

Становление канона: итоги развития американского индонезиеведения во второй половине 1960-х годов. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с развитием индонезийских штудий в контексте ранней истории журнала «Indonesia» во второй половине 1960-х годов. Возникнув в середине 1960-х годов, журнал «Indonesia» прошел уникальный путь развития, на его страницах были опубликованы статьи, которые стали программными, знаковыми и этапными в развитии изучения Индонезии. Инициаторы издания журнала, созданного вскоре после военного переворота и установления авторитарного режима Сухарто, четко уловили то, что Индонезия в перспективе может стать одним из крупнейших региональных политических и экономических акторов. Кроме этого сам факт военного переворота, устранение от власти Сукарно, политические репрессии в стране, направленные против местных коммунистов пребывали среди факторов, которые стимулировали обращение молодых американских интеллектуалов к изучению Индонезии. Примечательно, что рассматривая идейную и содержательную эволюцию, трансформацию журнала, во внимание следует принимать то, что к моменту его издания США не имели своего колониального прошлого в Индонезии, которое совершенно не нависало и не тяготело над молодыми американскими интеллектуалами, приступившими в 1966 году к началу издания первого специализированного журнала, посвященного Индонезии.

Ставив преимущественно научные и исследовательские задачи, сознательно и намеренно позиционируя себя вне политики, предоставляя страницы для публикаций авторов различных политических и идеологических предпочтений, редакторы и издатели «Indonesia» фактически оказались в состоянии реализовать междисциплинарный проект, который позднее заложил основы для более широкой программы изучения Юго-Восточной Азии, реализуемой усилиями ученых и исследователей Корнэлльского Университета. Анализируя уникальный исследовательский профиль, который сложился в результате развития журнала «Indonesia», во внимание следует принимать то, что его издатели и авторы стремились не привязывать свое издание к одной конкретной методологической программе.

Поэтому среди статей, которые были изданы в журнале на протяжении первых лет его существования, были тексты условно относимые к канону, например, культурной антропологии или к теории модернизации. Кроме этого, значительная часть статей, опубликованных в «Indonesia», на протяжении второй половины 1960-х годов касались

проблем, связанных с развитием наций, национализма, националистических движений, национального строительства в Индонезии. В этом контексте не должно вызывать удивление того, что в 1983 году один из ведущих авторов журнала Бенедикт Андерсон опубликовал книгу «Воображаемые сообщества», которая впоследствии стала классической и знаковой в изучении национализма. Некоторые положения концепции националистического воображения и наций как воображаемых сообществ впервые были высказаны именно на страницах журнала «Indonesia» уже во второй половине 1960-х годов. Практически с первых лет существования журнала его редакторы сделали ставку на междисциплинарность, что, вероятно, стало одним из условий последующего динамичного развития журнала как универсальной площадки для обмена мнениями и идеями в рамках индонезийской штудий.

Именно поэтому на протяжении уже первых лет своего существования журнал «Indonesia» неоднократно предоставлял свои страницы для оригинальных публикаций, посвященных проблемам истории Индонезии, а также вопросам индонезийской политики, экономики и культуры, что создало условия для качественного прорыва в американском индонезиеведении и последующих достижений в изучении Индонезии, которые имели место на протяжении 1970 – 1980-х годов.

Библиографический список

1. **Anderson, B.** The Languages of Indonesian Politics / B. Anderson // Indonesia. – 1966. – April. – P. 89 – 116.
2. **Aveling, H.** The Thorny Rose: The Avoidance of Passion in Modern Indonesian Literature / H. Aveling // Indonesia. – 1969. – April. – P. 67 – 76.
3. **Castles, L.** The Ethnic Profile of Djakarta / L. Castles // Indonesia. – 1967. – April. – P. 153 – 204.
4. **Cooley, Fr. L.** Altar and Throne in Central Moluccan Societies / Fr. L. Cooley // Indonesia. – 1966. – October. – P. 135 – 156.
5. **Cooley, Fr. L.** Village Government in the Central Moluccas / Fr.L. Cooley // Indonesia. – 1969. – April. – P. 139 – 164.
6. **Geertz, H.** Latah in Java: A Theoretical Paradox / H. Geertz // Indonesia. – 1968. – April. – P. 93 – 104.
7. Istutiah Gunawan Mitchell, The Socio-Cultural Environment and Mental Disturbance: Three Minangkabau Case Histories, Istutiah Gunawan Mitchell // Indonesia. – 1969. – April. – P. 123 – 138.
8. **Ki Hadjar Dewantara.** Some Aspects of National Education and the Taman Siswa Institute at Jogjakarta [a translation] / Ki Hadjar Dewantara // Indonesia. – 1967. – October. – P. 150 – 168.
9. **Liddle, W. R.** Suku Simalungun: An Ethnic Group in Search of Representation / W.R. Liddle // Indonesia. – 1967. – April. – P. 1 – 29.
10. **McVey, R. T.** An Early Account of the Independence Movement / R.T. McVey // Indonesia. – 1966. – April. – P. 46 – 50.
11. **McVey, R.T.** Taman Siswa and the Indonesian National Awakening / R.T. McVey // Indonesia. – 1967. – October. – P. 128 – 149.
12. **Semaoen,** The Indonesian Movement in the Netherlands Indies / Semaoen // Indonesia. – 1966. – April. – P. 50 – 75.
13. **Smail, J. R. W.** The Military Politics of North Sumatra: December 1956 – October 1957 / J.R.W. Smail // Indonesia. – 1968. – October. – P. 128 – 187.
14. **Sutherland, H.** *Pudjangga Baru*: Aspects of Indonesian Intellectual Life in the 1930s / H. Sutherland // Indonesia. – 1968. – October. – P. 106 – 127.
15. **Tanner, N.** Disputing and Dispute Settlement among the Minangkabau of Indonesia / N. Tanner // Indonesia. – 1969. – October. – P. 21 – 67.
16. **Veur, P. W. van der.** Cultural Aspects of the Eurasian Community in Indonesian Colonial Society / P.W. van der Veur // Indonesia. – 1968. – October. – P. 38 – 53.

УДК 902/904

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
Л. И. Маслихова
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: maslikhova@vgasu.vrn.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
L. I. Maslikhova
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: maslikhova@vgasu.vrn.ru

Л. И. Маслихова

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

Керамический материал является определяющим при выделении археологических культур, разработке относительной хронологии, выявлении культурных и генетических связей. Существует целый ряд направлений изучения керамического материала, одно из них - технология производства. Целью данной работы было проведение историографического обзора изучения технологии производства древней керамики.

Ключевые слова: археология, историография, керамика, технология производства.

L. I. Maslikhova

THE HISTORY OF STUDY OF ANCIENT CERAMICS TECHNOLOGY

The ceramic material is a determinant in the allocation of archaeological cultures, the development of relative chronology and the revealing the cultural and genetic ties. There are a number of areas of the ceramic material studies, one of them – the production technology. The aim of this study was to conduct a review of historiographical study of ancient ceramics production technology.

Key words: archeology, historiography, ceramics, production technology.

Для эпох неолита и бронзы керамика является одним из основных источников при выделении археологических культур, определении относительной хронологии, культурных и генетических связей. Массовый характер материала дает возможность использовать широкий набор методов его исследования и статистической обработки. Существует целый ряд направлений изучения керамического материала. Исследуется технология изготовления сосудов, их форма, характер назначения, особенности орнаментации (техника нанесения орнамента, его сюжет). Целью данной работы было проведение историографического обзора анализа технологии производства древней керамики.

В области технологического изучения керамики можно выделить два подхода: первый – изучение керамики при помощи внешней визуальной оценки технологических признаков с использованием микроскопа, физического моделирования, с широким применением экспериментальных методов. При анализе также широко применяются этнографические данные по технологии традиционного гончарства [1].

Второй – глубокий инструментальный анализ керамики при помощи методов естественных наук. В частности, исследуется минералогический и гранулометрический

состав глин, который обуславливает многие ее физико-механические характеристики; изучаются химико-минералогические изменения глины при различной температуре обжига; для определения характера пищи исследуется химический состав нагара на сосуде и т.п. [2].

Первый подход зародился еще в конце XIX века, и был связан, прежде всего, с изучением лепной посуды, которая обладает огромным объемом информации, отражающимся, в первую очередь, в следах, поддающихся визуальной оценке (рельеф, трещины, спаи и т.д.). Так, П. А. Путятин в 1884г. на VI археологическом съезде в Одессе в докладе о результатах раскопок в его имении у с. Болгое, среди прочего, пытался всестороннее охарактеризовать коллекцию керамики. Он не только констатировал отдельные способы и приемы изготовления сосудов, но и попытался их объяснить. Например, по его мнению, добавление в глину таких примесей, как песок и дресва имело целью не только «сообщить массе сырья большую твердость, но еще и содействие к скорейшему обжиганию сосудов, которые вследствие накаливания огнем песка и дресвы обжигались при меньшей температуре» [3]. Также он описал технику лощения, отнеся к «полированным» сосудам те из них, «поверхность которых натирала чем-то твердым для придания лоска». В своих выводах П. А. Путятин основывался не только на результатах трасологического анализа (согласно современной терминологии), но и на результатах собственных экспериментов по изготовлению сосудов [4].

Данный подход к изучению керамики получил дальнейшее развитие в работе А. А. Спицына и В. И. Каменского. Анализируя керамический материал, авторы предлагают достаточно общую его классификацию, а также делают визуально-технологическую его оценку. В данной работе они дали объяснение значения примесей для глин, определили способ формовки балахнинской керамики – внутри деревянного шаблона (для этого ими был использован метод физического моделирования) [5].

Однако наиболее полный анализ керамического материала в описываемый период был сделан В.А. Городцовым в работе «Русская доисторическая керамика». Она состояла из трех частей (I часть собственно система описания керамики с кратким обоснованием; II часть – подробные пояснения к системе; III часть – конкретные примеры работы с материалом по этой схеме) и, помимо прочего, содержала попытку систематического описания технологических особенностей керамики. В частности, было сделано описание материала керамических изделий, способов их выработки, а также технологических особенностей обжига сосудов [6] (*подробный анализ работы у Бобринского А. А., 1978*).

В целом, первые попытки осмысления технологии древнего гончарства базировались в большей степени на визуальном наблюдении.

В 1926г. в докладе «Технологический стиль в доисторической керамике» Б. А. Богаевский предложил классификацию археологической керамики на основе техники обработки поверхности сосудов. Он выделил четыре типа обработки, впервые поставив вопрос о «технологическом стиле..., который проявляется в характере поверхности сосуда, выявляя в том или ином виде, природные свойства глины и показывая их различия, как в степени обработки массы, так и в приемах подготовки массы к формовке» [7].

Существенным вкладом в методику технологического анализа керамики явились работы М. В. Воеводского, в которых производство керамики рассматривалось поэтапно: формовочная масса, формовка, обработка поверхности, орнаментация и обжиг. В экспериментах М. В. Воеводский реконструировал распадение сосудов по лентам и жгутам, а, следовательно, и технику жгутового и ленточного налета. Им также была разработана методика по технике нанесения орнамента, в которой широко использовались пластилиновые оттиски древних зубчатых штампов [8].

В послевоенное время, начиная с 50-х гг. XX века, происходит углубление методики технологического анализа, выразившиеся в дифференциации исследовательских подходов. Растет количество работ, освещающих методические вопросы технологического анализа [9].

В своей обобщающей монографии «Гончарство Восточной Европы» А. А. Бобринский пытался упорядочить представления о системе технико-технологического анализа, показав реальные возможности использования метода для реконструкции технологического процесса на материалах восточноевропейского гончарства [10]. Существенным вкладом в развитие данного направления явилась также обобщающая монография С. А. Семенова и Г. Ф. Коробковой, в которой представлены результаты многолетних экспериментальных работ по изготовлению сосудов [11]. В этих работах вопросы методики являются предметом специального анализа, выводы базируются на массовости проведенных экспериментов.

В настоящее время методика визуальной технологической оценки из-за своей кажущейся простоты довольно широко используется археологами, но из-за отсутствия четких методических приемов анализа, массовой экспериментальной проверки выдвинутых предположений, результаты ее применения носят достаточно субъективный характер с большой долей вероятности правильной оценки.

Второй подход, т.е. изучение керамики при помощи естественнонаучных методов - зародился в начале 30-гг. XX века. Объектом его исследования являлась, преимущественно, гончарная керамика, обладающая весьма ограниченным запасом информативности внешних признаков. Но такому анализу подвергалась и лепная керамика. В частности, И.П. Красников на основе химического анализа керамики трипольской культуры сделал выводы об исходном сырье в керамическом производстве и зависимости многих свойств керамики от состава глиняной массы. Для определения возможной температуры обжига им использовалась шкала обжиговых эталонов глин со сходным химическим составом [12]. После этого, вплоть до 50-х гг. XX века естественнонаучные методы в изучении древней керамики в отечественной науке практически не применялись.

Следует, однако, отметить, что изучение керамики с использованием методов естественных наук не получило достаточно широкого развития и во второй половине XX века. Сложность методики и отсутствие специалистов делало использование естественнонаучных методов при исследовании технологических характеристик древней керамики достаточно случайным и бессистемным. На сегодняшний день существует ограниченное число работ, где бы были обобщены и раскрыты для широкого круга археологов механизмы методических приемов. И. Г. Глушков отмечает, что использование методов естественных наук также затруднено из-за специфики «перевода информации со специального языка этих наук на язык археологии и истории. Осуществить такой перевод, т.е. доступно объяснить полученные результаты без специалиста достаточно сложно» [13].

С 60-х гг. XX века естественнонаучные методы применяются, в основном, при изучении гончарной среднеазиатской керамики [14], а с конца 80-х гг. XX века достаточно интенсивно данное направление разрабатывается новосибирскими археологами [15].

Таким образом, эти два сложившихся направления по исследованию технологии керамики в отечественной науке развивались во многом автономно, почти не пересекаясь

В 1996г. вышла монография И. Г. Глушкова «Керамика как археологический источник», в которой исследователь обобщил элементы обоих направлений, и пытался «раскрыть методы технологического анализа керамики через следы признаки и те операции, о которых они свидетельствуют». Основное внимание в работе уделяется разработке методов технологической диагностики археологической керамики (на примере керамики культур бронзового века Обь-Иртышья) [16].

В XXI в. наиболее активно изучением технологии производства древней керамики занимаются археологи Сибири, Урала и Поволжья [17].

В заключении, необходимо отметить, что несмотря на то, что изучение технологии производства древней керамики позволяет получить новую историческую информацию, эта информация будет в значительной степени малоинформативна без комплексного изучения сосудов (технология изготовления, морфология и орнаментация). Именно такой

комплексный подход дает возможность строить различные предположения по этнокультурной истории древности, и именно такой подход является приоритетным в современных исследованиях керамического материала.

Библиографический список

1. **Бобринский, А. А.** Гончарство Восточной Европы / А.А. Бобринский. – М., 1978.; **Дьякова, О. В.** Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV-X вв. / О.В. Дьякова. – М., 1984. – 205с. и др.
2. **Митричев, В. С.** Спектральный анализ керамики / В. С. Митричев // Археология и естественные науки. – М., 1965. – С. 171-174; **Сайко, Э. В.** К истории гончарного круга и развития форм керамики / Э. В. Сайко. – Душанбе, 1971; **Сайко Э. В.** Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии / Э. В. Сайко. – М., 1982. – 210с. и др.
3. **Путятин, П. А.** О гончарном искусстве в каменном веке / П. А. Путятин // Изв. Императ. рус. географ. общ-ва. – С-Пб., 1884, т. XX, вып. 3. – С. 288.
4. **Путятин, П. А.** О гончарном искусстве в каменном веке / П. А. Путятин // Изв. Императ. рус. географ. общ-ва. – С-Пб., 1884, т. XX, вып. 3. – С. 289.
5. **Спицин, А. А.** Стоянка каменного века близ г. Балахны / А. А. Спицин, В. И. Каменский // Западное отделение русской и славянской археологии Императ. рус. географ. общ-ва. – С-Пб., 1905, т. VII. – Вып. 1. – С. 1-72
6. **Городцов, В. А.** Русская доисторическая керамика / В.А. Городцов // Труды XI археологического съезда в Киеве.- Киев, 1901, т.1. – С. 577-612, 5 табл.
7. **Богаевский, Б. А.** Технологический стиль в доисторической керамике / Б. А. Богаевский // Природа. – 1926, №1-2. – С. 113-114.
8. **Воеводский, Н. В.** К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны европейской части РСФСР / Н. В. Воеводский // СА, 1936, №1. – С. 51-77.
9. **Станкевич, Я. В.** Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi / Я.В. Станкевич // СА, 1950, т. XIV.; **Трубникова, Н. В.** О технике нанесения узоров на посуду Городецких и дьяковских городищ / Н. В. Трубникова // КСИИМК. – 1952, №47; **Хвалюк, П. И.** О технологии изготовления раннеславянской керамики / П. И. Хвалюк // АС, 1965, вып. 7. и др.
10. **Бобринский, А. А.** Гончарство Восточной Европы / А. А. Бобринский. – М., 1978.
11. **Семенов, С. А.** Технология древнейших производств / С. А. Семенов, Г. Ф. Коробкова. – Л., 1983. – 255с.
12. **Красников, И. П.** Трипольская керамика (технологический этюд) / И.П. Красников // СГАИМК.– 1931, №3. – С. 10-12.
13. **Глушков, И. Г.** Керамика как исторический источник / И. Г. Глушков.– Новосибирск, 1996. – С.7.
14. **Сайко, Э. В.** Из опыта применения микроскопического метода исследования к изучению средневековой керамики / Э. В. Сайко // Изв. АН Тадж. ССР. – Сталинабад, 1960. – С. 41-66. **Сайко, Э. В.** К истории гончарного круга и развития форм керамики / Э.В. Сайко. – Душанбе, 1971; **Сайко Э. В.** Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии / Э. В. Сайко. – М., 1982. – 210с.; **Круг, О. В.** Применение петрографии в археологии / О. В. Круг // Археология и естественные науки. – М., 1965. – С. 146-151; **Митричев, В. С.** Спектральный анализ керамики / В.С. Митричев // Археология и естественные науки. – М., 1965. – С. 171-174. и др.
15. **Ламина, Е. В.** Применение методов естественных наук в изучении археологической керамики / Е.В. Ламина // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. –

- Новосибирск, 1987. – С. 151-163; **Ламина, Е. В.** Технологические особенности керамики крохалевского типа / Е. В. Ламина, Н. Н. Добрецов // Древняя керамика Сибири. – Новосибирск, 1990. – С. 54-63; **Мыльникова, Л. Н.** Сушка и обжиг неолитической керамики поселения Кондон (Нижний Амур) / Л. Н. Мыльникова // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. – Новосибирск, 1991. – С. 93-103; **Гребенщиков, А. В.** Рецептуры формовочных масс в практике керамистов уральской культуры / А.В. Гребенщиков // Проблемы технологии древнейших производств.- Новосибирск, 1990. – С. 120-139. и др.
16. **Глушков, И. Г.** Керамика как исторический источник / И. Г.Глушков.– Новосибирск, 1996. – 328с.
17. **Шамшин, А. Б** Технология керамического производства лесостепного алтайского Приобья в эпоху поздней бронзы / А. Б. Шамшин, В. А. Борисов , С. А. Ковалевский // Известия алтайского государственного университета. – 2008, №4-1.; **Кобелева, Л. С.** Технология изготовления керамики саргатской культуры / Л.С. Кобелева // Автореф. дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009; **Васильева, И. Н.** О технологии изготовления керамики Орловской стоянки / И.Н. Васильева // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. обл. ист.-краевед. музея им. П.В. Алабина, 2008. – С. 40–47. **Васильева, И. Н.** Об эволюции представлений о пластическом сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2009. – С. 65–77 и др.

**СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
SOCIAL PHILOSOPHY**

УДК 130.2

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
О. А. Радугина.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: radugina@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
O. A. Radugina.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: radugina@yandex.ru

О. А. Радугина

**ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ «УЧЕНОЙ ДРУЖИНОЙ» ПЕТРА I**

В статье исследуется вклад «ученой дружины Петра I в процесс секуляризации общественной жизни России.

Ключевые слова: секуляризация, светская и духовная власть, идеалы эпохи Просвещения.

O. A. Radugina

**PETER I "SCIENTIFIC SQUADS" IDEOLOGICAL AND THEORETICAL
JUSTIFICATION OF SECULARIZATION OF RUSSIAN PUBLIC LIFE**

The article investigates the contribution of the "scientific squads" of Peter I in the process of secularization of public life in Russia.

Key words: secularization, secular and spiritual power, the ideals of the age of Enlightenment.

Петр I в начале своего царствования начал проводить активную политику модернизации России. Политика модернизации послужила причиной, стимулом и, следовательно, объективной основой преобразования в духовной сфере по пути секуляризации. В свою очередь, секуляризация стала духовной основой модернизации российского общества, определяя магистральные пути общественных преобразований, формируя все аспекты его культуры. Важнейшей стороной процесса секуляризации в России стала проведенная Петром I церковная реформа. Церковная реформа Петра проводилась в двух аспектах: реформа церковно-правовых отношений и реформа церковно-государственных отношений. Однако формирование секуляризма общественной жизни не может происходить только на основе актов государственной власти, но предполагает активную деятельность идеологов, обосновывающих новые взгляды, популяризирующих и распространяющих их в социуме. Иными словами, процесс секуляризации церковно-правовых отношений и церковно-государственных отношений опирался на идейно-теоретическую поддержку передовых мыслителей того времени.

Цель статьи исследовать вклад «ученой дружины» Петра I в процесс секуляризации общественной жизни России.

Идеи секуляризма, выражающие потребности новой реформационной эпохи в России, на начальном этапе были сформулированы в философских и литературных трудах и публицистической деятельности «петровской ученой дружины»: Феофаном Прокоповичем, Василием Никитичем Татищевым, Антиохом Дмитриевичем Кантемиром. Значительный вклад в идейно-теоретическое обоснование этого процесса внес ближайший сподвижник Петра I Феофан Прокопович (1681-1736 г.г.), Феофан Прокопович – выходец из низов российского общества. Он рано потерял родителей, при поддержке своего дяди и благодаря своему дарованию получил прекрасное для того времени теологическое и светское образование, дважды менял вероисповедание: в соответствии со складывающейся жизненной ситуацией переходя в из православия в униатство и из униатства в православие, сделал блестящую духовную карьеру, в звании епископа Псковского длительное время занимал пост первенствующего члена Священного Синода. В борьбе за доминирование в обществе церкви и государства, Феофан Прокопович однозначно стал на сторону государства. По складу своего мировоззрения, по своей натуре и по своим симпатиям он был выразителем в России идей Ренессанса и Реформации. По справедливой оценке Ю. А. Бубнова, «составленный в 1720 г. Прокоповичем «Духовный регламент», являлся программным документом верховной власти, предусматривающим проведение просветительской реформы» [1. С. 216]. В «Духовном регламенте», прежде всего, обосновывалось целесообразность коллегиального управления Русской Православной церковью взамен единоличного патриаршего управления и были сформулированы основные нормативные акты нового устройства церковных дел. Помимо устройства церковных дел, «Духовный регламент» ставит себе задачей борьбу с распространенными в народной среде многочисленными суевериями, для чего особенно настаивал на необходимости просвещения. «Когда нет света учения, — говорится в нем, — нельзя быть доброму поведению церкви и нельзя не быть нестроению и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам и прелезным ересям... И если посмотрим чрез истории, аки чрез зрительные трубки, на мимошедшие века, увидим все худшее в темных, нежели в светлых учением временах» [2]. Пропагандируя учение, «Духовный регламент» рекомендует не только богословскую, но и светскую науку: «А то видим, — читаем в нем, — что и учились все древние наши учителя не токмо священного писания, но и внешней философии, и кроме многих иных славнейшие столпы церковные поборствуют и о внешнем учении» [2]. Таким образом, назначение «Духовного регламента» выходило за пределы решения узкоцерковных вопросов, а распространялось на светские стороны русской жизни.

В своих сочинениях и проповедях Феофан Прокопович стремится обосновать законность и необходимость самодержавной, ничем не ограниченной царской власти, доказать, что она «от бога устроена и мечом вооружена есть и яко противится оной есть грех на самого бога» [3]. В качестве наиболее упорных противников царского самодержавия Феофаном выставляются «богословы», духовную власть, считающая себя выше светской. Их он сравнивает с саранчой, имеющей «чревище великое, а крыльца малые и не по мере тела» и потому тот час падающей на землю, как только взлетит на воздух. И упорные защитники старины, как будто они крылаты, пытаются богословствовать, как бы летать, но по грубости своего мозга оказываются «буесловцами», ничего не понимающими [3]. По его мнению, духовенство — это только один из «чинов» в народе, но отнюдь не особое государство в государстве.

В трактате «Правда воли монаршей» Прокопович разработал идейно-теоретическую модель соотношения божественной и народной воли, которая легла в основу идеологии русского абсолютизма. Обосновав идею наследственной монархии, Феофан переходит затем к прославлению Петра как создателя новой России. Он с увлечением говорит о новом грандиозном строительстве Петра, который «деревянную обрете Россию, а сотвори златую», о новом законодательстве, о новых «искусствах», введенных у нас, — «арифметических, геометрических и прочих философских», о напечатании политических книг, о построении

воинского флота, об «оруженосных ковчегах», этих «крылатых и бег пространный любящих палатах». Он указывает на то, что «державе Российской подобало простреться за пределы земные и на широкие моря пронести область свою» [3]. И все это было добыто Петром «не серебром купеческим, но Марсовым железом». И если бы ничего другого Петр не сделал, то «един флот был бы доволен к бессмертной славе его царского величества». В трактате «Правда воли монаршей» Прокопович обличает ревнителей старины, которые отрицают новизну только потому, что она новизна: «Не оный ли безумный упрямым и безответным обычным ответ: дело новое? — спрашивает он. — О скудного и окаянного суесловия! Аще бы и новое се дело, что же самая новость вредит?.. Зло — и старое зло есть; добро — и новое добро есть. Разве бы еще сказал кто, что дело сие у нас не бывало. Хотя бы и не бывало — что противно?.. Первое явилось огненное оружие у прочих народов, нежели у нас; но если бы и к нам оно доселе не пришло, — что бы было и где бы уже была Россия? Тоже разумеи и о книжной типографии, о архитектуре о прочих честных учениях. Разумный есть и человек и народ, который не стыдится перенимать доброе от других и чуждых; безумный же и смеха достойный, который своего и худого отстать, чужого же и доброго принять не хочет» [3].

Секуляристские идеи Прокоповича получили поддержку и свое развитие в творчестве Василия Никитича Татищева (1686-1750 гг.) Как отмечает Ю. А. Бубнов, стремление русского мыслителя к изучению западноевропейского духовного наследия и распространению западничества среди русского народа позволило Татищеву быть одним из идеологов светской культуры в русском Просвещении» [1. С. 220]. В предисловии своего главного труда «История Российская» Татищев обосновывает необходимость просвещения «освещение же ума, равно как и свет видимый от огня небесного или земнаго происходящий, освещает все телеса и видимы нам творит, тако учение и прилежное вещей испытание нам все в мыслях воображенные свойства к понятию и рассуждению мысленным очам просвещает: не говорю о Божественном и сверхестественном просвещении ума, которые в письме святом нам объявлены, но токмо о естественном или природном просвещении, которым нам разными способами поауются, ово единственно или особно, вообще всемирно» [4. С. 2]. По мнению Татищева, распространение просвещения в русском народе способствует преодолению невежества и религиозного суеверия. Обоснованию этой идеи посвящен трактат «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ». Как отмечал известный историк русской культуры П.Н. Милюков, В.Н.Татищев в сочинении; «Разговор о пользе наук и училищ» представил первую в России принципиальную защиту «светского жития». Он не отвергал «жития духовного», но защищал право светского жития на совместное с ним существование. Если духовное житие ставит целью спасение души, то светское имеет полное право рядом с ним поставить стремление к земному счастью [5. С.213].

Идеи просвещения получили поддержку и развитие в сочинениях А. Д. Кантемира (1709-1744). Как отмечают специалисты, «мыслитель, дипломат, писатель-сатирик, Кантемир внес значительный вклад в русскую культуру первой половины XVIII в.» [6. С. 53]. Кантемир был сын своего времени и разделял его многие мировоззренческие установки. Он верил в сотворение мира Богом и доказывал его бытие. Однако представление о Боге у Кантемира значительно отличается от представлений его предшественников. Бог у Кантемира не имеет личных черт, он абстрактен и трансцендентен; он творец, разум и мудрость, первопричина и перводвигатель, имеет тенденцию превращения в духовное начало, философский абсолют. Иными словами, Бог Кантемира – это Бог свободомыслящего человека начала XVIII в., в воззрениях которого идея Бога не совпадает с богом ортодоксального христианского учения. Следует согласиться с мнением Н.Ф.Уткиной что, «выдающейся заслугой А. Кантемира перед русской наукой и философией является его обоснование гелиоцентрического учения и концепции множественности миров» [6. С. 53]. Это обоснование он осуществляет в примечаниях к переведенной им работе Фонтенеля Б. «Разговоры о множестве миров». Рисуя

картину мира, Кантемир не стремится к обоснованию теоцентризма. Основное внимание его сосредоточено на природе, человеке, обществе, истории. Утверждая, что Бог сотворил мир и придал ему движение, Кантемир считает, что природа далее существует на основе ее собственных законов. Она, подобно заведенным часам, сама все время движется. Это позволяет ему определить природу как «начало всех вещей, силою которого рождаются, сохраняются и производятся все действия всякого одушевленного и неодушевленного тела» [7. С. 44]. Следуя учению Лейбница о предустановленной гармонии, Кантемир рассматривал мир как гармонически упорядоченное целое. При этом он уподоблял мир машине, все части которой подогнаны друг к другу и взаимодействуют между собой. Кантемир говорил, что «весь мир таков есть в своем величестве, каковы часы в своей малости, и что все в нем делается через движение, некое установленное, которое зависит от порядочного учреждения частей его» [7. С. 14]. В мировоззрении Кантемира переплетались элементы деизма и механистического материализма. При рассмотрении материи Кантемир на первый план выдвигал ее определение как вещества, субстрата, из которого состоят все тела. Он видел в материи не совокупность чувственно-воспринимаемых качеств, как это присуще было некоторым другим философам того времени, а прежде всего геометрически измеряемые и познаваемые разумом свойства.

Кантемир значительное внимание уделяет проблеме нравственного мира человека. Его этическое учение направлено против господствующей в тогдашнем российском обществе морали, принятых в нем сословных критериев оценки чести и достоинства человека. По мнению Кантемира, человека, нужно ценить не за благородство происхождения, а за талант, ум, личные заслуги в служении отечеству. Исходя из просветительской теории естественного права и неизменности природы человека, он утверждал идею природного равенства всех людей. Между свободным и холопом, писал Кантемир, «природа никакой разницы не поставила, в составе тела: та же кровь, те же кости, та же плоть» [8]. Среди кичащихся своей знатностью вельмож «нет таких, которого бы племя не из подлого бы рода начала некогда произошло», каждый из них «в сохе сыщет начало блистательному роду» [8]. Исходя из своей концепции естественного равенства людей, мыслитель требовал равенства дворянина и холопа перед судом и законом, решительно осуждал жестокое обращение с крепостными, предлагая облегчить тяжесть податей, налагаемых на народ. Эти идеи нашли яркое отражение в его сатирах, особенно в сатире «На зависть и гордость дворян злонравных». В соответствии с идеалами эпохи Просвещения, Кантемир обосновывал необходимость активного участия человека в жизни общества, развития наук, добрых нравов и вместе с тем решительной борьбы против невежества и сил зла. По его мнению, «благонравным» можно назвать только такого человека, который «потом и мозолями в пользу отечества добывает себе славу» [8]. В концепции истории общества и мировых цивилизаций Кантемир исходил из признания первенствующего значения просвещения, науки и воспитания в жизни народов и человечества в целом. История человеческого общества представлялась им как история совершенствования знания и нравов, которые в соответствии с древнерусской традицией объединялись в одном понятии Мудрость. Так же как и некоторые другие ученые петровского времени, и прежде всего его отец Д. Кантемир, мыслитель объединял теорию четырех монархий с теорией круговорота в объяснении истории, считая, что в этом движении, начатом с востока и идущему через юг и запад к северу, совершается передача первенствующей роли в развитии мировой цивилизации от народа к народу. Эта роль связана с «преуспением Мудрости», со своеобразной «передачей знания», которые зависят от степени нравственности народа, а последняя от воспитания. Эта теория хотя и была идеалистической, но на место божественного промысла ставила деятельность людей, направленную на воспитание человека и его нравственное совершенствование.

Таким образом «ученая дружина» Петра I внесла весомый вклад в развитие процесса секуляризации. Феофан Прокопович обосновал приоритет светской власти над духовной,

законность и необходимость самодержавной, ничем не ограниченной царской власти В.Н.Татищев представил первую в России принципиальную защиту «светского жития» А.Д. Кантемир обосновывал необходимость активного участия человека в жизни общества, развития наук, добрых нравов и вместе с тем решительной борьбы против невежества и сил зла.

Библиографический список

1. **Бубнов, Ю. А.** Метафизика русского Просвещения: дисс. д-ра филос. наук./ Ю. А. Бубнов. – Воронеж, Изд-во Воронеж.гос.ун-та, 2003. – 293 с.
2. Регламент или Устав духовной коллегии, по которой она знать должества своя. И всех духовных чинов. Также и мирских лиц, поелику оные Управлению Духовному подлежат, и притом в отправлении дел поступать имеет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/duhovnyj-reglament-1721-god-download-free-331270.html> (дата обращения 15.03.2016).
3. **Прокопович, Феофан.** Правда воли монаршей // Прокопович Феофан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-2067.html> (дата обращения 15.03.2016).
4. История российская, с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. – М., 1763. –Кн.1, ч. 1. – 540 с.
5. **Милюков, П. Н.** Очерки по истории русской культуры / П. Н. Милюков. – М.: Прогресс, Культура, 1995. – Т. 3. – 984 с.
6. Русская мысль в век Просвещения / Ред.: Н. Ф. Уткина, А. Д. Сухов. – М.: Наука, 1991. – 280 с.
7. **Кантемир, А. Д.** Письма о природе и человеке// А. Д. Кантемир // Сочинения, письма и избранные переводы.– СПб., 1868. – Т. II. – 462 с.
8. **Кантемир, А. Д.** Собрание стихотворений / А. Д. Кантемир. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kantemir.ouc.ru/f-ya-priima.html> (дата обращения 15.03.2016).

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ PHILOSOPHY OF CULTURE AND CULTURAL STUDIES

УДК 1.316

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж), Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Н. А. Зуева
Россия, г. Воронеж, тел. 89204050550;
e-mail: zuevan2010@yandex.ru*

*Military Training Research Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. Gagarin» (Voronezh)
PhD in Philosophy, Associate Professor of the Humanities and Social and Economic Sciences Chair N. A. Zueva
Russia, Voronezh, tel. 89204050550;
e-mail: zuevan2010@yandex.ru*

Н. А. Зуева

Ж. БОДРИЙЯР: ТАЙНА ЖЕНСТВЕННОСТИ

В статье рассматривается понятие «женского», «женственности» как одно из важнейших в постмодернистской и феминистской рефлексии.

Ключевые слова: патриархатная культура, бинарные оппозиции, дихотомичное мышление, мужское/женское, реальность, соблазн.

N. A. Zueva

J. BAUDRILLARD: THE SECRET OF FEMINITY

The article examines the concept of “femininity” as one of the most important in post-modern and feminist reflection.

Key words: traditional culture, binary oppositions, dichotomous thinking, masculine/feminine, reality, seduction.

Тема «женского» («женственности») – одна из основных в феминистской рефлексии. Феминизм можно рассматривать как парадоксальный эффект патриархатной культуры, поместившей половину человечества в культурное зазеркалье, особый способ «расколдовывания» мира, попытка дать женщине заговорить, а миру услышать ее.

Оформление оппозиции «мужское/женское» происходит уже в ранних философских системах. Для древнегреческой философии характерной является ассоциация мужского с активным, рациональным, упорядоченным, оформленным, а женского с пассивным, эмоциональным, бесформенным, хаотичным, чувственным. Свидетельством тому являются пифагорейская таблица противоположностей, платоновское восприятие тела как тюрьмы, аристотелевское различие материи, тела и формы и т. д.

Дуализм души и тела, рационального и нерационального стал доминирующим в западной традиции, которая определенным образом конституировала женское, феминное. Материя, природное и, в итоге, женское – то, что, бесспорно, подлежало преодолению и «рационализации».

Средневековая христианская философия продолжила античную традицию дифференциации мужского как рационального и женского как природного. В работах Филона Александрийского, Августина Аврелия, Фомы Аквинского женское олицетворяет мир чувственного, телесного, тогда как мужское – мир сознательного, рационального, духовного, божественного. Поскольку моральный прогресс в средневековой христианской философии связан с преодолением разрушительного влияния «женского», то добродетель неминуемо связана с утверждением «мужского» через его подавление как безусловного зла,

«соблазна мира», «мирового искусства» [1]. Конституирование понятий «мужское» и «женское» в Средневековье приводит к установлению иерархических отношений между ними, что имело, как известно, негативные последствия (дискуссия на Македонском Соборе 585 года, на котором большинством в один голос женщину все же решено было считать человеком; печально известный «Молот ведьм» 1487 года, охота на ведьм и т. д.).

Даже в эпоху Просвещения женщина рассматривалась как низшее моральное существо, проигрывающая мужчине как носителю Разума, и помещалась в область частного и семейного [3].

В кантианстве и гегельянстве поддерживалась идея о недостаточных ментальных способностях женщины, неспособности ее быть объективной и т. п. В итоге процветающему «мужскому» миру как миру этических существ, способных к постижению универсального, противопоставляется мир «женского», тесно связанного с частной сферой мира телесного, чувственного.

Во фрейдизме окончательно закрепляется практика сведения женского к «биологической природе», что открывает женщине, в сущности, три пути: истерии, мужеподобности и «нормальной» (с мужской точки зрения) женственности, ограниченной миром «спальни-детской-кухни».

Таким образом, источниками феминистской критики, направленной против, в частности, «гендерированных» мужчинами базовых понятий разума и объективности, становятся мотив исключения женского из традиционной западной философской мысли, а также мышление в рамках бинарных оппозиций, «неизбежно выстраивающее в иерархию, в табель о рангах два поляризованных понятия, в результате чего одно становится привилегированным, а другое приниженным, подчиненным, негативным...» [3. С. 599].

Начало феминистскому анализу традиционной патриархатной культуры положила С. де Бовуар, которая вводит в феминистский лексикон категорию «друговости» женщины. Она критикует биодетерминизм фрейдистской «анатомии как судьбы» и делает акцент на несводимости женского к телу, пытаясь ответить на сущностный вопрос феминистской теории: «Почему женщина второй пол?».

Пытаясь ответить на этот вопрос, феминистская критика, по сути, пыталась «вписать» женщину в существующий патриархатный порядок.

Так, акцентируя идею равенства мужчин и женщин как рациональных существ, либеральный феминизм (исторически первая форма феминизма) не интересовался ни «инаковостью» женщины, ни «уникальностью женского опыта», ни «мистической» женственностью [4].

Социалистическое направление феминизма (как один из результатов социальных реформ второй половины XIX и начала XX веков [5. С. 20]) рассматривал женщин не как жертв сексизма, а как один из объектов подавления в условиях развития капиталистических отношений.

Психоаналитический феминизм предпринял попытку реинтерпретации традиционного фрейдизма и указал на бессознательный страх мужчины по отношению к образу матери и зависть к ее репродуктивной способности как причину возникновения и патриархата, и разработку им средств и методов контроля и подавления женского.

Представительницы одного из самых критикуемых направлений – радикального феминизма - ставили во главу угла социально-культурные причины подавления женщин. Радикальные феминистки выступали против андроцентризма как сущностной характеристики современной культуры. Отправной точкой их рассуждений являлось убеждение, что все существующие общества являются патриархатными и отличаются степенью и природой проявления власти мужчин над женщинами: «...до сих пор не обнаружено такое общество, в котором женщины обладали бы большей властью, чем мужчины» [6. С. 164].

Постмодернистский феминизм также отвергал традиционные представления об истине и реальности, понятия, блокирующие различия (Э. Сиксу), подвергал критике традиционную фрейдистскую психоаналитическую теорию и практику. Вместе с тем, именно постмодернистскими феминистками (в духе постмодернистской этики и эстетики) была предпринята попытка вывести «женское», женственность из базовой оппозиции традиционного мышления.

Одним из понятий, используемых постмодернистскими феминистками для достижения поставленной цели, стало понятие инаковости.

Инакость, или инаковость, – термин, который встречается уже в платоновской философии, допускающей возможность точного определения чего-то одного, уникального, в отличие от другого. У неоплатоников инаковость отражала двойственность познанного и познаваемого. В схоластической традиции Божественное было инаковым по отношению к посюстороннему и т. д.

«Инаковость» лежит в основе основных методологических подходов к женской субъективности. Посредством инаковости можно определить, во-первых, структуру женской субъективности (по отношению к мужскому, традиционному), а во-вторых, женскую сексуальность как независимую, самодостаточную, уникальную вне соотнесения ее с нормативной мужской [7. С. 137].

В постмодернистском феминизме инаковость становится характеристикой «женского» в метафизической оппозиции, всегда уже предполагающей достигнутое первенство «послефизического» - «мужского».

Своеобразным обоснованием инаковости «женского» стали взгляды Ж. Лакана. Невозможность вписывания женского в Символический порядок становится основой утверждения принципиальной «инаковости» женского, невозможности определения ее на языке Отца. Это приводит к знаменитому лакановскому утверждению о том, что «женщина не существует». Все, связанное с женским, феминным, не просто не проговаривается, оно настолько иное, что даже при попытке его осмысления Символическому порядку угрожало бы уничтожение.

Сущностный вопрос феминистской теории, поставленный С. де Бовуар, можно перефразировать в постмодернистском духе: «Почему женщина есть Иное?». Ответ оказывается простым: мужчина есть некая точка отсчета, по отношению к которой женщина и самоопределяется, и определяется, при этом «главное», то есть «мужское», «определяет себя посредством исключения другого и выстраивает в этом процессе свои собственные пределы и границы, чтобы создать собственную идентичность» [3. С. 599]. При попытке отказаться от этой точки отсчета женщина оказывается некой фантазией, результатом мужского мифологического сознания, «мечтающей посредством мужских мечтаний...» [8. С. 184]. Таким образом, женщина – проекция, тень, имитация субъективности, которая «в патриархальной культуре занимает место... Другого, ограниченного символическим порядком, в котором мужчина может лелеять свои фантазии и наваждения..., направляя их на молчаливый образ женщины, все еще привязанный к своей функции носителя значения, а не его создателя» [9. С. 282].

Постмодернистские феминистки пытаются отойти от подобной трагической трактовки инаковости женского и рассмотреть ее не как подлежащую преодолению, оплакиванию, подавлению, но как уникальную возможность наслаждаться статусом исключенного, отвергнутого, маргинального и т. д.

В постмодернистском феминизме предпринимается попытка (Э. Сиксу, Л. Иригари) «выписать» женское из конструированного мужчинами мира. Так, с точки зрения Л. Иригари, представления о феминности полностью зависимы от языка, на котором они проговариваются (действительно, язык – дом бытия). В рамках фаллоцентричного языка женщина – непрезентируемое, непрозрачное, полное отсутствие. Поэтому и презентация женского может быть уникальной. Речь идет, в частности, о некоем «женском типе» письма -

изменчивом, пятнистом, царапающем, карнавальном, в противовес «мужскому» как стандартному и скучному, не отвечающему постмодернистской эстетике. Однако, подобные попытки лишь поддерживают традиционный порядок, поскольку, согласно Ж. Бодрийяру, по-прежнему остается опасность идентификации женского письма с «биологическими» женщинами.

Возможно ли в принципе отказаться от мышления в рамках бинарных оппозиций? Достаточен ли акцент на уникальности и инаковости женского для того, чтобы не отсылать к «уникальности-в-сравнении-с-мужским»? Согласно Ж. П. Сартру, человек в мире всегда включен в отношения с другими. Осознание опасности нахождения под взглядом другого вызывает стремление обезвредить его и превратить в объект. Вместе с тем Другой – это пространство соблазна, моего желания. Он еще более соблазнителен, потому что скрывает в себе неконтролируемое и недоступное – вот что лежит в основе операции исключения.

При деконструктивном анализе, и на это указывает Ж. Бодрийяр, оказывается очевидным, что каждый член бинарной оппозиции зависит от определения другого, противоположного ему. Не лежит ли в настойчивом желании «зафиксировать» женское, «привязать» его, в частности, к телу, телесности, страх потерять стабильность структуры, в которой мужское занимает ведущее место?

Ж. Бодрийяр высказывает предположение, что тайна женского – оружие, обезвреживанием которого и занималось мужское. Вся история человечества – история мужчин, камуфлировавших свою неуверенность, слабость и страх перед женским, выстраивавших бастионы для защиты мужественности. Дополнительную опасность представляет то, что базовое отношение «мужское/женское» представляет собой, вероятно, обратимую структуру. То есть, тот страх перед женским, который свойственен мужскому, связан для последнего, прежде всего, с опасностью инверсии (по словам Ж. Бодрийяра, «любую мужественность всегда преследовала... угроза внезапной обратимости в женственное»).

Женственность, с точки зрения Ж. Бодрийяра, соответствует постмодернистской эстетике с ее акцентом на рассеивании, множественности уровней понимания, отсутствии иерархии, сомнении в универсальности субъекта, как и в самом понятии субъективности, связи обозначаемого и обозначающего. Опустошенность знака, «безреферентное пространство, империя знаков без обозначаемых» – наше настоящее. И в этом настоящем мужское оказывается жертвой собственных попыток «ухватить» с помощью рациональной мысли некую первоначальную реальность. Мужское можно рассматривать как «метанарратив», но его мужественность ослаблена случайностью и нецентрированностью женского. Вот почему, по мнению Ж. Бодрийяра, стремление постмодернистских феминисток ассоциировать женское с каким-то особым типом письма, языка, желания, сексуальности играет на руку критикуемому ими мужскому.

Наиболее близкой Ж. Бодрийяру, пожалуй, является позиция Ю. Кристевой, которая утверждает следующее: если феминное и может быть выражено, оно не должно быть выражено, поскольку «женщина как таковая не существует». Женщина не существует как понятие всегда мужской философии. Она ускользает от определения, она не может «быть», поскольку не принадлежит порядку бытия (или реальному у Ж. Бодрийяра). Феминное же – тишина бессознательного, предшествующего любому дискурсу. Не в маргинальности (поскольку это состояние отсылает к центру – мужскому), а в неспособности быть определенной и есть тайна женского, и вот почему женское как тайна, чье открытие и есть соблазн, настолько опасно для мужского реального.

«Способ существования женского – скрывать себя. В своей сокрытости женщина предстает как... уклоняющаяся от света. Через существование женского в мир прорывается тайна, бытие невидимого... Но в этом и могущество другого – быть другим» [10. С. 94-95].

Тайна – вот сущность женского. Не особая женская сексуальность, желание и т.п., поскольку «существует только одна сексуальность – мужская». Бесплезно в дихотомичной

структуре «перетаскивать женское по другую сторону черты, перемешивать термины оппозиции – структура либо останется прежней: все женское абсорбируется мужским; либо просто разваливается, и нет ни женского, ни мужского: нулевая ступень структуры» [1].

Однако на самом деле женское вне этой структуры, и так было всегда: в этом секрет силы женского. Согласно Ж. Бодрийяру, женское соблазняет именно потому, что никогда не оказывается там, где мыслится и где выводится: нет его и в той истории страданий и притеснений, о которой говорят феминистки: «историческая голгофа женщин – только маска рабской зависимости, под которой ловко прячется женское» [1].

Феминистки, по мнению Ж. Бодрийяра, не понимают, что не «автономия», «различие», «специфика женского желания» могут быть противопоставлены традиционной фаллократической структуре. Если реальность, связанная с мужским, есть только эффект реальности, то соблазн как атрибут женского представляет господство над символической вселенной, что является несоизмеримо большим, чем власть политическая, сексуальная и т.д.

Феминистское движение, согласно Ж. Бодрийяру, допускает ошибку, пытаясь сделать «женское» истинным, то есть вписанным в тело и желание, принадлежащим природному порядку. Власть женского заключается в том, что оно есть «абсолютное господство над царством видимостей». Противопоставление женского как неразрешимого мужскому как определенному: как видимость женское поражает глубину мужского, поскольку бесполезно, «разыгрывать бытие против бытия, истину против истины...» [1]. Точнее, мужскому как глубине противостоит даже не женское как поверхность, но женское как неразличимость поверхности и глубины, женственность как маскарад, поскольку для женского не существует разницы между подлинностью, глубиной и поверхностью.

Вступая в борьбу за истину и справедливость (здесь речь идет скорее о радикальном направлении), феминистки лишь подтверждают, что «анатомия – это судьба». Но только соблазн, тайна женского способен противостоять анатомии как судьбе, и «только невероятное ослепление побуждает отрицать эту силу, равную всем прочим и даже превосходящую их все, поскольку она опрокидывает их простой игрой стратегии видимостей».

Ж. Бодрийяр предлагает осмыслить и принять новую вселенную, существующую «в терминах обольщения и соблазнительной обратимости взамен структуры и различительных оппозиций», – вселенную, в которой женское как ничто не противостоит мужскому, но соблазняет его.

Библиографический список

1. Бодрийяр, Ж. Соблазн. – (<http://e-libra.ru/read/185086-soblazn.html>).
2. Бондаренко, Л. Роль женщины: от прошлого к настоящему / Л. Бондаренко // Общественные науки и современность. – 1996. - № 6. – С. 163-171; Лабутина, Т. Л. Ранние английские просветители о роли и месте женщин в обществе / Т. Л. Лабутина // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 14-28.
3. Гросс, Э. Изменяя очертания тела / Э. Гросс // Введение в гендерные исследования. – Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. – Харьков: ХГЦИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. Фридан, Б. Загадка женственности / Б. Фридан. – М.: Прогресс, 1994. – С. 102-110.
4. Эллиот, П., Менделл, Н. Теории феминизма / П. Эллиот, Н. Менделл // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / Под ред. И. Жеребкиной. – Харьков: ХГЦИ, 1998.
5. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
6. Жеребкина, И. Прочти мое желание: Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм / И. Жеребкина. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 256 с.
7. Бовуар, С. де Второй пол / С. де Бовуар / Пер. с франц. – Библиотека феминизма. – М.: Прогресс, СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.
8. Малви, Л. Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф / Л. Малви // Антология гендерной теории: Сб. пер. / Сост. и комментарии Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. – Мн.: ПроPILEI, 2000. – С. 280-296.
9. Левинас, Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1999. – 265 с.

УДК 130.2

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессор Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж),
Кандидат философских наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
С. И. Иванова
Россия, г. Воронеж, тел. +79065878175
e-mail: isvetlanai@inbox.ru*

*Military Training Research Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. Gagarin» (Voronezh)
Ph.D, lecturer of the Humanities and Social and Economic Sciences Chair
S. I. Ivanova
Russia, Voronezh, tel. +79065878175
e-mail: isvetlanai@inbox.ru*

С. И. Иванова

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СЛАВЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ И. С. АКСАКОВА

В статье рассматривается концепция «польского вопроса» в публицистическом творчестве И. С. Аксакова. Его взгляд на историческую судьбу польского народа делает актуальным вопрос о необходимости национального возрождения самой России.

Ключевые слова: польский вопрос, славянофилы, славянские народы, запад, национальная идентичность.

S. I. Ivanova

IDEA OF NATIONAL SLAVIC REVIVAL IN PUBLICISTIC CREATIVITY OF I. S. AKSAKOV

The concept of "the Polish question" in publicistic creativity of I. S. Aksakov is considered in article. His view of the historical fate of the Polish people making urgent the need for national revival of Russia itself.

Key words: The Polish question, the slavophiles, Slavic people, the West, national identity.

Историческая обстановка первой половины XIX века способствовала возникновению идеи возрождения славянских народов. В успешной борьбе с Османской империей Россия приобрела право покровительства славянским народам, являясь единственной православной страной способной стать во главе всего православного христианского мира. Все это способствовало формированию славянского вопроса как проблемы для осмысления русской философской мыслью. Неудачная для России Крымская война раскрыла глубинные противоречия русской жизни и привела к напряженному поиску русского пути, русского своеобразия, а так же показала враждебность Запада России и славянству в целом. По словам известного мыслителя В.В. Зеньковского: «В этой войне впервые славянское самосознание было остро поражено глубокой ненавистью со стороны Запада к славянству; столкнулось целых два мира, и отсюда понятно, что Россия была страшна и ненавистна Западу не одной своей мощью, но все увеличивающимся ее влиянием на славянство» [1. С. 64]. В связи с этим, обострилась актуальность темы отношения России к Западу. Вся сложность этой проблемы состояла в том, что с одной стороны существовала тесная связь России с Западом и невозможность изолировать себя от него, а, с другой стороны, была неоспорима русская самобытность и необходимость поиска своего собственного пути. Наиболее ярко эта проблема проявилась в сложных русско-польских отношениях. Являясь славянами по крови, но резко отличаясь в религиозном и культурном отношении, поляки нередко ассоциировались с враждебным образом Запада. А польский вопрос, то есть комплекс проблем, связанных со стремлением Польши к независимости и со спорным статусом, так называемых литовских земель, неизменно отождествлялся с католическим характером польской религиозности.

Эти проблемы подробно рассматриваются в публицистических произведениях Ивана Сергеевича Аксакова на страницах газет «День», «Москва», «Москвичи» и «Русь», издателем и редактором которых он являлся. Будучи председателем Славянского комитета (1875-1878) И.С. Аксаков пропагандировал идеи славянской общности, уделял внимание событиям политической и культурной жизни славянских народов [2].

Огромное значение публицист придавал рассмотрению национальной проблематики. «Восточный вопрос», «прибалтийский вопрос», «еврейский вопрос», «польский вопрос» - все эти темы, волновавшие современников, нашли свое отражение в публикациях И.С. Аксакова. «Польский вопрос» занимал особое место в творчестве Аксакова. Публикации по этой проблематике занимают целый том в его полном собрании сочинений (Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. Т.3. Польский вопрос и западнорусское дело. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886.) По мнению автора, судьба Польши выделяется из общей судьбы славянского племени. Как таковых «славян вообще» не существует, писал он, а существуют славянские племена с различными историческими судьбами, племенными особенностями и племенным эгоизмом. Но, рассуждает Аксаков, есть черты, которые позволяют отнести различные племена к «славянскому типу». Он выделяет два общих признака славянства: признаки природного свойства («кровное родство, единство «расы», сходство обычаев и наречий») и признаки духовного свойства (душевные и нравственные качества племени, его религиозные и нравственные идеалы). По мнению И.С. Аксакова, для славянских племен, именно, духовный элемент стоит выше физического и является объединительным началом. Но в нем же могут содержаться основания для разъединения племен, по различию вероисповедания. «На этом основании интерес единоплеменности уступает высшему интересу единоверия, и для Русского православного народа, например, православный Грек, даже православный Немец более брат, чем Поляк-католик или даже Русский, ставший латинянином» [3. С. 90]. Непримириемые различия в духовных основаниях православной России и католической Польши определили всю сложность и неразрешимость «польского вопроса».

И.С. Аксаков полагает, что падение Польши не случайно, а «было подготовлено внутренним разложением Польского общества, ложью шляхетства и католицизма, изменою ее Славянским началом...» [4. С. 13]. Решительный поворот в судьбе Польского государства произошел во второй половине XVI века, когда в страну проникли иезуиты, распространяя новую веру. Католическое вероисповедание — то зло, которое заглушило в польской нации чувство и сознание славянской духовной общности и родства, «и вместе с тем повергло, Польшу, к ногам Запада — как наиусерднейшую его прислужницу... Став любимейшею дочерью Римской курии, Польша стала вместе с тем «бульваром Запада» против московского православия «варварства» [5. С. 556]. Нет злейшего врага для славянства, чем католичество, так как оно самой духовной природе славянства, писал Аксаков, в то время как православие не наносит ущерба никакой национальности. Аксаков неоднократно подчеркивает, что бедствия поляков и их цивилизации будут продолжаться до тех пор, пока «вера их будет по прежнему проникнута иезуитством, будет разрешать ложь, безнравственность, убийство для достижения целей, сама обращать в средство для возбуждения политического фанатизма, утратив высокий идеал христианской нравственности, и по прежнему рабствовать Риму» [6. С. 200-201]. Нет единства в польском обществе, восклицает публицист, оно разделено на «простой народ и дворянство или шляхту, разделенных между собою не только сословною враждою, но и разницею вере, обычаев и самого языка» [7. С. 47]. Высшие классы, шляхта владеет земельной собственностью, образованием, материальными и духовными средствами, именно, они и являются носителями польской культуры, польской народности. Остальная же масса простого народа «не состоит не в языке, не в культуре» Польши, а именуется - быдло, скот. Такое образование, заключает автор, не может называться народным обществом, его духовная целостность, естественно, подвергается разрушению. Существование Польши в ее прежнем виде и устройстве, стало далее невозможно, тем более, такое соседство

препятствовало бы свободному развитию России. Поэтому политическая гибель Польши, заключат Аксаков, исторически закономерна и естественна.

Глубокие исследования проблематики позволили И.С. Аксакову увидеть в Польском вопросе не только военное противостояние России и Польши, но и борьбу Европы с Россией, борьбу цивилизации с Азиатским варварством: «это борьба всего Славянского мира с миром Латино-Германским...» [8. С. 123]. Публицист в духе романтического славянофильства подчеркивает, что важнейшим в этом противостоянии являются не территориальные завоевания, не расширение административных границ государства, а требование свободного духовного развития народа. «Эта борьба не за материальное обладание землею, а за духовную независимость Русского народа от латинства ...» [9. С. 131]. Причем, поляки здесь рассматриваются как «воинственные миссионеры» католического Запада, стремящиеся к духовной экспансии славянского мира. В этом Аксаков раскрывает важнейшую грань польского вопроса, а именно борьбу двух начал: польского-католического и русского-православного. В противостоянии католическому влиянию, в духовном преобладании православия в славянстве, он видит главную миссию России, ее славянское призвание. Не раз, в своих публикациях автор подчеркивает, что именно Россия, как «истинная представительница Славянства», сосредоточившая в себе всю духовную и материальную мощь Славянского мира, должна принять вызов Запада в образе Польши [8. С. 123].

Но польский вопрос, как не раз подчеркивает автор, это еще и внутренний вопрос России, вопрос возрождения русского общества, русских духовных сил. Без русского начала, без присутствия народного духа в сознании, в образовании, «сколько бы ни пролилось крови, сколько бы ни было пожертвовано жизнью и достоянием, мы все же не достигнем полного и прочного разрешения этого важнейшего для нас вопроса» [10. С. 106]. Забыта славянская культура, история и даже русский язык, повторяет Аксаков, современное ему общество утратило связь с духовным наследием прошлого, а «всякое сочувствие к Славянам подвергает сочувствующих ожесточенной брани, насмешкам и даже нелитературного свойства преследованиям...» [11. С. 158].

Истоки внутреннего духовного раскола общества, по мнению автора, лежат в реформаторской деятельности Петра I. Разрыв русской жизни, начавшийся с переворотом Петра, тем опасен, что искажает саму душу народа, проникновением чуждой ей духовной стихии, нравственно подавляя и затормаживая ее развитие. В допетровской России «государство могло быть и деспотичным, правительство грубым, жестоким, но духовного разъединения между ним и народом еще не было. Цельность внутренней всенародной жизни еще ничем не была подорвана, — потому-то и обладала она этою удивительною силою сращения с государственным и народным телом новоприобретаемых краев и племен» [12. С. 796].

Поэтому, для успешного решения «польского вопроса», публицист призывает очиститься и освободиться от западного влияния в образовании, в жизни и вернуться к истокам истинного славянства, которое также трактуется в духе славянофильского пиетета перед прошлым. «Когда мы сойдем с Немецки-государственной точки зрения, господствующей в нашем обществе, и заменим чувство «патриотизма» чувством народности, - тогда нашему Русскому взору откроется, может быть, такой новый вид решения этого мучительного вопроса, какой и «на сердце не взыдет» [13. С. 126]. «Стоит только Русскому Императору отпустить себе бороду - и он непобедим», - цитирует императора Наполеона И.С. Аксаков. Под символом «бороды» автор здесь понимает великое значение Русского народа, его духовную и нравственную силу, и как истинный славянофил, видит в нем спасение России. Но автор не идеализирует его. Сам по себе народ, пишет он, сила пассивная, «не только не способная подчинять себе чужие, сколько-нибудь развитые народности, но сама легко, незаметно им подчиняющаяся, бессознательная». И только при условии абсолютного единства всех наших государственных и общественных нравственных сил русский народ вновь станет «вполне народным, то есть вполне Русским», способным противостоять

натиску запада [14. С. 147]. И вновь Аксаков проводит аналогию с событиями исторической древности, со Смутным временем, когда разоренная, истощенная, находящаяся на краю гибели Россия, возродилась, стала могущественным, крепко сплоченным и организованным государством, победив продолжавшееся более чем полвека польское господство. «Вот как выражалась та связь народа с государем или - что то же - земли с государством, которая жива и поныне держит Россию...» [15. С. 176].

Отдельно И.С. Аксаков предлагает решить вопрос о тех областях, где исторически проживали православные славяне, волею судьбы находящиеся долгое время под властью Польши. Автор конкретно указывает на исторические события, связанные с тяжелой борьбой русского народа, против польского гнета. «Славные предания Польской истории о веротерпимости Польши и об ее уважении к национальной свободе давно заслонены кровавою памятью унии, нашествия иезуитов, казацких войн и народных бедствий ХУП века, — с которого собственно и начинается летосчисление современных отношений обеих народностей» [16. С. 20]. Публицист твердо выступает против попыток порабощения католической Польшей украинского, белорусского и литовского народа. «Мы стоим за народ, с народом и во имя народа, против гнета шляхетства и католицизма, гнета, издавна томящего и давящего народ и имеющего целью сломить в нем начала Русской народности» [16. С. 28]. Аксаков считал естественным право России на возвращение коренных русских земель, населенных православными славянами. «Литва, Белая и Малая Русь никогда не были коренными Польскими землями; народонаселение их составляло всегда отдельную от Польской народность, и ...всегда оставалось, и остается до сих пор, чуждо, более чем чуждо - враждебно Польской стихии» [11. С. 144]. Говоря о порабощении украинского, белорусского и литовского крестьянства, И.С. Аксаков использует понятие «полонизм», понимая под ним попытки «ополячить» и «окатоличить» исконное русское население Западного края. Автор подчеркивает духовный характер «полонизма», его нравственную силу, которая «как тонкий воздух, проникающий в самые сокровенные волосяные сосуды человеческого тела, обхватывает собою целые страны, проникая в ум, душу и сердце человека, окрашивая своим, неуловимым для определения, колоритом все его представления, видоизменяя по своему его убеждения, вторгаясь в самую речь, в самый быт народный» [17. С. 89]. Поэтому и противостояние «полонизму» должно осуществляться не силой оружия, не воздействием государства или общественных институтов, а укреплением, развитием и превосходством Русских духовных начал в Западном крае. Такое средство борьбы с «полонизмом» Аксаков называет «русификаций» или «обрусением». При этом важнейшую роль в процессе «обрусения», по мнению автора, играет именно православие.

Западнорусские земли стали таким местом, где на протяжении веков борьба между католичеством и православием проходила особенно остро и была связана с личным духовным выбором. Аксаков писал, что именно здесь при большом физиологическом и этническом сходстве населения, различия между польским и русским населением, определялись только вероисповеданием. Поэтому нередко можно встретить семейства, где братья - католики, а сестры - православные. «И что же? Первые и сами себя считают и от всех других считаются - Поляками, а вторые - родные их сестры - считаются и считают себя Русскими, или же наоборот, смотря по вере, — и единой верной Польше, православный к единой верной России» [18. С. 204]. Следуя славянофильским традициям, Аксаков изначально рассматривает православие, как духовную силу славянского народа. Поэтому в поддержке и распространении православия И.С. Аксаков видит главную задачу России в славянском мире.

По иному автор относится к решению вопроса о судьбе самого Польского государства. Автор заявляет, что каждый народ, осознающий себя, чувствующий себя, способный участвовать в развитии истории человечества, имеет нравственное и безусловное право на самостоятельное существование в пределах своей народности. Но это право прекращается, когда оно переходит от стремления к самостоятельности, к подчинению других племен и

народностей. Отсюда следует вывод: «Поляки имеют безусловное, несомненное право стремиться к свободе и независимости, не только духовной, но и политической, всей Польской народности, и лишены, напротив, всякого нравственного права требовать восстановления прежних пределов - не народности Польской, а Польского Королевства» [7. С. 43]. Говоря о миссии России в славянском мире, Аксаков подчеркивает: «нет у России ни стремлений к захватам, ни замыслов на политическое преобладание: она желает только свободы духа и жизни Славянским племенам, остающимся верными Славянскому братству» [19. С. 140]. То есть задача России в противостоянии влиянию западного мира, при условии сохранения национального самосознания славянских народов. Поэтому, отрицая насильственное присоединение Польши, понимая невозможность ее нравственного и духовного перерождения, ее возврата к славянским началам, и, автор делает вывод - судьба Польши без России. «Лучше совсем отказаться от Польши... Лучше совсем исключить ее из Славянской семьи, предоставив ее собственной ее участи в борьбе с германизмом, чем держать ее в насильственном с собою союзе» [13. С. 126].

В своих статьях, опубликованных в 80-ые года XIX века, Аксаков, как бы, подводит итог: о мире с Польшей, о решении польского вопроса говорить рано. Но, сделанное Россией, он оценивает положительно. Она способствовала сохранению польской народности и территориальной целостности, а главное, привнесла тот народный, «славянский элемент», которым так богата Россия, и которого не доставало Польши. «Только благодаря России идея славянства, которая лишь бытию России обязана своим политическим значением и силою в мире, начинает наконец проникать, хотя и еще очень слабо, с самосознание Поляков», - писал Аксаков [20. С. 658].

Таким образом, И.С. Аксаков увидел в польской проблеме столкновение Запада и Славянства, выделив духовные основы этого противоборства, как антагонизм двух противоположных просветительских начал: католичества и православия. Вера в великую миссию России, в ее ведущую роль в судьбе всего славянского мира, выявила необходимость национального возрождения самой России, поставив перед русским обществом главный вопрос, актуальный и сегодня, - вопрос о возрождении русской народности, о русской самобытности, о развитии народного самосознания.

Библиографический список

1. **Зеньковский, В. В.** Русские мыслители и Европа. / В. В. Зеньковский. – М.: Республика, 2005. – 368 с.
2. **Цимбаев, Н. И.** И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. / Н. И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 264 с.
3. **Аксаков, И. С.** Почему Австрия не может сделаться Славянскою державой. Газета «День», 11 ноября 1865 г. // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 7. Общевропеская политика. Статьи разного содержания. / И. С. Аксаков. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1887. – С. 80–96.
4. **Аксаков, И. С.** Наши нравственные отношения к Польше. Москва, 18 ноября 1861 г. // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Польский вопрос и западно–русское дело. / И. С. Аксаков. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. С.3–13.
5. **Аксаков, И. С.** Статьи из газеты «Русь», 1882. Передовые статьи Москва.15 ноября // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 1. Славянский вопрос. 1860–1886. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – С. 552 – 569.
6. **Аксаков, И. С.** Может ли русский царь быть «первым из поляков». Москва, 31 августа 1863 г.//Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Польский вопрос и западно–русское дело. / И. С. Аксаков. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – С. 195–207.

7. **Аксаков, И. С.** Еще о польских притязаниях в Западно–Русском крае. Москва, 8 февраля 1863 г. // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Польский вопрос и западно–русское дело. / И. С. Аксаков. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – С. 32–47.
8. **Аксаков, И. С.** По поводу дипломатического вмешательства Европы в Польский вопрос. Москва, 13 июля 1863 г. // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Польский вопрос и западно–русское дело. / И. С. Аксаков. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – С. 120–126.
9. **Аксаков, И. С.** По поводу письма Ригера о польском вопросе. Москва, 13 июля 1863 г. // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Польский вопрос и западно–русское дело. / И. С. Аксаков. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – С. 126–134.
10. **Аксаков, И. С.** Не война, а общественная сила России может решить в Польском вопросе. Москва, 15 июня 1863 г. // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Польский вопрос и западно–русское дело. / И. С. Аксаков. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – С. 100–107.
11. **Аксаков, И. С.** По поводу нот князя Горчакова. Москва, 20 июля 1863 г. // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Польский вопрос и западно–русское дело. / И. С. Аксаков. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – С. 134–144.
12. **Аксаков, И. С.** Всемирно–историческое призвание России. Москва, 1 августа. Статьи из газеты «Русь» 1884 г. // Аксаков И. С. Славянофильство и западничество. 1860 – 1886. Том 2. / И. С. Аксаков. – Санкт–Петербург. Типография А. С.Суворина.1891.– С.783–799.
13. **Аксаков, И. С.** В предположении войны. Москва, 6 июля 1863 г. // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Польский вопрос и западно–русское дело. / И. С. Аксаков. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – С.116–126.
14. **Аксаков, И. С.** В чем сила России? Москва, 29 июня. Статьи из газеты «День» 1863 г. // Аксаков И. С. Славянофильство и западничество. 1860 – 1886. Том 2. / И. С. Аксаков. Санкт–Петербург. Типография А. С.Суворина.1891. – С. 147–152.
15. **Аксаков, И. С.** Жив еще в нас дух нашей старины. Москва, 17 августа 1863 г. // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Польский вопрос и западно–русское дело. / И. С. Аксаков. – М.: Типография М. Г. Волчанинова. – С. 168–176.
16. **Аксаков, И. С.** По поводу притязаний поляков на Литву, Белоруссию, Волынь, Подолию. Москва, 6 октября 1862 г. // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Польский вопрос и западно–русское дело. / И. С. Аксаков. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – С.16–22.
17. **Аксаков, И. С.** В чем сила народности? Москва, 10 марта. Статьи из газеты «День»1863 г. // Аксаков И. С. Славянофильство и западничество. 1860 – 1886. Том 2. / И. С. Аксаков. – Санкт–Петербург: Типография А. С.Суворина.1891. – С. 89–96.
18. **Аксаков, И. С.** И рады бы в рай, да грехи не пускают. Москва, 12 сентября. Статьи из газеты «День» 1864 г. // Аксаков И. С. Славянофильство и западничество. 1860 – 1886. Том 2. / И. С. Аксаков. – Санкт–Петербург: Типография А. С.Суворина.1891. – С. 204–208.
19. **Аксаков, И. С.** Статьи из газеты «Москва». 1867 г. Передовые статьи. Москва, 20 марта. // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т.1. Славянский вопрос. 1860–1886. / И. С. Аксаков. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – С. 91–178.
20. **Аксаков, И. С.** Застой русского дела в западном крае по усмирению мятежа 1863–64 годах. Москва, 1 мая 1884 г. // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Польский вопрос и западно–русское дело. / И. С. Аксаков. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – С.648–66.

УДК 172

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

И. Т. Пархоменко.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

Воронежский государственный университет

кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии

А. А. Цуркан.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 220-84-17;

e-mail: history@phipsy.vsu.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

PhD in Philosophy, Assistant Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

I. T. Parhomenko

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

Voronezh State University

PhD in Philosophy, Associate Professor of History of Philosophy Chair

A. A. Tzurkan

Russia, Voronezh, tel. (473) 220-84-17;

e-mail: history@phipsy.vsu.ru

И. Т. Пархоменко, А. А. Цуркан

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ**

Статья посвящена рассмотрению теоретических основ для изучения состязательности как базового принципа социокультурной эволюции. Один из главных выводов статьи заключается в том, что в основе состязательности, по-видимому, лежит стремление индивида к преодолению самотождественности посредством выхода на более высокий и лучший, в сравнении с прежним, уровень собственного бытия. При этом, последний должен быть недостижим для остальных. В основе этого стремления лежит усилие индивида по преодолению его собственной смертной природы. Состязательность как базовый принцип социокультурной эволюции реализует себя в ряде модусов, главными из которых в современной социокультурной ситуации, пожалуй, являются гламур и спорт.

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкуренция, гламур, спорт, конфликт, схожесть, не схожесть.

I. T. Parhomenko, A. A. Tzurkan

**THE THEORETICAL GROUNDS FOR THE STUDIES
OF THE PHENOMENON OF COMPETITIVENESS**

The article gives coverage to the theoretical grounds for the studies of competitiveness. One of the main conclusions here is that competitiveness is apparently based upon the principal of non-similarity which manifests itself in a human being's aspiration to overcome one's mortal nature by reaching a higher and better level of being which must not be attainable for others. This ambition is realized in different modes amid which the most prominent are glamour and sports.

Key words: competitiveness, competition, glamour, sports, conflict, similarity, non-similarity.

Актуальность темы исследования категории «состязательность» как базового принципа социокультурной эволюции в рамках современного социально-философского дискурса, на наш взгляд, обусловлена следующими соображениями. До сих пор в рамках целого спектра гуманитарных дисциплин (философия, социология, конфликтология и т.д.) проводилось изучение отдельных сторон и аспектов состязательности, имеющих производный характер. По преимуществу, речь идет о таких феноменах как конкуренция, конфликт, успех. Причем, эти исследования касались, главным образом, эмпирических проявлений состязательности и роли ее дериватов в социальной практике. Накопленный как на Западе, так и в отечественной традиции теоретический потенциал трудно переоценить.

Тем не менее, с нашей точки зрения, есть все основания интегрировать эти исследования в рамках единого направления изучения категории «состязательность», ее роли и функции в социальной практике, а также модусов состязательности в современном социокультурном процессе.

Эта интеграция позволяет выйти на новый, метаэмпирический уровень понимания данного феномена, найти его онтологические основания. Без этого трудно преодолеть имеющуюся на сегодняшний день, подчас, нарочитую дискретность в изучении отмеченных выше производных состязательности, затрудняющую выявление сущности этого феномена, логики его самораскрытия в процессе социокультурной эволюции. Речь также идет и об обнаружении модусов состязательности в том виде, в котором они существуют, актуализируются в рамках западного и восточного культурно-исторического комплексов.

Очевидно, что состязательность выступает в качестве родового в отношении своих видовых проявлений (игра, спорт, стиль и т.д.). Особую роль в обосновании актуальности данной темы имеет изучение в ее рамках таких модусов состязательности, как гламур и спорт. Если в контексте европейского (западного) философского дискурса им давно уделяется значительное внимание, то в современном российском культурном и философском пространстве теоретические исследования данных феноменов явно недостаточны, а среди имеющихся в наличии работ, подчас, преобладает описательно публицистический подход.

Природа состязательности, с нашей точки зрения, имеет экзистенциально-психологические основания. Состязательность как принцип социокультурного развития вызвана к жизни постоянным стремлением человека к изменению собственной природы, базовых параметров своего бытия с целью неуклонного улучшения последнего и достижения возможно большего коэффициента исключительности в сравнении с себе подобными. Эта потребность, по нашему мнению, спровоцирована переживанием индивидом темпоральности (гибельности) своего бытия как фундаментального онтологического изъяна, преодоление которого в ходе культурной эволюции является своеобразной ее сверхзадачей и находит свое воплощение в различных формах культуры (религия, искусство, наука). По существу, речь идет о движении от прото-человека к человеку и далее – к сверх-человеку, от безличного к личностному и далее к сверх-личному, от *mythos* к *logos* и далее – к – *virtus*.

Состязательность присутствует в контексте любого культурно-исторического типа, варьируется лишь степень ее интенсивности и разнообразия проявлений. В рамках динамической социальной системы («Запад» – при всей условности этого понятия) она выражена в максимальной мере, имеет, безусловно, высокий аксиологический статус и общественное признание. Ее модусы (спорт, конкуренция, игра) составляет неотъемлемую часть социокультурного контекста, выступая в качестве мощного стимула развития (прогресса).

В рамках статической социальной системы (Восток, традиционное общество), коэффициент интенсивности состязательности снижен за счет превалирования *Dasman* сознания, инкорпорации индивида в систему. Но и здесь ее присутствие все же ощущается и постепенно возрастает в связи с развитием научно-технического прогресса и экспансии массовой культуры. Человеческий дух протестовал против внешних по отношению к нему ограничений, искал выхода для собственной экзистенциальной свободы. И находил эти выходы во всякого рода духовных практиках. Здесь, пожалуй, уместно вспомнить мысль английского историка и культуролога А.Тойнби, изложенную в его «Постижении истории». Смысл ее заключается в том, что любая подавляющая человека необходимость есть вызов человеческому духу, который стремится найти достойный ответ, создавая свою собственную культуру [1].

Агрессия, насилие, состязательность соподчинены как родовое-видовое и отражают характер этого процесса, его актуализацию на природно-биологическом, антропосоциогенном и социокультурном этапах эволюции.

Человеческую агрессию можно определить как «... постоянные, с разной степенью успешности, попытки достижения контроля над доступной индивиду или группе ситуацией,

с соответствующим стремлением ограничения других сил, претендующих на те же жизненные ресурсы, как условие собственного самоутверждения (благоденствия)» [2. С. 19].

Важно иметь в виду, что насилие не отменяет агрессивность, а состязательность не элиминирует насилие. В живой социальной практике они диалектически взаимодействуют и сосуществуют в разных пропорциях. Превращение насильственного антагонизма в состязание (конкуренцию) происходит тогда, когда само насилие приобретает превращенную, символическую форму, а проигравший – статус символической жертвы. Кодификация правил состязания (конкуренции) сопряжена с выработкой некоего ритуала, имеющего непреложный, сакральный характер.

Итогом конкуренции является обретение успеха. Онтологическая основа успеха – получение нового качества бытия: форма выражения, фиксация, признание за участниками социального процесса – индивидом или социальной группой – выхода в это новое качество, недоступное остальным. Во введении к своей книге «50 великих книг об успехе» (2004) британский ученый, профессор Оксфордского университета Том Батлер-Боудон характеризует успех как «... стремление к совершенству.<...> Успехом можно считать смелость дать ход заветным мечтам и потенциальным возможностям. <...> Успех – это не событие и не результат сам по себе, а выражение всего лучшего, что в вас есть. Мир дает нам бесчисленные возможности для того, чтобы мы сделали его более разумным, гуманным и красивым. И вы должны найти свою нишу. Настоящий успех – это не победа ради нее самой. <...> ... нужно различать стремление добиться успеха ради победы как таковой и желание достичь продолжительного успеха, который обогатит вашу жизнь и жизни других людей» [3. С. 9-10].

Чрезвычайно важно, чтобы это новое качество воспринималось проигравшими как ценное, имеющее избыточное ценностно-смысловое содержание. Речь вовсе не обязательно должна идти о привычных атрибутах успешности, таких, например, как деньги или власть. Если аксиологические приоритеты индивида или группы не содержат в себе эквивалента товара и связанные с ним мифологемы и атрибуты в качестве искомым и главенствующих, то их обладателя не будут воспринимать как успешного. Критерий успешности афонской монашеской общины очевидным и вопиющим образом отличаются от такового от обитателей лондонского Сити или нью-йоркского Манхэттена, что является дополнительным источником напряженности в современном взаимозависимом мире. Таким образом, фактическое, точнее практическое наполнение успеха напрямую зависит от системы ценностей, аксиологической модели группы или индивида. Вот почему, на наш взгляд, не стоит определять успех в терминах количественных, как получение максимального результата при минимальных затратах, Речь идет не о затраченных единицах энергии или времени, а о желании остальными обретенного победителем результата.

Поскольку для большинства участников социокультурного процесса бытие, его консервация, пролонгация являются, в целом, высшей ценностью, оценка успешности победителя состязания со стороны проигравших так или иначе связана с признанием того, что приобретённый им аксиологически значимый набор качеств (например, деньги, власть, здоровье) обеспечивает и лучшее качество его бытия, большую его длительность, Это наблюдение, с поправкой на иные ценностные приоритеты, работает и в тех случаях, когда общепринятые и популярные признаки успешности не воспринимаются как значимые, либо вовсе отрицаются. Успешность христианского аскета эпохи Средневековья, например, при всей условности применения этого термина к ценностям метафизической природы, в конечном итоге призваны обеспечить ему спасение в «вечной жизни». Как видим пролонгация бытия, хоть и в такой превращенной форме и здесь является высшей ценностью.

Попытаемся дать общую характеристику двух основных модусов состязательности на современном этапе социокультурного процесса. В условиях, когда почти полностью отсутствуют глобальные идеологии в четких формулировках и рамках, гламур стал своеобразного рода сверх идеологией эрзац-аристократизма, потребность в котором среди

«низов» насущна и очевидна. Гламур – это «...воображаемый синтез богатства, красоты и славы, он возбуждал зависть и не передавался по наследству, а создавался самим человеком» [4.С. 22]. Нет никаких оснований утверждать наличие некоего заговора «мировой закулисы», транснациональных брендов для навязывания гламура остальному обществу. Как любая разновидность аристократии, гламур есть продукт социального заказа «низов», который стихийно формирует идеал, идол или кумир, чтобы создать все условия для собственной дифференциации, выхода из стихии «низа» через ассоциирование и подражание с идолом и идеалом. Эта ассоциация, основанная на имитации, создает иллюзию причастности к «верху» для представителей «низа», которые не утратили потребности отличаться от других через изменение стиля, внешнего вида, бытовых условий, социального статуса, сколь бы значительными эти изменения не были. Так реализуется состязательность в контексте массовой культуры. В этом отношении гламур – это объективное и неизбежное явление. Все призывы его противников, критиков и оппонентов, звучащие из рядов представителей традиционализма, столь же бесперспективны, как и призывы запретить «Макдональдс» или «Кока-Колу». Потребность отличаться от себя подобных, стремление любой ценой оказаться в области минимальной доступности (эксклюзивности), пожалуй, и является подлинной смыслообразующей составляющей пребывания в гламуре. Гламур, при всей его бессодержательности и бездуховности, обеспечивает мощнейшее поле притяжения для тех, кто находится вне этого нарратива, но отчаянно к нему стремится. Даже если это стремление в силу финансовой ограниченности «низов» не идет дальше имитации гламура через покупку китайских подделок гламурных брендов.

Нет никаких сомнений в том, что спорт является важнейшим компонентом социокультурного процесса и имеет глубокое идеологическое и символическое значение. В известной мере достижения участников спортивного процесса можно считать своеобразным индикатором успешности, эффективности той общественно-политической структуры общества, в рамках которой они осуществляются. Спорт оказывается тем фактором, который способствует идеологическому обоснованию и оправданию наличествующей социальной реальности. Именно в силу этой причины спорт как социокультурный феномен всегда использовался и используется до сих пор как важнейший инструмент пропаганды тех норм, идеалов, ценностей, стереотипов поведения, которые господствуют в общественном сознании на том или ином этапе культурно-исторического процесса для усиления их аксиологического содержания. С нашей точки зрения, сущность спортивной активности заключается в стремлении человека к изменению собственной природы за счет улучшения ее качества и расширения возможностей. Таким образом спортивная деятельность оказывается важнейшим компонентом развития, который укоренен в самой природе человека, в его антропосоциогенезе. Не случайно прототипы спорта можно обнаружить в контексте архаической культуры Европы, восходящей к героическому веку Античности, а также в культуре Востока, как древнего, так и современного.

В спорте как модусе состязательности, с особой очевидностью обозначено присутствие той глубинной мотивации, которая лежит в самом основании культурно-исторического процесса и выступает своеобразным спусковым его механизмом. Речь идет о стремлении индивида к экспансии, к максимально широкому освоению и присвоению реальности ради расширения своей свободы посредством систематического преодоления как внешних, так и внутренних ограничений и детерминант, полагающих пределы последнему.

Эта экспансия как двигатель социокультурного процесса, может иметь экстенсивный характер и не затрагивать первоосновы природной реальности, как это было, например, в Античности или в рамках Восточного культурно-исторического комплекса. Она может охватывать главным образом природу человека с целью ее преобразования (средневековое западное христианство) или затрагивать онтологические характеристики реальности в целом, ее структуру, как и природу самого человека (идея прогресса в Новое и Новейшее время). Вне зависимости от специфики этих моделей, в каждой из них мы находим момент перехода человека из самодовлеющего состояния, выход его в инобытие, которое

сопровождается изменениями качества самого бытия как условия выживания человека. Спорт дает здесь одну из самых наглядных иллюстраций этой установки.

Другая значимая характеристика спортивной активности, которая позволяет вскрыть его сущностные основания, заключается, на наш взгляд, в игровом характере спорта. Это позволяет говорить о наличии некоей онтологической связи феномена спорта с игровой культурой в целом. В свою очередь игра является одной из наиболее древних архетипических для сознания человека форм присвоения им окружающей реальности посредством символа и подражания (мимесис).

С нашей точки зрения можно выделить, как минимум, две господствующие концепции спорта, которые органично входят в контекст западной и восточной культур. Западная (европейская) концепция спорта была рождена в рамках античного полиса как результат эмансипации индивида в утверждении его автономного политико-правового статуса, в условиях ограниченной демократии гражданского общества. Выработанная в греко-римском мире модель спортивной деятельности основана на экстерииоризации и социализации творческих возможностей индивида в области физической культуры ради обретения им общественного статуса и признания. Главной отличительной особенностью этой модели является агонистика (агон), т.е. установка общественного сознания, стимулирующая свободное состязание индивидов как субъектов политико-правовых и социокультурных отношений. Состязательность здесь есть способ изменения человеческой природы, ее улучшения ради достижения идеалов калокагатии и шире – богоуподобления. Последнее обстоятельство весьма существенно для понимания эволюции западной концепции спорта, поскольку прямо указывает на то, что интенсивность и характер спортивной деятельности напрямую зависит от господствующего в общественном сознании идеала и способов его достижения.

Важно иметь в виду то, что агонистика вряд ли состоялась бы в античном мире, если бы ей не предшествовала глубинная мифологическая основа греко-римского сознания и культуры. Речь идет об олимпийском архаическом мифе, на основе которого родилась политеистическая религия античного мира. Как известно, она не знала четкой дифференциации между божественным и земным, небесным и человеческим. Эта религия не давала индивиду внятных и сколь-нибудь отчетливых этических максим. Она не требовала от него избыточного морального напряжения и что, пожалуй, самое существенное – политеистическая религия греко-римского мира не третировала человека чувством нечистой совести, греховности и вины. Напротив, она открывала необозримые возможности для проявления свободы индивида ради богоуподобления и выработки самим человеком на основе разума тех норм конвенциональной и ситуативной этики, которые в конечном итоге обеспечили индивиду возможность для всестороннего духовного и физического развития.

Есть все основания утверждать, что современная западная модель спорта не только генетически восходит к античным прототипам, но и удерживает в своих основах сущностные типологические характеристики, вполне тождественные тому, что мы находим в греко-римской традиции. Речь идет о принципах честной игры, публичности, открытой состязательности людей ради обретения человеком новых возможностей и раскрытия таковых в спортивной деятельности. Экстерииоризация творческих и физических возможностей индивида в сочетании с агональным характером спортивной активности, пожалуй, продолжает оставаться той несущей основой западной концепции спорта, которая значима и сегодня. Вместе с тем стоит подчеркнуть, если идеал совершенного человека включает в себя телесный компонент (Античность) – спорт развивается динамично, если нет (Средневековье) – он теряет интенсивность и затухает. В высшей степени не случайно то обстоятельство, что расцвет спортивной активности в Европе приходится на те периоды в истории западной культуры, когда телесное было реабилитировано (Новое и Новейшее время), а категория «совершенство» утратила свой христианско-теологический характер и стала отождествляться с развитием прогресса в сфере имманентного.

Эмансипация новоевропейского сознания от христианского идеала аскезы повлекла за собой возрождение интереса к телесному, в том числе и к спорту. Неудивительно, что спорт с его апологией совершенного человеческого тела, постоянно раздвигающего границы своих возможностей, оказывается более чем уместен в контексте этой новой западной мифологии эпохи модерна. Ее суть в преодолении времени не через христианское преображение души и всякого рода мистический религиозный опыт, но через возможно более длительное сохранение здоровья, молодости и состоятельности человеческого тела, возможно более эффективное отдаление фазы его старения, ради того, чтобы человек продолжал оставаться успешным элементом в общественной жизни. Очевидно, что спорт, особенно массовый спорт, здесь более чем инструментален. На основе этой мифологической конструкции рождается и идеология западного спорта. Основными ее составляющими являются презумпция равенства, неограниченных возможностей спортивных достижений, а также духа команды, форм и значения позитивной социальности. Следует иметь в виду, что даже негативные тенденции, которые периодически возникали раньше и вполне отчетливо присутствуют в эпоху постмодерна, связанные, прежде всего, с избыточной коммерциализацией спортивной активности на Западе, не ведут к радикальному пересмотру этой мифологии и возникших на ее основе мифологем.

В отличие от западной модели спорта, восточная (при всех сложностях и полисемантности понятия «Восток») основана на интериоризации индивидом внешнего социального и духовного опыта. Главная задача здесь не только видимое проявление этой интериоризации (т.е. спортивные достижения как таковые, визуализация возможностей человеческого тела), сколько внутренняя духовная трансформация индивида. Поэтому «... центральной проблемой восточной философии является проблема противопоставления двух миров-состояний: сансарического и нирванического. Восточных мудрецов занимает вопрос о том, каким образом можно перейти от первого ко второму: покинуть мир обмана и страданий и достигнуть состояния покоя и истины» [5. С. 90].

При всем многообразии восточных религиозно-мистических учений и практик, с нашей точки зрения, можно найти ряд свойственных им в равной мере общих черт. Они становятся особенно очевидны при сопоставлении трех восточных религиозно-философских течений, а именно конфуцианства, даосизма и буддизма. Каждое из них оказало существенное влияние на восточное истолкование спорта и шире – формирование восточного типа ментальности. Речь идет о поглощении индивидуального «я» неким коллективным сознанием «мы», о стремлении избавиться от всего того, что сопряжено с индивидуальным началом. Этому в равной мере подчинены и конфуцианская ритуализированная этика в сочетании с семейно-клановой моралью, и даосское стремление к растворению в природе по средствам неделания, и буддистская обращенность к нирване как к состоянию «по ту сторону» всякого бытия. В рамках этой духовности спортивная деятельность не может иметь самостоятельного социокультурного значения. Она выполняет лишь вспомогательную роль, являясь частью духовно-религиозных практик.

Важно иметь в виду, что по сути своей они сводятся к своеобразной духовной внутренней компенсации индивидом той или иной степени социальной ограниченности, в которой он пребывает в силу сложившихся политико-правовых и социокультурных обстоятельств при сниженном коэффициенте состязательности. Элемент эскапизма, направленный на внутреннее совершенствование, отчетливо присутствует в восточных боевых искусствах и оказывается значимым элементом спортивной деятельности, вплоть до сегодняшнего дня. Если на Западе спорт всегда был направлен на достижение большей социализации индивида, реализации его творческого потенциала через активное включение в социокультурные процессы, то на Востоке спортивная активность, пожалуй, может быть квалифицирована как важнейший способ асоциальной реализации индивида. Впрочем, здесь необходимо сделать одно весьма существенное уточнение. Речь идет, именно, о восточной аутентичной спортивной традиции, т.е. о «боевых искусствах».

Естественно, рассмотрение состязательности как принципа социокультурной эволюции вряд ли может ограничиться лишь двумя ее модусами – гламуром и спортом. Проявления состязательности в социокультурном развитии общества, несомненно, гораздо шире и охватывают все аспекты социального, экономического, политического и культурного развития. В этой связи представляется наиболее перспективным исследование образа «проигравшего», как своеобразного антипода «героя-триумфатора», воплощения успешности. Тема «проигравшего» в контексте изучения состязательности остается мало исследованной и представляет собой весьма интересную перспективу для дальнейших научных разработок.

Библиографический список

1. **Тойнби, А. Дж.** Постижение истории. Сборник. / А. Дж. Тойнби. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – 640 с.
2. **Красиков, В. И.** Насилие в эволюции, истории и современном обществе: Очерки / В. И. Красиков. – М., 2009. – 200 с.
3. **Батлер-Боудон, Т.** 50 великих книг об успехе / Том Батлер-Боудон // Пер с англ. О. Вирязовой. – М.: ЭКСМО, 2013. – 464 с.
4. **Гандл, С.** Гламур / С. Гандл // пер. с англ. под ред. А. Красниковой. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.
5. **Передельский, А. А.** Философия, педагогика и психология единоборств: монография / А. А. Передельский. – М., 2008. – 168 с.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ PHILOSOPHY AND SCIENCE OF RELIGION

УДК 130.121

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

И. М. Бочарова.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

I. M. Bocharova.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

И. М. Бочарова

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ХРАНИТЕЛЬНИЦА ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ РОССИЙСКОГО ЭТНОСА (В РАБОТАХ Н. А. БЕРДЯЕВА)

В статье рассматриваются взгляды Н. А. Бердяева, который, безусловно, является одной из самых заметных фигур в области философского русского культурного ренессанса начала XX века на сакральное положение и воспитательную роль церкви в нашем обществе. В статье анализируются главные труды Н. А. Бердяева, посвященные роли церкви, а так же ее взаимосвязи и взаимоотношениям с государством.

Ключевые слова: Церковь, христианство, православие, традиции, духовный мир.

I. M. Bocharova

RUSSIAN ORTHODOXAL CHURCH AS A GUARDIAN OF THE SPIRITUAL TRADITIONS OF THE RUSSIAN ETHNOS (ACCORDING TO THE VIEWS OF N. A. BERDYAEV)

The article examines the views of N. A. Berdyaev who is definitely one of the most prominent figures in the field of the philosophical Russian cultural renaissance of the beginning of XX century at the sacred status and the educational role of the church in our society. The article analyzes the main works of N. A. Berdyaev dedicated to the role of the church as well as its interconnection and the relationship with the state.

Key words: Church, Christianity, Orthodoxy, traditions, spiritual world.

В настоящее время так же как в течение многих веков Россию вновь испытывают «на прочность». Наш народ всегда вызывал беспокойство у Запада. Под воздействием глобальных процессов вновь делается попытка ослабить и даже разрушить большую страну. С. Франк о европейских писал нравах так: «Мы видим духовное варварство народов утонченной умственной культуры, черствую жестокость при господстве гуманитарных принципов, душевную грязь и порочность при внешней чистоте и благопристойности, внутреннее бессилие – внешнего могущества» [1. С. 143].

Причины нравственной стойкости и духовной силы российского этноса, национального самосознания получили объяснение еще в сочинениях митрополита Иллариона, свят. С. Радонежского, философа В. Соловьева. В. Соловьев отмечал, что единство церкви, государства и общества обеспечили наше место в истории. Мы рассмотрим социальное положение и воспитательную роль церкви в нашем обществе так, как его понимал Н. Бердяев.

Традиции философии В. Соловьева развивались группой «нового религиозного сознания» (неохристиане). В нее входил Н. А. Бердяев, который являлся яркой личностью в русской философии XIX века и в этом схож с Вл. Соловьевым. Характерной чертой мировоззрения Н. А. Бердяева был его подлинный универсализм как бы унаследованный от Вл. Соловьева. Однако отношение к его творчеству со стороны религиозных деятелей русской православной церкви никогда не было позитивным. В. Зеньковский замечает, что впитав в себя отдельные черты православия, Н. Бердяев не находил для себя нужным считаться с традициями [2. С. 14]. Он, по мнению автора, приписывает Церкви гладкое благополучие, бесстрашное понимание христианства, деление мира на спасающегося в ограде Церкви, где все благополучно, радостно, светло и на погибающем в мире, где все неблагополучно, мучительно, и темно [3. С. 398]. Проблемам церкви Бердяев занимался на всем протяжении своей жизни. Он считал, что с православием можно соединить любовь к наукам, искусство и даже политические взгляды [4. С. 2010], но нельзя считать внутренним признаком православной церкви святейший синод или «болезненный нарост – самодержавие» [4. С. 2010], которое также, по его мнению лишено внутренней связи с православием. Историческая организация, как называл Н. Бердяев, церковь редко противостоит русскому самодержавию и государству, что характерно на всем протяжении их существования. Цель православной церкви – обуздать «царство дьявола», а не устройство царства Божия. Он считает, что объединение православной церкви и государства произошло на почве неверия в «божественность земли» [5. С. 203] и земного будущего всего человечества. Абсолютизм в России, освященный церковью, есть признак неверия в теократию на земле.

В отличие от западного католицизма русская восточная христианская мистика сохранила «подлинно божеское». Полная православная истина вообще исключает «всякое зло». Но, к сожалению, отношения между церковью и государством построены в России «на лжи, неискренности и других негативных принципах» [6. С. 221]. Впрочем, мировой опыт не может также указать место, где власть на земле принадлежала христианской вере, потому что истинное христианское государство есть «царство благодати» [6. С. 222]. Причиной столь негативного результата является то, что «религия стала утилитарным орудием царства этого мира» [6. С. 223]. Вера и церковь поддерживается насильственными способами с помощью государственной власти, – считает Н. Бердяев, – хотя в истории церкви имелись случаи преследования священников со стороны правительства. Эти явления в государственно-церковных отношениях Н. Бердяев расценивает не как кризис, упадок или разрушение религиозного института. Для него – «это симптомы начинающегося возрождения и отделение Божьего от кесарева» [6. С. 224].

Драма в истории церкви связана с тем, что церковь «не заключала религиозной правды с земной общественностью и не соприкасалась с судьбой человечества, а в своих эмпирических отношениях была слишком земной» [6. С. 224]. «Языческо-татаро-монгольский абсолютизм был освящен православием, и причиной этого также стало неверие в возможность правды на земле» [6. С. 224]. В антиномиях церкви, в антитезах аскетического мироотрицания и государственного мироутверждения был скрыт глубокий смысл. Церковь никогда не вступала в союз с языческим государством, если бы имела свой идеал общества.

В эпоху революционных преобразований, считает Н. Бердяев, ложь старого союза церкви и государства достигла нестерпимых размеров. Изобличение лжи христианского церкви с языческим государством обнаруживает всю несовместимость «закона христианского» и закона насилия.

Н. Бердяев считает, что онтология церкви еще не раскрыта, хотя возможность открыть и постичь церковь возможно эпически через опыт самой жизни, так как в церкви, а не извне ее нельзя ни «вполне увидеть и понять, нельзя вполне рационально определить, сделать проницаемой для понятия» [7. С. 219].

Н. Бердяев отрицает понимание церкви как храма, духовенства, иерархии или общества верующих, учреждение регулируемого правовыми нормами. Все

вышеперечисленное он считал лишь составляющим бытие церкви. Церковь имеет, по его мнению, внутреннюю и внешнюю природу. Внутреннюю природу церкви невозможно выразить через внешние границы и признаки, так как церковь есть «невидимая» вещь и принадлежит к миру невидимых вещей, обличаемых верою, она сокровенная духовная реальность, но в таком состоянии «как вещь-для-всех» она существует для ее врагов и тех, кто не верит в нее [7. С. 209]. Для людей верующих подлинная реальность Церкви сокровенна и пребывает за гранями "внешних камней Церкви", иерархии, обрядов, соборов. Истинную природу церкви Н. Бердяев понимает как природу духовную. Церковь принадлежит миру духовному, а постижение духовной церкви начинается с духовного опыта, смесь которого заключается в преодолении узости, замкнутости душевного мира человека.

Духовный мир и духовный опыт сверхиндивидуальны и сверхпсихичны и потенциально оказываются «церковны, а духовная жизнь метафизически социальна» [7. С. 209]. Природу церкви Н. Бердяев считает духовно-социальной. Он различает понятия Церковь и соборность. Если церковь – «Тело Христово», церковный народ, то соборность – действие бога на церковный коллектив, жизнь церковного народа [8. С. 160] – считает современный исследователь Ю. С. Комаров. Действительно, соборность церкви Бердяев оценивает как онтологическое качество церкви. В церкви, в соборном духе происходит биение единого сердца. Соборность им понимается как «внутренне духовное изящество, стоящее за внешней церковностью, как духовное единение людей между собой и, всех вместе с церковью [9. С. 14].

Соборность не является категорией количества, она не есть коллективность, а она есть качество общности людей, личностей. «Мы», которые не есть вне этих личностей, существующий и действующий коллектив. «Соборное мы» – это пронизанность духовностью.

Русскую православную идею соборности Н. Бердяев противопоставляет авторитету собора епископов и даже вселенских соборов. Православная соборность – это «пребывание в общении и любви церковного народа и Духа Святого». Внешне признаки для истинной соборности не существуют: «В истинной соборности скрыта таинственная жизнь духа. «Мы» в соборности и есть коллектив. Внешние признаки соборности существуют для организации в государстве и обществе».

Коллективности Н. Бердяев противопоставляет коммунаторность, которая как и соборность признает ценность личности и ценность свободы. Религиозная коммунаторность называется у него соборностью и противопоставлена всякому авторитарному пониманию церкви.

Церковь в мире природном и историческом как «вещь-для-всех» может принимать формы, свойственные этому миру и заимствовать от него начало «принудительное и насилующее». Сокровенная сущность ее совершенно иная: «Принадлежать к Церкви – значит быть чистым членом тела Христова, быть плеткой этого мистического тела, быть органом этого мистического организма» [7. С. 210]. Церковь может дать духовность, которой нет в природном мире, то есть ум, любовь, свободу.

Н. Бердяев выступает против того, чтобы рассматривать церковь как одну из реальностей, существующей наряду с другими. Он считает, что те, кто видят в церкви лишь учреждение, должны быть признаны «упадочниками», так как церковь имеет, по его мнению, космическую природу: «Распятый Христос воскрес и все изменилось в космосе» [7. С. 211]. Если интегральное понимание церкви у него есть понимание ее как «охрищенного космоса» как красота, то дифференциальное понимание «превращает ее в учреждение». Актуализация и воплощение Церкви в истории зависит от реакции человеческой природы «от границ человеческого познания». «Церковь видимая» есть лишь частичная актуализация, а «церковь невидимая» лишь частичное оформление «материи церковной жизни человечества и мира» [7. С. 213]. Условием воплощения и раскрытия церкви должно быть «преображение космоса, явление нового мира, достижения Царства Божьего».

Основной смысл католического учения о различии между душой и телом церкви заключен в том, что «душа» церкви шире и вместительнее «тела». К «душе» принадлежат те, у кого воля направлена к Богу и божественному, хотя бы сознание их не было церковным и даже христианским и они не принимали участие в видимой, воплощенной жизни церкви. К «телу» церкви принадлежат те, которые участвуют в таинствах церкви. «Католическая концепция церкви обрекает большую часть человечества на гибель» – сделал вывод Н. Бердяев. Но круг церкви «потенциальной», «не выявленной», шире и богаче круга церкви «актуализированной» и «выявленной». Актуализированная церковь не тождественна всей глубине и полноте церкви, которая «как тело Христово» обнимает вся бесконечность космической жизни, она есть «космическое тело».

Церковь подводит нас к тайнам божественной науки, но тайна остается непроницаемой для церковного рационализма. Н. Бердяев считает церковь двусторонней по своей природе и видит не только божественную, но и космическую ее основу, имеющую знак не только Божества, но и мира. «Церковь-есть-Бого-мир», богочеловечество». Официальная русская церковь враждебна не только миру, она враждебна «космосу, божественной плоти мира, и в этом трагедия Церкви» [10. С. 249]. Церковь как бы враждебна самой идее церкви как космического организма, так как «церковь Христова» вечно пребывает в космосе, как соединение Христа-Логоса с душой мира» [11. С. 462].

Чтобы «видимая» церковь существовала для всего человечества и всего мира, она должна «сходить» в низины мировой жизни. Церковь должна действовать в языческом партикуляризме и в ограниченности природного мира: «Церковь как онтологическая реальность, духовный организм и реальное существо, которое пребывает не только на земле, но и на небе, не только во времени, но и в вечности» [7. С. 213].

Церковь динамична, ей присущ творческий процесс. Но одновременно она смогла сохранить апостольские традиции. Первохристианская община жила в эсхатологической атмосфере, в ожидании наступления Царства Божия и церковная организация, – считает Н. Бердяев, – была не нужна. Но когда пришло осознание, что человечеству предстоит длительный земной путь исторической жизни, тогда вместо Царства Божьего на земле образовалась Церковь. Н. Бердяев подчеркивает, что земную церковь не надо отождествлять с Царством Божьим, так как Царство Божье связано с неведомой мистической небесной Церковью: «отождествление Церкви с Царством Божьим было ошибкой» [7. С. 215], так как в ней один организм соединяются в одну личность – две природы – Божество и человечество. Динамика церковной жизни определяется не только движением от Бога к человеку, но и наоборот. «Церковь не есть априорное начало, но она есть опыт». «Сакральная» сторона христианства официально признается церковной, пророческая сторона остается невидимой.

Н. Бердяев считает церковь единой и единичной как реальность. Другой важной ее чертой он считает ее вселенскость, которая может проявляться на уровне епархии, так как вселенскость «есть качество, а не количество, есть измерение глубины» [7. С. 214]. И потому вселенская церковь не требует по его мнению ни единства внешнего, ни организации распространенной по всему миру: «вертикальное понимание вселенскости лучше может утверждать единство и вселенскость Церкви», несмотря на внешнее разделение. Потому что процесс соединения церквей им мыслится как внутренний путь духовного единения, а не внешний путь церковно-организационного объединения: «Душа церкви остается единой и границы вселенской церкви не совпадают с видимыми границами исторических церквей» [7. С. 225]. Но в одной из последних работ Бердяев вновь выделяет две реальности: духовно-мистическую и социально-историческую. Реальность церкви не означает какого-то коллектива, стоящего над личностями, принадлежащими церкви.

Церковь имеет огромный экзистенциальный смысл в судьбе людей, но в то же время «она не может претендовать на первореальность в плане социальном» [12. С. 330], являясь сверхличностным образованием, она не может страдать, страдают люди, входящие в него.

Падение православной теократии должно вести к пробуждению творческой активности самого христианского народа, к строительству христианского общества. Православные люди делаются ответственными за судьбу церкви в мире, в исторической действительности, что они на себя возложат строительство церковное, жизнь приходов, организацию церковной жизни. «Церковь надо рассматривать как полноту бытия, что было источником величайших расстройств и катастроф в христианском мире» [13. С. 163].

Творческое религиозное возрождение пойдет и от движения в миру, в культуре, от накопившихся творческих религиозных энергий. Возрождение церкви, по мнению Н. Бердяева, нельзя мылить в иерократических категориях, нельзя втиснуть в рамки церковного профессионализма и нельзя мыслить как процесс исключительно «сакральный» в противоположность процессу «профанному»: «Христиане стоят перед задачей оцерковления всей жизни» [13. С. 174].

Оцерковление имеет своей неизбежной стороной признание церковным того духовного творчества, которое представлялось внецерковным для церковного сознания. «Воспоминание Церкви как жизни богочеловеческой, раскрытие интегрального церковного сознания означает обогащение новым духовным опытом человечества» [13. С. 174].

Церковь надо понимать как жизнь, движение и творчества. Творческое движение не должно оставаться внецерковным или противцерковным, а саму церковь «бездвижной и лишенной творческой жизни» [13. С. 174]. Все творческое преображающее отношение к жизни перейдет из мира в церковь. В церкви должны незыблемо храниться святыня и придание, «вечно консервативное начало», но в ней должно быть творческое начало.

Если в католической традиции «оцерковление» понимается как подчинение всех сторон иерократическому началу, прямому водительству иерархов [14. С. 576], то подлинное оцерковление жизни означает не только процессы, которые подчинены церковной иерархии и подвергаются условно символическому освящению. «Оцерковление жизни есть реальная онтологически-реальная сторона жизни, внесение христианского света» [14. С. 578], есть процесс преображающий, а не только освящающий.

Эволюционирование подхода к проблеме церкви автор обнаруживает в «Истоках и смысле русского коммунизма», где церковь определяется как социальный феномен, социальный институт, связанный с социальной средой и испытывающий влияние этой среды. Церковь как социальный институт находится во взаимодействии с государством, имеет свое право и хозяйство, то есть осуществляет политическую, юридическую и экономическую деятельность. Ее источник возникновения Н. Бердяев характеризует как социальный с другой стороны. Историческое развитие церкви «как духовной реальности» сопровождается, с его точки зрения – «греховности» самой церкви, ее способностью к падению, исканию вечной христианской истины. Церковь в истории есть очень сложный бого-человеческий, а не только божественный процесс, хотя марксисты «видят» церковь только как социальный феномен и институт. Кроме того, Бердяев обвиняет марксизм в том, что «для них нет духовной жизни». В период Октябрьской революции 1917 г. православной церкви приходилось расплачиваться за все роковые ошибки, хотя как социальный институт она была не просто подчинена, а порабощена государством.

В Советской России традиционное «рабье» подчинение церкви старому царству кесаря ведет к «рабьему» подчинению церкви новому царству кесаря, хотя оно именуется коммунистическим. Церкви предстояло установить контакт с существующей Советской властью, а не только добиться снятия подозрения за сотрудничество со старым режимом. Если в ранних работах Н. Бердяев считал духовным центром в грядущую эпоху – церковь, то реальность событий в России приводит его к мысли о катастрофическом положении православия; «Мы должны стремиться к возрождению России, но возрождение ее в Христовой правде. Капиталистическое общество не менее антихристианское, чем коммунистическое» [15. С. 12].

В положении христианства «до катастрофы» была неправда и ложь, которые вызвали катастрофу. Но церковь смогла сохраниться в России в эпоху страшных бурь, смут и гонений

«благодаря тому, что православное сознание допускает, что фактически каждая епархия со своим епископом может быть автокефальной, и она в себе, по линии вертикальной может заключать вселенскость» [16. С. 379]. Бердяев считает, что православие меньше дорожит внешним единством мировой организации церкви. И хотя православие должно стремиться к внешнему единству, однако оно имеет силу существовать и при отсутствии этого единства. Однако положение церкви в эпоху гонений со стороны «антихристианской власти» более подобает иметь образ «церкви катакомбной», что будет означать «чуждость всякой политики и отдачу себя жизни духовной» [16. С. 379].

Библиографический список

1. **Франк, С.** Крушение кумиров / С. Франк. – М., 1990. – 185 с.
2. **Зеньковский, В.** История русской философии / В. Зеньковский. – Т.2. – Ч.2. – Париж, 1989. – 251 с.
3. Прот. Четвертаков. О мировом зле и спасающей церкви // Н. А. Бердяев: pro et contra. Антология.– Кн. I. – СПб., 1994.
4. **Бердяев, Н. А.** К вопросу об отношении христианства к общественности / Н. А. Бердяев // Духовный кризис русской интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907-09). –СПб., 1910.
5. **Бердяев, Н. А.** Нигилизм на религиозной почве. Победоносцев. / Н. А. Бердяев // Духовный кризис русской интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907-09). –СПб., 1910.
6. **Бердяев, Н. А.** Распря церкви и государства в России общественности / Н. А. Бердяев // Духовный кризис русской интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907-09). –СПб., 1910.
7. **Бердяев, Н. А.** Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М, 1993.
8. **Комаров, Ю. С.** Общество и личность в православной философии. / Ю. С. Комаров. – М., 1991. – 188 с.
9. **Бердяев, Н. А.** О русской философии. / Н. А. Бердяев.– Т.2. – Ч. 2. – Свердловск, 1991. – 151 с.
10. **Бердяев, Н. А.** Христос и мир / Н. А. Бердяев. – М, 1907. – 146 с.
11. **Бердяев, Н. А.** Духовное христианство и сектантство в России. / Н. А. Бердяев. – М, 1916. – 504 с.
12. **Бердяев, Н. А.** Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – М, 1995. – 301 с.
13. **Бердяев, Н. А.** Спасение и творчество / Н. А. Бердяев // Путь.– 1926. – №2.
14. **Бердяев, Н. А.** Церковная служба и свобода совести / Н. А. Бердяев. – М, 1991. –135 с.
15. **Бердяев, Н. А.** Духовные задачи русской эмиграции / Н. А. Бердяев // Путь.– 1992. – Кн. I (I-IV).
16. **Бердяев, Н. А.** О д'Эрбиньи о религиозном образе Москвы в октябре 1925 г. / Н. А. Бердяев // Путь.– 1926. – №2.

УДК 37.03

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Доктор технических наук, профессор кафедры информатики и графики

Ю. А. Цеханов.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 236-94-90;

e-mail: tsekhanov@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.

Doctor of Technical Sciences, Professor of Computer Science and Graphics Chair

Y. A. Tsekhanov.

Russia, Voronezh, tel. (473) 236-94-90;

e-mail: tsekhanov@yandex.ru

Ю. А. Цеханов

ФИЛОСОФСКИЕ МЫСЛИ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ О ЧЕЛОВЕКЕ И МИРОЗДАНИИ

Рассматривается место и роль человека в мироздании, философски синтезируются естественнонаучный и религиозно-духовный взгляды, которые в авторской мировоззренческой концепции органично дополняют друг друга.

Ключевые слова: человек, мироздание, материя, энергия, душа, духовность, Творец, творение

Y. A. Tsekhanov

NATURALIST'S PHILOSOPHICAL THOUGHTS ABOUT THE MAN AND THE UNIVERSE

The article considers the place and role of human in the universe, naturalistic, religious and spiritual views which in the author's ideological concept supplement each other are being philosophically synthesized.

Key words: the human, the universe, matter, energy, soul, spirituality, the Creator, the creation.

И тем, кто верит в Бога – Творца, и тем, кто не верит в Него, соответственно, осознанно, или интуитивно (в различной степени), понятно, что Человек появился на Земле не случайно, не просто для биологического существования. Ведь он наделен и богатейшим природно–духовным спектром чувственно-эмоционального восприятия окружающего мира, и уникальной возможностью свободы выбора, как своих отдельных поступков, так и всей своей жизненной судьбы, и божественным даром Любви, как способности безвозмездно отдавать свое на благо окружающей природе и людям. Человек создан Творцом, чтобы быть Его духовным и творящим образом и подобием.

Любой из нас на основе или веры, или самоанализа, или глубоко интуитивно чувствует и осознает, что в нем кроме материальных вещественно-белкового тела и окружающих его информационно-полевых структур присутствует нечто более тонкое, более великое и более сущное для него. В Человеке есть духовное начало; в нем есть душа – частица нашего Творца. И если человек не осознает этого, то велика опасность его духовной, а значит и материальной деградации и, как следствие, его разрушающего воздействия, как на окружающий мир, так и на самого себя.

Материальная часть Мироздания – Вселенная, возникла и эволюционировала на основе своего **коренного закона Творца – закона ответного (обратного) действия**, когда любое энерго-информационное воздействие на окружающий мир, возвращается к своему источнику многократно умноженным [4]. Его частное проявление в нашем четырехмерном пространственно-временном континууме определено в науке как закон причинно-следственной связи. При этом надо иметь ввиду, что материя (как категория нашего мировосприятия) есть сильно сконцентрированная, замкнутая в пространстве и устойчивая во времени форма энергии. Этот закон позволил Миру Материи развиваться как в количественном, так и в качественном направлениях вплоть до его нынешнего состояния.

Применительно к Человеку он проявляется как закон обязательного воздаяния (кармы). Но надо помнить, что Человек, как материально-духовное творение, существует и в духовной сфере Мироздания (Духовном Мире), и подчиняется еще и соответствующим законам духовного развития, важнейшим из которых является **закон веры Богу**. На практике это, например, означает, что в наиболее ответственные моменты своей материальной жизни Человек на основе свободы выбора может принимать жизненно важные решения, которые могут изменить его кармическую судьбу, то есть повлиять на основной закон Вселенной. А чтобы такая коррекция судьбы была наиболее благоприятной для Человека, его свобода выбора должна быть основана на законах веры и любви.

В современную эпоху Мир Материи достиг вершины своего эволюционного развития на всех уровнях тонкости своего состояния. Начинаясь этот процесс на самом тонком энергийно-информационном уровне, соответствующем уровню самого Творца. Современная физика интерпретирует это как Большой Взрыв, полагая, что такое Начало Вселенной было предельно скоротечным и начиналось с сингулярности. Но такой подход свидетельствует лишь об ограниченности наших разумных возможностей как проникать в сущность изучаемых явлений с помощью существующих методов естествознания, так и философски их осмысливать и обобщать. Ведь само время является относительным, и скорость нашего времени безосновательно экстраполируется на начальный период развития Вселенной, когда оно текло несоизмеримо быстрее нашего, но соизмеримо со скоростью развития Мира Материи. И в том собственном временном состоянии возникновение и развитие Вселенной также носили характер эволюционного Творения, протекающего в соответствии с коренным законом обратного действия. Тут уместно вспомнить и слова Писания: - «Одно то не должно быть сокрыто ... что у Господа ... тысяча лет, как один день.» [2; Пт, 3:8].

В дальнейшем эволюционное Творение приводило к возникновению все более грубых состояний энергии-материи, а основной закон развития Мира Материи проявлялся в них в форме также все более грубых закономерностей, из которых самой простой являются законы классической механики, применимые к конденсатному вещественному состоянию материи.

Основные длительные этапы этого развития Вселенной описаны в Библии по отдельным временным промежуткам, условно названным днями Творения.

Из вышесказанного ясно, что если на какой-то тонкий энерго-материальный уровень воздействовать с помощью ему соответствующих закономерностей, то таким действием можно влиять и на все более грубые состояния материи. И если такое проникновение происходит во все более тонкие материальные структуры, то его действие на более грубые состояния будет усиливаться. Поэтому всемогущее и всеведущее управление всей Вселенной на самом тонком уровне осуществляется Творцом на основе Им созданного закона обратного действия, проявляющегося в формах бесчисленных закономерностей.

С учетом вышеизложенного интересно осмыслить возможности нашей духовной цивилизации и всех многочисленных разумных, но бездуховных форм жизни взаимодействовать с Миром Материи – как познавать его законы, так и воздействовать на него. На рисунке приведена примерная графическая схема, иллюстрирующая это. Понятно, что она спорна в некоторых отношениях, но все же дает представление о главном, о том, что воздействие на все более тонкие энергийно-материальные уровни оказывает все более сильное влияние на все грубые состояния материи.

В этой схеме сразу следует отметить особую роль Слова Божьего, которое посылается Творцом человечеству в наиболее судьбоносные для него периоды времени с тем, чтобы обитая среди нас и познав все основные для нас на данный момент сложности нашего духовного развития (а значит и материального существования), донести необходимые нам поучения и рекомендации по их практическому применению в наиболее доступных и понятных для нас формах. Воздействие Слова на материальный мир с помощью Творца может достигать тончайших уровней и в нашем материально-вещественном мире его

мощное проявление воспринимается нами как чудо. В Новом Завете описано достаточно много примеров таких чудесных деяний Христа.

Сознание любой разумной формы жизни, как материального творения, ограничено, а значит, имеет естественный предел своих возможностей проникать в глубины тонкости материального мира с целью, как его познания, так и воздействия на него. За этим пределом лежит область, подвластная лишь возможностям сверхсознания Творца. Отметим, что глубина познания мира материи всегда больше, чем глубина возможности воздействия на него в силу способности разума экстраполировать экспериментально установленные закономерности за пределы доступной области взаимодействия. Однако закон веры, основанный на духовном слиянии Человека с Богом Творцом, позволяет проникать за этот предел и в область сверхтонких материальных уровней и даже в духовную сферу, из которых можно воздействовать на вещественно-полевую форму материи, в которой существует наша цивилизация, и нетехногенным «чудесным» способом.

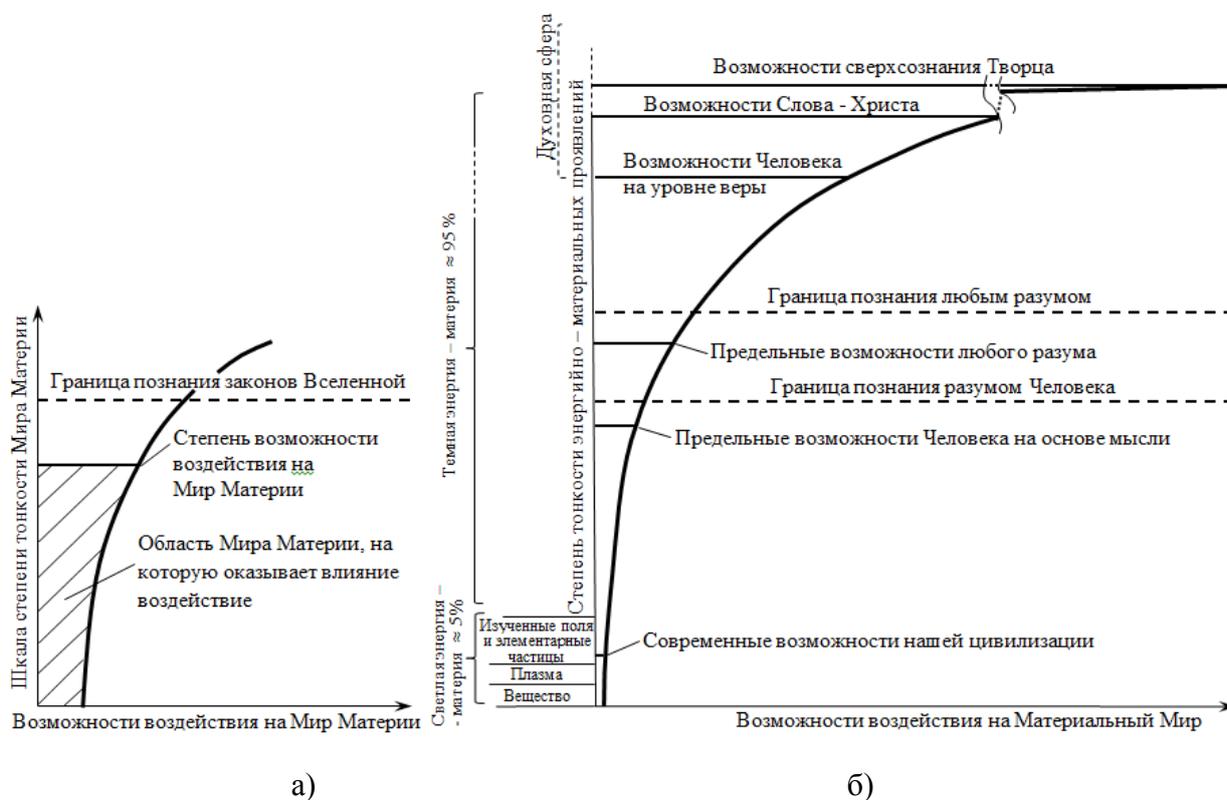

Рис. 1. Схема взаимодействия разума с Миром Материи
 а) основные параметры схемы, б) возможности воздействия разумных форм

Как описано в хрониках Нового Завета это подтверждают и деяния самого Христа - управление природными явлениями: «...запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань...» [2; Мк, 4:39]; лечение от телесных и психических заболеваний: «...выйди [из него], дух нечистый...» [2; Мк, 1:25]; «...встань...и ходи» [2; Мф, 9:5-6]; воскрешение умерших: «Лазарь! Выйди» [2; Ин, 11:43-44]; и Его обращения к людям - «... дочь! вера твоя спасла тебя; иди ... и будь здорова от болезни твоей» [2; Мк, 5:34]; «... если будете иметь веру и не усомнитесь, ...все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» [2; Мф, 21:21,22]; и деяния людей, основанные на вере – «А Стефан, исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе. » [2; Деян, 6:8]; ведь и верующим и неверующим известна воистину безграничная основанная на вере исцеляющая и помогающая сила молитвы, как духовно-словесного обращения человека к Богу и слияния с Ним. А это значит, что в нас заложены возможности быть соучастниками и основными исполнителями нового, духовного этапа эволюции Мироздания, возможности преобразовать

его на основе нового закона - **закона безответного действия** (божественного **закона Любви**), как безвозмездной отдачи своего на благо окружающей природе и людям, постепенно дополняя или заменяя им прежний закон ответного обратного действия.

Собственно для этого Человек и создан Творцом. Он должен наполнить Мир материи духовностью Творца, то есть органически соединить Материальную Вселенную с Духовным миром. И тогда все Мироздание станет Единым Целым во исполнение Великого Замысла Творца. По нашим земным меркам на это нужна вечность.

Здесь мы не будем затрагивать вопрос о существовании в духовной сфере разумных существ – ангелов и об их отношениях с материальным миром и с Человеком.

Но даже и с помощью только «материальных средств» Человек может проникать достаточно глубоко в тонкие материальные миры. Методами естествознания доказано, что мысль материальна, хотя и существует в области очень тонких структур. А это значит, что, несмотря на ее слабую «грубую» энергетику мы потенциально обладаем способностью с помощью мысли очень сильно воздействовать из тонких уровней на наш вещественно-полевой мир, и возможно, также нетехногенным способом. Но это для нас Творцом пока закрыто из-за нашей духовной незрелости, а значит и опасности катастрофического разрушающего воздействия как на окружающий нас мир, так и далеко за пределы ареала нашего нынешнего обитания на Земле.

Многие разумные (но бездуховные) формы жизни в настоящее время имеют по сравнению с нами несравненно большие возможности проникать вглубь тонких структур и воздействовать на мир материи как техногенными, так и иными пока неизвестными нам способами.

Но по Великому Замыслу Бога Творца только Человек на основе законов веры и любви станет бессмертным творящим началом («И Я даю им жизнь вечную...» [2; Ин, 10:28]) на втором бесконечном во времени этапе духовной эволюции Вселенной, ведь Христос сказал нам: «...благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира...» [2; Мф, 25:34]. Ведь сейчас две части Мироздания – Вселенная (Материальный Мир) и Духовная область (Духовный Мир) практически не взаимодействуют друг с другом из-за несоизмеримо большой разницы, соответственно, грубости и тонкости их состояний, существуя и развиваясь по собственным законам. И только в Человеке определенным таинством Творец соединил эти два Начала – нашу душу с многоуровневым вещественно – полевым материальным телом.

Поэтому только Человек сможет и должен выполнять предназначенную ему великую миссию – наполнять и видоизменять Вселенную духовным содержанием, дополняя и заменяя законы материального мира законами Мира Духовного. Начнется этот процесс на Земле и будет вместе с нами распространяться по всему Мирозданию. И нетехногенные возможности духовного Человека – творца будут практически безграничными.

Но уникальное в Мироздании соединение в Человеке двух этих Начал породило начальную неустойчивость существования их комбинации. Слияние двух качественно различных чувственных миров – духовного и природного, привело к тому, что последний от «вливания» духовного катализатора многократно умножился. Отчего наш эгоизм, являющийся в живом мире планеты рациональным инстинктом самосохранения, также возрос настолько, что значительно превысил допустимый предел гармоничного существования с окружающей природой. Все это в сочетании с нашей естественной начальной духовной незрелостью породило большие сложности и в существовании и в духовном развитии Человека на первоначальном этапе его пребывания на Земле.

Поэтому сначала нам нужно будет пройти неизбежный, очень сложный, тяжелый (и трагический) путь духовного становления («...потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» [2; Мф, 7:14]; «...Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его...» [2; Мф, 7:14]) до минимально необходимого уровня, когда мы станем абсолютно невредоносными – безгрешными («и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши...» [2; Деян, 3:19]). И сбудется это тогда, когда и наш чудовищно

гипертрофированный природно-чувственный эгоизм и подчиненное ему наше сознание будут взяты под контроль нашим развивающимся под опекой Отца духовно-чувственным миром («...Ибо ... Царствие Божие внутрь вас есть.» [2; Лк, 17:21]; «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.» [2; Мф, 5:48]).

И сделать это может только сам, имеющий свободу выбора Человек, получая от Слова Божьего необходимые знания о законах духовного развития и практические подсказки по их применению, и от Бога Творца в молитвенном общении с Ним необходимые духовные силы.

«Просите, и дано будет вам...».

Вместо заключения. Автор сознательно не привел сопоставительный анализ трудов по данной проблеме многочисленных мыслителей: религиозных деятелей и духовных наставников; философов – идеалистов, материалистов, сторонников диалектики и метафизики; тех, кто получил определенные откровения и прочих. Если статью прочтет специалист, то он без труда сопоставит и сравнит с ними содержание статьи. А для неискушенного читателя, интересующегося данной темой, приведен список не слишком «занаученной» литературы, ознакомившись с которой он также сможет критически оценить данную работу. И тем и другим автор будет признателен за отзывы о ней.

Понятно также, что для традиционно и искренне верующего человека изложенная мировоззренческая концепция может и не представлять особого интереса, поскольку никакие философские размышления на основе ограниченного разума не могут заменить знаний Откровения, данного людям через Божественное Слово.

Библиографический список

1. **Гачів, Г. Д.** Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г. Д. Гачів. – М., 2007.
2. Библия, книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1994.
3. Вивекананда С. Философия йоги. – М., 2003.
4. **Капышев, А. Б.,** Колчигин С. Ю. Философия грядущего. Истинный Путь Человека / А. Б. Капышев, С. Ю. Колчигин. – М.: Белые альвы, 2006.
5. **Плыкин, В. Д.** «В начале было Слово» или след на воде / В. Д. Плыкин. – Ижевск, 2000.
6. **Бердяев, Н. А.** Русская идея / Н.А. Бердяев. – М., 1997.
7. **Блаватская, Е. П.** Тайная Доктрина. Синтез науки, религии и философии / Е. П. Блаватская. – Рига, 1937.
8. **Антомонов, Ю. Г.** Размышления об эволюции материи / Ю. Г. Антомонов. – М., 1976.
9. Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. Дух. Душа. Тело. – М., 1993.
10. **Вайнберг, С.** Первые три минуты: Современный взгляд на происхождение Вселенной / С. Вайнберг. – М., 1981.
11. **Вернадский, В. И.** Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М., 1988.
12. **Гроф, С.** За пределами мозга / С. Гроф. – М., 1993.
13. **Девис, П.** Суперсила: Поиски единой теории природы / П. Девис. – М., 1989.
14. **Дугин, А.** Пути абсолюта / А. Дугин. – М., 1991.
15. Интегральная йога Шри Ауробиндо. М., 1992.
16. **Казначеев, В. П.** Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного изучения / В. П. казначеев, Е. А. Спирин. – Новосибирск, 1991.
17. Космическое сознание. – М., 1995.
18. **Мегре, В.** Звонящий кедр. Анастасия. / В. Мегре. – М., 1996.
19. **Тейяр де Шарден.** Феномен человека. – М., 1987.
20. **Честертон.** Вечный Человек. – М., 1991.
21. Шри Ауробиндо и Мать. Духовная эволюция человека. – Пондичерри, 1975.
22. **Шри Ауробиндо.** Суперментальное проявление на Земле. Перерождение и карма – Ауробиндо Шри. – Киев, 1993.
23. **Штейнер, Р.** Акаша хроника. История происхождения мира и человека / Р. Штейнер. – М., 1912.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 3.07.004

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
Кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью С. В. Булавина. PhD of Philology, Associate Professor public relations Chair S. V. Bulavina.
Студентка 4 курса «Реклама и связи с общественностью» Христовская А. Ю. The 4th year student of the "Advertising and public relations" Hristovskaya Anna
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 276-40-09 Russia, Voronezh, tel. (473) 276-40-09;
e-mail: fire-fly@bk.ru e-mail: fire-fly@bk.ru

С. В. Булавина, А. Ю. Христовская

СУЩНОСТНЫЕ ЦЕЛЕВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассматриваются сущностные целевые приоритеты информационной политики организации, предприятия. Авторы статьи приходят к выводу о том, что преодоление негативных статусных установок, свойственных современной российской экономике, возможно только на пути приобретения знаний в области глобального конкурентного взаимодействия и искусства формирования адекватной информационной политики.

Ключевые слова: информационная политика, конкурентоспособность, экономическое пространство, внутрифирменное управление, рыночная конкурентная среда.

S. V. Bulavina, A. Yu. Hristovskaya

THE ESSENTIAL TARGET PRIORITIES OF THE INFORMATION POLICY OF THE ENTERPRISE

The article discusses the essential target priorities of information policy organizations, companies. The authors conclude that overcoming the negative status settings peculiar modern Russian economy can only be in the way of acquiring knowledge in the field of global competitive interaction and the art of the formation of an adequate information policy.

Key words: information policy, competitiveness, economic space, internal management, market competitive environment.

Концепция информационной политики предприятия самым непосредственным образом связана с проблемой идентификации информационной сферы предприятия, наиболее интересной особенностью которой является то, что она крайне редко выделяется как отдельная, относительно независимо рассматриваемая компонента в системе маркетинга и внутрифирменного управления. Это при том, что не найдется, пожалуй, ни одного руководителя, который бы отрицал важность информационного фактора и ключевой роли информации в процессе осуществления предприятием своей повседневной деятельности. Функционирующие в структуре современных фирм и предприятий информационные и информационно-аналитические подразделения занимаются в основном вопросами накопления и обработки информации, редко задумываясь о том, что собственно представляет собой информация сама по себе, какова ее роль в жизнедеятельности фирмы. Причина такого, как это может показаться на первый взгляд, парадоксального «невнимания» к собственно информационным аспектам деятельности по управлению предприятием довольно проста и заключается в том, что в сознании руководителя собственно объект и информация об объекте в большинстве случаев практически неразличимы, и в силу этого сферы управления и маркетинга фактически имеют дело не с объектами управления как

такowymi, а с информацией об этих объектах. Но, работая с информацией, руководитель как бы работает с самими объектами, забывая об информационной природе того, с чем он обычно имеет дело. В таком случае закономерно и возникает вопрос об идентификации сферы информации и возможности ее отграничения от сферы предметной, физической деятельности. Информационная сфера внешне, в своем структурном представлении ничем не отличается от совокупной деятельностной сферы предприятия. Различие заключается лишь в способе взаимного сопоставления этих двух сфер, в нашей способности рассматривать деятельностную сферу в качестве мощного и практически неиссякаемого первичного источника важной и полноценной информации, представленной в виде системы текстов самой различной сложности, если под «текстом» здесь понимать ситуативно зафиксированный материальный результат деятельности, выступающий в роли потенциального носителя информации. В частности, деятельностная сфера должна, прежде всего, рассматриваться как пространство предметно-содержательной и функционально-ориентированной активности, а информационная сфера как вторичный источник информации и база коммуникативной активности системы управления.[1. С.72-74] Различие заключается также в нашей способности и умении воспринимать информационную сферу предприятия как некую «параллельную реальность», теснейшим и неразрывным образом связанную с реальностью «объективной», но все-таки имеющей иную, информационную природу, вследствие чего мы можем работать с ней по иным, информационным законам. Рассматривая информационную политику предприятия, действующего в рыночной конкурентной среде, необходимо, в первую очередь, специфицировать сам термин «политика» применительно к системе маркетинговых взаимодействий. Мы предлагаем определить этот термин следующим образом: политика — есть искусство взаимодействия субъектов, преследующих собственные интересы, или коротко: политика — это искусство взаимодействия интересов. Таким образом, политика проявляется в маркетинге в целом, как искусство преследования фундаментальных приоритетов, а, будучи ситуативно определенной, она выступает в качестве принципа действия. В то же время политика может рассматриваться и с точки зрения категории знания, причем знания, в котором полноценно представлены обе его составляющие: концептуальная компонента, то есть знание о том, что необходимо делать и операционная компонента, то есть знание о том, как это делать. Можно сказать также, что к числу важнейших атрибутов этого термина и понятия относятся свойства полноты, самодостаточности и самооценности, т.е. это понятие одновременно и онтологическое, отражающее сущность, идею, замысел, и технологическое, отражающее стратегию, методологию, план и программу, обеспечивающие достижение замысла, реализацию идеи и т.п. [2. С. 80-82] Если информационную политику кратко определить как политику в сфере информации, то к числу важнейших сущностных целевых приоритетов, определяющих характер и содержание информационной политики предприятия, следует отнести следующие, перечисленные ниже составляющие:

- активное использование информации и знаний в качестве средства для достижения, поддержания и развития на уровне целеустремленности конкурентоспособности фирмы в рамках локального, регионального и глобального экономического пространства;
- поддержание определенного уровня информационной активности, обеспечивающей посредством экономической деятельности как прямое, так и косвенное участие в решении проблем государственной и общественной жизни;
- создание информационных процессов, расширяющих сферу информационной активности фирмы и направленных на осознанное и целеустремленное включение предприятия в систему межсубъектных взаимодействий;
- придание информационным процессам, обладающим свойством потенциальной управляемости, определенной направленности, соответствующей целям и долгосрочным интересам фирмы;

- упреждающая интерпретации важных событий и явлений на основе активного использования информационных технологий и возможностей современных информационных коммуникаций;

- на уровне операционной активности предприятия информационная политика предполагает создание таких схем действий, в рамках которых они становятся коммуникативно-ориентированными, и, в силу этого, информационная политика предприятия может рассматриваться также как средство выражения естественно развивающейся социально-экономической субъектности, заявляющей о себе посредством своей практической деятельности;

- оценивание и использование в интересах предприятия информационных процессов, происходящих в локальном и глобальном рыночном пространстве и в системе взаимодействия с элементами макро- и микроокружения. [6. С. 34-45]

Главным и сущностным атрибутом информационной политики является способность предприятия сознательно и направленно продуцировать потенциально полезную для себя информацию в дополнение к способности просто «собирать», обрабатывать и использовать объективно уже существующую или кем-то созданную информацию. В прикладном плане информационная политика – это также искусство создания имен и названий (в маркетинге, например, это товарные и торговые марки, имена брэндов и т.п.). В основе информационной политики предприятия лежит принцип, в соответствии с которым нужная информация должна быть доставлена (или предоставлена) нужному адресату, в определенное время, в нужном количестве. Важными методами информационной политики является комплектование информационных блоков, предназначенных для последующей доставки их до потребителя (создание информационных подборок), концентрация рассеянной информации и «фокусирование» ее на определенном сегменте зоны влияния, а также рассеяние или нейтрализация информационных блоков, препятствующих достижению стратегических целей и интересов фирмы. Информационная политика – это также искусство «назначения» смыслов и «приписывания» значений информационным объектам (самой различной природы), предназначенным для направленного влияния на целевые группы в сети информационных взаимодействий. В системно-сопряженной паре «коммуникативная политика – информационная политика» главная задача последней – создавать информацию, «пакетировать» ее определенным образом, создавая своеобразные информационные миксы, разрабатывать формы, приемы и способы ее подачи и определять основные направления и сегменты ее использования. [5. С. 53-55] Главная задача коммуникативной политики – доставлять информацию до определенного потребителя определенным способом. Можно сказать также, что задача информационной политики – это использовать коммуникативные сети в качестве средств «доставки» нужной информации. Миссия предприятия является полноценной и неотделимой составляющей информационной политики предприятия. В этом аспекте информационной политики отражается также одно из сильнейших внутренних побуждений развитого субъекта, в основе которого лежит стремление «предъявить» себя миру, или, по крайней мере, представить себя миру таким, каким мы хотели бы быть им воспринимаемы. В этом смысле информационная политика, являясь средством проявления онтологической активности субъекта экономической деятельности, предстает в виде alter ego организации, в качестве ее информационного «двойника», но, тем не менее, объективно являющегося концептуальным выражением реального экономического субъекта. Информационная политика должна рассматриваться также как упреждающее моделирование политики реальной и, в таком случае, она может быть охарактеризована как политика «параллельного» управления, являясь, с одной стороны, неким, на первый взгляд, эфемерным, информационным, «игровым» дубликатом реальной политики, с другой стороны, она является мощным источником идей, концептуальных предвидений и энергетизирующих влияний. [4. С. 93-97] Если реальная политика предприятия может быть охарактеризована как энергетически активная, требующая от системы управления

значительных затрат энергии и различных видов ресурсов, то информационная политика, являясь теневой, энергетически пассивной, обладает, тем не менее, неизмеримо более гибкими и эластичными стратегиями и, в силу своей информационной природы, несет в себе громадный моделирующий потенциал влияния и действия. При сопоставлении информационной политики с реальной политикой предприятия первую можно рассматривать как концепцию управления, в основе которой лежит принцип управления не уровне реальных событий и процессов, а на уровне информации об этих событиях и процессах. Важным методологическим принципом информационной политики является принцип активного продуцирования образов событий, которые можно рассматривать как специфический продукт, предназначенный как для внутреннего, так и внешнего потребления. При этом для информационной политики не менее важной задачей, чем поддержание образа среди своих партнеров и потребителей является задача донесения этого образа до возможно большего числа людей независимо от того, являются ли они для фирмы потенциальными партнерами, потребителями или нет. Эта принципиальная стратегия связана с одной из важнейших целей информационной политики предприятия, которая может быть выражена как накопление потенциала влияния. Важным моментом с точки зрения обеспечения долгосрочной стратегической устойчивости предприятия является требование, в соответствии с которым при согласовании маркетинговых решений, особенно касающихся сферы коммуникаций, «зазор» между двумя политиками (реальной и информационной) не был слишком значительным, и с точки зрения информационной политики это является одним из важнейших аспектов информационной безопасности предприятия. [3. С. 96-101]

Три базовые предпосылки лежат в основе концепции моделирующей информационной политики предприятия. Первая – это глубокое понимание природы информации и роли знаний. Вторая – это новое представление о роли потребителя в системе управления и маркетинга предприятия.

1 AIDA - Attract – Interest – Desire - Action (вызвать интерес - привлечь внимание - вызвать желание купить - совершить покупку)

2 DAGMAR: Defining Advertising Goals - Measures - Advertising Results (определить рекламные цели - средства - определить результаты)

3. ACCA: Attract -Comprehension - Conviction - Action (привлечь внимание - обеспечить понимание – сформировать убежденность – совершить покупку)

Третья предпосылка – это модельное представление о человеке как информационнозависимой сущности, являющейся, одновременно, и главным субъектом экономического действия, и главным объектом информационного влияния, и важнейшим фактором, определяющим правила и законы локальной и глобальной экономической динамики. [8. С. 180-189] Многие процессы, происходящие в современной экономике, свидетельствуют о постепенном перемещении источника власти от капитала к организованным знаниям. И в этом смысле всякая достаточно активная и ответственная корпорация людей (будь то предприятие, фирма, компания или организация) имеет реальную возможность увеличить потенциал своего экономического и стратегического влияния на происходящие в российском обществе процессы за счет инициативного расширения пределов своей собственной экономической, социальной и политической компетенции и ответственности. Преодоление негативных статусных установок, свойственных современной российской экономике, возможно только на пути приобретения знаний в области глобального конкурентного взаимодействия и искусства формирования адекватной информационной политики.

Библиографический список

1. **Виханский, О. С.** Стратегическое управление / О. С. Виханский. – 2-е издание. – М.: Гардарика, 2008
2. **Виханский, О. С.** Стратегическое управление / О. С. Виханский. – 2-е издание. – М.: Гардарика, 2008
3. **Домнин, В. Н.** Брэнддинг: новые технологии в России / В. Н. Домнин. – СПб.: Питер, 2013
4. **Желены, М.** Новая экономика / М. Желены // Информационные технологии в бизнесе / Под ред. М. Желены.– СПб: «Питер», 2012
5. **Татаренко В. Н.** Информационная политика предприятия в глобальной конкурентной среде: фактор систем маркетинговых знаний. Научное издание / В. Н. Татаренко. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005. – С.53-55
6. **Татаренко, В. Н.** Информационное доминирование фирмы на рынке и маркетинг влияния. Научное издание. Препринт / В. Н. Татаренко. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2015. – С.34-45
7. **Уэбстер, Ф.** Основы промышленного маркетинга / Ф. Уэбстер – М.: Издательский Дом Гребенникова, 2005. – С. 364-365
8. **Котлер, Ф.** Маркетинг-менеджмент / Ф. Котлер – СПб.: Питер, 2000. – С 579

УДК 008:316.722

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Е. А. Волкова

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: volkova@mail.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Р.Ф.

Студент 1 курса Т. С. Бойко

Россия, г. Воронеж, тел. 89003048852;

e-mail: boykotanya1997@gmail.com

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair E. A. Volkova

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: volkova@mail.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

1st year student T. S. Boyko

Russia, Voronezh, tel. 89003048852

e-mail: boykotanya1997@gmail.com

Е. А. Волкова, Т. Бойко

ВОЗДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЫ НА СОЗНАНИЕ ЛЮДЕЙ

В статье рассматривается постоянно возрастающая роль рекламы в организации индивидуального сознания людей и современной социальной жизни в целом. Авторы статьи приходят к выводу, что к настоящему времени воздействие рекламы в средствах массовой информации, на телевидении или в интернете, на сознание потребителей чрезвычайно возросло, что изменяет современное общество в сторону общества массового потребления, видоизменяя его и превращая в общество с совершенно иначе выстроенными социальными связями.

Ключевые слова: институт рекламы, виды рекламы и СМИ, сознание людей, интересы потребителей.

Е. А. Volkova, T. S. Boyko

THE IMPACT OF MODERN ADVERTISING ON THE PEOPLE'S MINDS

The article discusses the constantly growing role of advertising in the organization of the individual consciousness of the people and the modern social life in general. The authors conclude that in the present time the impact of advertising in the media, on television or the Internet on consciousness of consumers is extremely increased, which changes modern society towards mass consumption society, modifying it and turning it into a society with quite differently aligned social ties.

Key words: institute of advertising, types of advertising and the media, people's mind, the interests of consumers.

Общественно-экономическая жизнь всё больше интересует современных людей и современное общество в целом. Актуальность темы научного исследования влияния рекламы на массовое сознание объясняется тем, что в современном мире развитых информационных технологий и средств массовой информации (СМИ) реклама товаров и услуг играет огромную и постоянно возрастающую роль.

В середине двадцатого века началось серьёзное изучение рекламы – того института, без которого уже трудно представить нашу жизнь. Мы сталкиваемся с рекламой повсюду – сидя дома перед телевизором, слушая радио, по пути на работу или учёбу – везде, где бы мы ни находились, мы видим или слышим рекламные объявления, рассказывающие о товарах или услугах. Невозможно себе представить, чтобы 10-15 лет назад во время просмотра кинофильма, зритель подвергался воздействию рекламы, предлагающей купить, попробовать, вложить и т.п. Это может радовать, раздражать, но по данным социологов реальность такова: от воздействия рекламы в мире ежегодно сходят с ума около 3 тысяч человек. Люди не осознают пока опасности и продолжают смотреть «забавную рекламу». Еще несколько лет тому назад пара рекламных роликов и клипов на телеэкране не представляли собой никакой угрозы. На сегодняшний же день, когда 18% эфирного времени «забито» рекламой, эта тема остро встала среди социологов и психологов. Поэтому мы и решили исследовать аспекты воздействия рекламы на индивидуальное сознание людей.

Цель статьи: изучить влияние рекламы товаров и услуг на сознание человека.

Задачи статьи: изучить информацию о рекламе, её видах и функциях; выбрать методику проведения исследовательской работы; провести исследование, пользуясь выбранной методикой; проанализировать полученные данные и сделать выводы о влиянии рекламы товаров и услуг на сознание людей.

Рабочая гипотеза: реклама товаров и услуг отрицательно влияет на сознание людей.

Для начала необходимо дать ответ на вопрос, что такое реклама? С одной стороны, реклама – это информация о потребительских свойствах товаров и различных видах услуг с целью их реализации, создания спроса на них. С другой стороны, реклама – это распространение сведений о лице, организации, произведении литературы и искусства и т. п. с целью создания им популярности.

Международная торговая палата (МТП) дает следующее определение рекламы, а именно: «... неличное, многообразное представление на рынке товаров, услуг и коммерческих идей четко установленным заказчиком, который оплачивает носителю (средству распространения рекламы) стоимость доведения своего сообщения, в отличие от популяризации, при которой услуги, средства распространения информации не оплачиваются, а заказчик не обязательно известен» [1].

Под рекламой понимается целенаправленная, оплачиваемая информация о товарах или услугах и об их производителях, распространяемая известным источником.

Но можно предложить и такую формулировку понятия «реклама»: Реклама — это процесс информирования населения о товаре, ознакомления с ним, убеждения в необходимости его покупки. Реклама представляет собой комплекс средств неценового стимулирования сбыта продукции и формирования спроса на нее.

Современными средствами рекламы служат печать (газеты, журналы, афиши, бюллетени, проспекты и пр.), радио, телевидение, кинематограф, а также витрины, вывески, световые объявления, упаковка товаров, товарные и фирменные знаки и др. В индустриально развитых странах 1-е место по затраченным средствам занимает газетно-журнальная (около 40%), 2-е - телевизионная реклама, 3-е - радиореклама.

В принципе, типология рекламных сообщений может довольно сильно различаться:

- по способу воздействия на покупателя;
- по способу выражения;
- с точки зрения основных целей и задач;
- с точки зрения возможной обратной связи с потребителем рекламы [2].

По способам воздействия рекламное сообщение может быть: рациональным либо эмоциональным. Рациональная (предметная) реклама информирует, обращаясь к разуму потенциального покупателя. Она приводит аргументы, чтобы убедить его, свои доводы облекает в словесную форму, использует чертеж или рисунок для того, чтобы усилить впечатление от сказанного словами. Эмоциональная (ассоциативная) реклама вызывает воспоминания. Она наводит на мысль. Обращается к чувствам, эмоциям, подсознательному. Ее самое эффективное средство – это рисунок, цвет и звук.

По способу своего выражения все рекламы делятся на: «жесткую» или «мягкую».

«Жесткая» реклама имеет краткосрочные цели: воздействовать на покупателя таким образом, чтобы привлечь его к покупке с помощью кричащих, рассчитанных на внешний эффект объявлений.

«Мягкая» реклама имеет целью не только сообщить о товаре и его марке, но и создать вокруг этого товара благоприятную атмосферу, окружая его некоторым ореолом. Чаще всего – это эмоциональная реклама, играющая на символических, глубинных мотивах. Она постепенно изменяет настрой покупателя в пользу какого-либо товара.

С точки зрения основных целей и задач, реклама может быть следующих видов:

- реклама в целях создания престижа предприятия в обществе — так называемая «имидж-реклама»;
- стимулирующая реклама;

- реклама стабильности;
- внутрифирменная реклама;
- реклама в целях расширения сбыта продукции;
- увещательная реклама;
- сравнительная реклама;
- напоминающая реклама;
- подкрепляющая реклама;
- информирующая реклама;
- превентивная реклама [3].

Имиджевая реклама в основном направлена на создание благоприятного образа (имиджа) фирмы и товара у партнеров и покупателей. В ней важно показать надежность, эффективность работ, благожелательность к клиентам, стабильность.

Стимулирующая реклама в основном направлена на стимулирование потребностей покупателей в приобретении продукции данной фирмы. В ней подчеркиваются основные преимущества продукции данной фирмы, их положительные качества по сравнению с аналогичными товарами или услугами.

Реклама стабильности направлена на информирование покупателей и партнеров о стабильности в результатах работы фирмы, о ее устойчивом положении на рынке.

Внутрифирменная реклама ориентирована на то, чтобы внушить сотрудникам веру в собственное предприятие. Считается, что если каждый участник предприятия сможет принимать необходимые для его деятельности решения, будет нести за них ответственность, тогда сотрудники станут испытывать удовлетворение от работы в фирме и станут носителями рекламы данной фирмы в обществе. Средства внутрифирменной рекламы: фирменная газета; хорошие взаимоотношения между руководителями и сотрудниками; многочисленные социальные льготы для сотрудников.

Реклама в целях расширения сбыта продукции - это в основном главная сфера рекламной деятельности.

Увещательная реклама - наиболее агрессивный вид рекламы, основная задача которой - убедить покупателя купить именно данный товар или услугу, а не товар или услуги конкурентов.

Сравнительная реклама - это разновидность увещательной рекламы. Она основана на сравнении рекламируемого товара или услуги с товарами конкурентов.

Напоминающая реклама - реклама, предназначенная напоминать покупателям о существовании определенного товара или фирмы на рынке и его характеристиках.

Подкрепляющая реклама - разновидность напоминающей рекламы. Она призвана поддерживать потребителей, уже купивших товар, убедить их в правильности сделанного ими выбора.

Информирующая реклама - эта реклама направлена на предоставление информации о фирме и ее продукции, товарах, их характеристиках, достоинствах, нововведениях.

Превентивная реклама - реклама, на которую расходуется демонстративно больше средств, чем следовало бы. Цель ведения такой рекламной кампании — подорвать позиции конкурентов, которые не в состоянии тратить огромные суммы на рекламную деятельность.

Обобщая, можно сказать, что та или иная конкретная реклама может включать в себя несколько видов рекламы одновременно.

Может показаться, что реклама преследует какую-либо одну цель, но на самом деле это не так. Рекламные материалы служат многим целям.

Основные цели рекламы состоят в следующем, а именно:

- привлечь внимание потенциального покупателя;
- представить покупателю выгоды для него от приобретения товара (услуги);
- предоставить покупателю возможности для дополнительного изучения товара;
- формировать у потребителя определенный уровень знаний о самом товаре или услуге;

- создать благоприятный образ (имидж) фирмы-производителя или продавца, а также торговой или промышленной марки у потребителей и деловых партнеров;
- формировать потребности в данном товаре, услуге;
- формировать положительное отношение к фирме;
- побуждать покупателя к приобретению именно данного (рекламируемого) товара у данной фирмы, а не у конкурентов;
- стимулировать сбыт товара, услуги;
- способствовать ускорению товарооборота;
- сделать данного потребителя постоянным покупателем товара, постоянным клиентом данной фирмы;
- формировать у других фирм образ надежного партнера;
- напоминать потребителю о фирме и ее товарах [4].

На практике в одном рекламном мероприятии цели пересекаются. Задачи рекламы сводятся к следующему:

- 1) реклама новых для клиента товаров и услуг;
- 2) реклама уже известных клиенту товаров и услуг как «поддерживающая» реклама;
- 3) реклама некоего героя (например, президента банка);

Функции рекламы определяются ее целями и задачами. Из всего их разнообразия можно указать следующие:

- 1) идентификация товара и его производителя и (или) продавца;
- 2) продвижение товаров, услуг или идей;
- 3) информирование (ознакомление) покупателей;
- 4) формирование спроса и др. [5].

В этих своих ролях реклама, конечно, должна информировать о наличии товара, его цене, особенностях. Однако, прежде всего реклама должна побуждать к покупке, и в этом основное предназначение рекламы, ее главная функция. Например, в эфир выходит рекламный ролик «Сникерса», в раскрутку которого вложены огромные деньги, и если они не обернутся для производителя повышением объема продаж в 10-15 раз, то в нем просто нет большого финансового смысла [8].

Ведь чтобы выполнить свое основное предназначение, реклама стремится найти способ привлечь внимание, завоевать потенциального покупателя, а потом побудить совершить покупку. Поиск таких способов продолжается на протяжении более полувека и привел к современным их формам.

Мы исследовали обратную связь или возможную ответную реакцию людей на рекламу. На данный момент существует множество методик исследования общества и общественного метода: опрос, наблюдение, контент-анализ и др.

Для данного исследования мы выбрали как наиболее удобный метод аудиторного анкетирования. Аудиторное анкетирование - это методическая и организационная разновидность анкетирования, состоящая в одновременном заполнении анкет группой людей, собранных в одном помещении в соответствии с правилами выборочной процедуры.

Метод анкетирования сегодня является самым популярным методом, используемым не только в социологии, но и во всех социально-гуманитарных науках. В своем роде метод анкетирования представляет собой форму опроса, осуществляющегося, как правило, заочно, т.е. без прямого и непосредственного контакта интервьюера с респондентом. Оно целесообразно в двух случаях: когда нужно спросить большое число респондентов за относительно короткое время или респонденты должны тщательно подумать над своими ответами, имея перед глазами отпечатанный вопросник. При помощи метода анкетирования можно с наименьшими затратами получить высокий уровень массовости исследования. Особенностью этого метода можно назвать его анонимность (личность респондента не фиксируется, фиксируются лишь его ответы). Анкетирование проводится в основном в случаях, когда необходимо выяснить мнения людей по каким-то вопросам и охватить большое число людей за короткий срок.

Социологическое исследование проводилось 14 апреля 2015 года. Участникам анкетирования (студенты первого и второго курсов Воронежского филиала РАНХиГС) была предложена анкета, содержащая вопросы с выбором ответа о рекламе. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. Обработка полученных результатов и подсчет данных проводились в течение недели после проведения опроса. Для обработки данных нужно было подсчитать, сколько опрошенных имеют одинаковое мнение о рекламе, и выявить популярные ответы. Затем сделать вывод о мнении людей по поводу рекламы. Полученные данные были занесены в таблицу 1, в которой мы также сформулировали и наши основные выводы.

Таблица 1.

Форма анкетирования студентов Воронежского филиала РАНХиГС и полученные результаты и выводы

Вопрос	Вариант ответа	Количество ответов	Вывод
1. Считаете ли Вы наличие рекламы необходимым атрибутом современных компаний и фирм?	Да	98	Большинство опрошенных считает, что рекламы являются необходимым атрибутом современных компаний и фирм.
	Нет	10	
	Затрудняюсь ответить	0	
2. Есть ли у Вас дома следующие информационные носители?	Телевизор	108	Большинство опрошенных имеют дома такие информационные носители, как телевизор и интернет, меньшее количество людей выписывают газеты. Радио, как информационный носитель, устарело, но продолжает играть роль в распространении рекламы.
	Радио	26	
	Газеты	74	
	Интернет	108	
3. Сколько времени ежедневно у вас занимает просмотр телепередач, фильмов?	До 1 часа	20	Абсолютное большинство опрошенных активно смотрит телевидение, в том числе и через интернет, на специальных сайтах, ведущих онлайн - трансляцию.
	1-3 часа	24	
	Более 3 часов	14	
	Не смотрю телевизор	22	
	Смотрю в Интернете	24	
4. Ваше отношение к рекламированию товаров и услуг на телевидении?	Положительное	16	Участники анкетирования равнодушно относятся к рекламированию товаров и услуг на телевидении.
	Равнодушное	76	
	Отрицательное	10	
	Затрудняюсь ответить	8	
5. Часто ли Вы запоминаете какой-нибудь слоган или картинку из рекламы?	Да	64	Относительное большинство опрошенных запоминают рекламные слоганы.
	Нет	36	
	Не могу вспомнить	8	
6. Слышали ли Вы об эффекте 25 кадра?	Да, я всерьез задумался об этом	18	Большинство опрошенных не знают об эффекте 25 кадра
	Да, но не очень-то в это верю	24	
	Что-то, вроде, слышал	34	
	Нет	36	
7. Бывали ли ситуации, когда прокрутка того или иного рекламного ролика вызывала у Вас какие-либо эмоции?	Да, очень часто	14	Рекламные ролики в основном не вызывают эмоций у опрошенных.
	Да, но очень редко	74	
	Нет, никогда	20	
8. Многие ли рекламные ролики вызывают у вас негативную реакцию?	да, все	0	У большинства опрошенных рекламные ролики вызывают негативную реакцию.
	да, большинство	34	
	да, парочка	62	

	нет	12	
9. «Бегаете» ли вы от рекламы по каналам?	да, всегда	26	Большинство опрошенных часто бегают от рекламы по каналам.
	да, иногда	78	
	нет, так как не имею возможности переключить канал	2	
	нет, мне интересно посмотреть и рекламу	0	
10. Какие виды товаров или услуг, по Вашему мнению, обязательно должны рекламироваться?	Реклама лекарственных препаратов	33	Относительное большинство участников анкетирования считают, что должны рекламироваться продукты питания и культурные мероприятия.
	Реклама средств для похудения	8	
	Реклама банков и предоставляемых кредитов	32	
	Реклама продуктов питания	50	
	Реклама услуг туристических фирм	40	
	Реклама культурных мероприятий	84	
	Реклама образовательных услуг	2	
11. Как Вы думаете, реклама оказывает негативное влияние на Ваше здоровье или психику?	Оказывает очень сильное влияние	2	Многие не задумываются над влиянием рекламы на здоровье и психику людей.
	Оказывает	20	
	Не оказывает	26	
	Не задумывался над этим	42	
	Затрудняюсь ответить	10	
12. На Ваш взгляд, в каких средствах массовой информации должна размещаться реклама товаров и услуг?	В газетах	58	Участники анкетирования считают, что реклама должна размещаться в газетах, на рекламных щитах и на телевидении.
	В журналах	30	
	На телевидении	50	
	На радио	22	
	На рекламных щитах на улице	50	
	В интернете	40	
	Нигде	3	
13. К каким, на Ваш взгляд, социальным последствиям может привести дальнейшее развитие рекламных технологий?	Улучшение состояния экономики	38	Большинство опрошенных считают, что реклама – дополнительный источник дохода для государства.
	Падение культуры	34	
	Безразличие к судьбам людей	14	
	Дополнительный источник дохода для государства	40	
	Деградации человека	32	
	Другой вариант: рекламодателей сожгут.	1	

По итогам проведенного нами социологического исследования можно сделать вывод, что многие люди не осознают или не задумываются о том, что на них воздействует реклама. Данное воздействие заключается в запоминании слоганов, негативной реакции на рекламу товаров и услуг, избегании рекламы.

Полученные данные свидетельствуют о том, что под воздействием рекламных сообщений происходят определенные видимые изменения отношений с окружающими людьми и окружающим миром в целом. Наибольшее влияние реклама оказывает именно на психологию молодёжи как наиболее уязвимой и незащищённой части общества, поэтому, безусловно, государству следует строго контролировать рекламу и её содержание.

По данным социологов, не все потребители относятся к рекламе негативно. Так, положительно к рекламе относятся 22% опрошенных потребителей, нейтрально 68%, а отрицательно 10% [6, 7].

Таким образом, наша рабочая гипотеза о том, что реклама товаров и услуг отрицательно влияет на сознание людей подтверждается результатами нашего исследования, так как у большинства опрошенных появляется негативная реакция на внешние раздражители, начиная с конкретного рекламного ролика и заканчивая уже всем остальным.

На рынке товаров и услуг реклама помогает ориентироваться потребителям. Прямая зависимость от рекламных сообщений при выборе и покупке товаров или услуг существует у более чем половины всех потребителей. Также можно говорить о скрытой зависимости потребителей от рекламы, которую они, правда, не признают.

Реклама как инструмент рынка и социальный институт воздействует на человека, как единицу биологическую и социальную. В этой связи она должна нести разные аспекты информации, в комплексе воздействуя на чувства и мысли человека, опираясь на его социальный и физиологический опыт. Только при соблюдении этих условий рекламное сообщение может дать желаемый результат. В противном случае работа по созданию рекламного сообщения превратится в творческое самовыражение рекламиста и экспроприацию рекламодателя. Реклама может вызывать очень разные чувства у потребителей, как положительные, так и отрицательные. К положительным, можно отнести то, что реклама будит воображение, вызывает интерес, пробуждает чувство юмора. Однако реклама может быть скучной, лживой, слишком напористой, безвкусной. Такая реклама пробуждает в потребителях отрицательные чувства. К рекламе не следует относиться только как к информации. Однако следует осознавать, что реклама имеет огромное влияние на человеческую психику и может программировать человеческое поведение. В противном случае всегда будет оставаться опасность того, что рано или поздно реклама начнет управлять жизнью людей не только в экономической, но и в психологической сфере жизнедеятельности человека.

Таким образом, мы провели социологическое по своему характеру исследование воздействия рекламы на массовое сознание людей, в результате которого мы можем сделать следующие выводы, а именно:

- 1) большинство рекламы товаров и услуг негативно воздействует на сознание людей;
- 2) это проявляется в повышенной раздражительности и избегании рекламы, плохом настроении, пониженной работоспособности;
- 3) большое раздражение вызывают телевизионная реклама и реклама в интернете.

Библиографический список

1. **Демидов, В. Е.** Сущность рекламы и психология её восприятия / В. Е. Демидов. – М., 2011.
2. **Росситер Дж. Р.** Реклама и продвижение товаров / Дж. Р. Росситер, Л. Перси. – СПб., Питер, 2011.
3. **Музыкант, В. Л.** Теория и практика современной рекламы: моногр. В 2-х ч. / В. Л. Музыкант. – М.: Издательство Евразийский регион, 1998.
4. **Рогожин, М. Ю.** Теория и практика рекламной деятельности. Учебное пособие / М.Ю. Рогожин.– М., Изд-во РДЛ, 2011.
5. **Ромат, Е. В.** Реклама / Е. В. Ромат. – СПб.: Питер, 2012.
6. **Савельева, О. О.** Социология рекламного воздействия / О. О. Соловьева. – М.: «РИП-холдинг», 2006. - 284 с. // URL: <http://socioline.ru/book/saveleva-oo-sotsiologiya-reklamnogo-vozdjstviya> (дата обращения 24.04.2015)
7. **Егорова, Е. С.** Социология рекламы и мультикультурализм / Е. С. Егорова // URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2011/5/142.pdf> (дата обращения 24.04.2015)
8. Какой вид рекламы в метро стоит выбрать // Практика Рекламы. – № 3. 2015 // URL: <http://www.prosmi.ru/magazin/practic/pr0315/> (дата обращения 24.04.2015)

УДК 316.624

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Е. А. Волкова

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: volkova@mail.ru

Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Студентка 1 А. О. Егорова

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 253-82-52;

e-mail: egorova@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair E. A. Volkova

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: volkova@mail.ru

Voronezh Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

1st year student

A. O. Egorova

Russia, Voronezh, tel. (473) 253-82-52;

e-mail: egorova@mail.ru

Е. А. Волкова, А. О. Егорова

СТРАХИ РОССИЯН КАК ИНДИКАТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ

В статье рассматривается влияние массовых страхов на общественное сознание. Авторы приходят к выводу, что тенденцию общего беспокойства россиян можно использовать для изучения общественных проблем. Здесь страхи выступают в качестве показателей напряженности в стране и выделяют элементы, на которые необходимо в первую очередь обращать внимание при реформировании и решении основных острых вопросов населения.

Ключевые слова: массовые страхи, общественная напряжённость, государство, общество риска.

Е. А. Volkova, А. О. Egorova

THE RUSSIAN'S FEARS LIKE A DETECTOR OF SOCIAL TENSITY

The article discusses the impact of mass fears on a public mind. The authors conclude that tendency of Russians common uneasiness can use for studying social problems. The fears operate as indicators of tensity in the country and detail elements, which are important to be paid attention while reforming and solving the most sensitive questions of population.

Key words: mass fears, public tensity, state, society of risk.

По последней переписи населения в России проживает около 143 млн. человек. Кто такие россияне? Слово "россиянин" начиная с 1990-го года повсеместно встречается в газетах, на телевидении, в интернете, СМИ, в комментариях блогов и форумов. Россияне – это жители, граждане России. Россияне - это не народ, это совокупность народностей и наций проживающих на территории России и имеющих российское гражданство. Россияне составляют большую часть населения нашей страны, являются основным её компонентом, строят её будущее. Мы живем в интересное, но очень непростое время. За короткий промежуток времени в истории современной России произошло много изменений. На наших глазах идёт формирование гражданского общества, рыночной структуры, развивающейся демократии. Многие из этих процессов сложно воспринимается теми, кто родился и большую часть жизни прожил в СССР. Качественные изменения, происходящие сегодня в экономике современного российского общества, повлекли за собой серьезные сдвиги в его социальной структуре. В отличии от СССР в современной России сильно возрос показатель безработицы и коррупции, что безусловно вызывает ряд недовольств и беспокойств. С возникновением и развитием глобализации произошёл резкий скачок вверх преступности, возникло влияния Запада, получили широкое распространение наркотики, о которых в Советском союзе и не знали. Всё это, конечно же, не могло пройти бесследно. Люди,

привыкшие к советским порядкам, никак не могут привыкнуть к сложившимся современным системам. Они перестают верить в своё будущее, потому что сама жизнь вызывает у них чувство страха. Страх становится индикатором выявления общественной напряженности в разных сферах жизни нашей страны. Эта тема заинтересовала и меня, потому что не только люди старой закалки испытывают, чуть ли не постоянные опасения, но и те, кто уже давно привык к новым условиям жизни или даже родился и растёт в них. Страх перед будущим — основа катастрофического сознания. Этот вид страха возник чрезвычайно давно и изначально имеет культурное содержание.

В настоящее время имеет смысл в борьбе с определёнными страхами, устранение которых имеет большое значение. В России наблюдается высокий уровень массовых страхов в обществе в целом и катастрофического сознания в определенных группах. Массовые страхи — социально приемлемая форма, в которой находят выражение индивидуальные страхи [8]. Общественный страх показывает, чего боится большинство граждан страны. Общие страхи выделяют особо значимые, глобальные проблемы для всего общества в целом. Подобные совокупности страхов носят за собой более значимый характер, чем личные, однако строятся они на показателях того, какие страхи встречаются чаще всего среди отдельных личностей и насколько высокое значение они имеют. Данные страхи определяют насколько государство способно обеспечить обществу его защиту от внешних угроз, положительное состояние демографического положения, социальную стабильность. Массовые страхи часто ориентированы на ситуации, складывающиеся в социальной среде, и их динамика гибко следует за этими ситуациями как любое массовое настроение. Характерно, что высокая интенсивность страхов в России сочетается с крайне низким уровнем способности населения к самоорганизации для противостояния вероятным опасностям. Высокий уровень и интенсивность страхов в России может стать причиной серьезной паники и катаклизмов, ведь поводы при существующей сейчас политической и социально-экономической напряженности легко найдутся. При наличии огромных запасов оружия массового поражения эти кризисы могут приобрести планетарный характер. Некоторые страхи мешают развитию общества, способствуют его отсталости и даже деградации. Подобные явления крайне негативно сказываются на всю социальную жизнь государства и поэтому с ними нужно бороться. Выявления подобных страхов для их дальнейшего ликвидации и было целью моего изучения.

Общественные страхи помогают или мешают развитию общества? Можно ли их преодолеть и как? Что бы ответить на данные вопросы, изучая данную тему, было проведено небольшое социологическое исследование - анкетирование. В опросе приняли участие три группы респондентов: молодежь (15-30 лет), граждане среднего возраста (30-55 лет), граждане предпенсионного и пенсионного возраста (55-80 лет).

Несмотря на разницу в возрасте показатели по личным страхам у респондентов были примерно одинаковы. На первое место вышли страхи за потерю близких, и уже на второе опасения за собственную жизнь и безопасность. Только за тем идут страхи за свое финансовое благополучие и потерю имущества.

Что касается страхов, волнующих вопросов, касающихся внутреннего состояния общества, то тут мнения несколько разошлись. Молодежь, например, опасается за своё будущее, возможность получить желаемое образование и достойную работу, в возможности состояться в жизни. Граждан среднего и старшего возраста волнует уровень стабильности в стране. Респонденты среднего возраста испытывают волнение за своё будущее не меньше чем молодежь, они не уверены в том, что им будет обеспечена достойная старость. Также люди старшего поколения испытывают достаточно высокое волнение по поводу возможности деградации молодежи, аргументируя этим отсутствием должного интереса к настоящему, высокому искусству, чтению и стремлению к познанию. Что касаясь внешних угроз для нашей страны, то респонденты испытывают высокую долю страха из-за возможности войны, введения России в экономическую блокаду и как следствие этому голод и упадок экономики. Пожилые люди очень опасаются развития национализма в России и мире. Таким образом,

76% опрошенных граждан считают, что жизни в нашей стране становится более опасной, чем безопасной, 64% участников анкетирования отметили, что и жизнь в регионе становится более опасной, и 49% не вполне уверены в своем будущем.

В качестве субъектов обеспечения своей безопасности молодежь, прежде всего, надеется на самих себя, а вот люди среднего и старшего возраста при попадании в сложную ситуацию надеются на поддержку и помощь семьи. К сожалению, опрос показал, что уровень доверия к государству и ожидание помощи от него у граждан всех возрастов очень низкий. Более того, власть зачастую сама становится причиной опасений россиян. Если в демократическом обществе государство становится причиной страха, то его граждане перестают верить в своё будущее, возникает раскол между властью и народом. Общество, в котором возникает массовый страх, находится в сильном неравновесном состоянии. Из этого следует, что для того чтобы государство могло обеспечивать защиту населению, оно должно оставаться в едином равновесии с гражданами, внутри него должен быть порядок.

Таким образом, проводя реформы и воплощая в жизнь новые социальные проекты правительству необходимо, прежде всего, опираться на мнение населения. Ведь целью любых социальных реформ является улучшение жизни граждан в обществе. Поэтому государству важно причины страхов, которые испытывают россияне. Знание опасений граждан могут помочь при ведении внешней политики, это помогает определять, какие основные внешние угрозы для россиян требуют особого внимания.

В данный момент наиболее оптимальным и эффективным путем к миру и безопасности, к диалогу между цивилизациями, народами и людьми является социология безопасности, которая как ключевая категория новой гуманитарной парадигмы XXI века [1]. Она может быть рассмотрена через анализ вызовов, угроз, рисков и опасностей для национальной цели, социального идеала, основным ценностям и жизненно важным интересам общества. Социальная безопасность рассматривается как один из относительно самостоятельных компонентов национальной безопасности, находящийся в единстве с политическими, экономическими, научно-техническими, духовно-нравственными, военными и другими компонентами защиты и поддержания населения. Под социальной безопасностью понимают надёжную защищённость жизни важных интересов социальных субъектов, сохранение и развитие человеческого потенциала, системы жизнеобеспечения людей, непреходящих ценностей, сложившегося образа жизни, нравственных идеалов.

Сейчас государство проводит обширную социальную политику по направлениям социального страхования, социальной защиты работников, в области заработной платы, на рынке труда, жилищная политика. В результате реформ социально-трудовая сфера приобрела новое качество. Особый акцент ставится на проведение реформ в сфере образования, здравоохранения, жилья. Правительство и государственная дума России постоянно принимают законы о повышении минимальной зарплаты, пенсий, вводят новые пособия. Особо внимание уделяется национальным проектам «Здоровье», «Образование», «Жильё», «Развитие АПК». Сейчас работает множество законов о социальных гарантиях, направленные на социальное поддержание людей, повышении их жизненного уровня особенно находящихся в сложном, непростом положении: малоимущие семьи, многодетные семьи, молодые семьи, дети сироты, пенсионеры, безработные, инвалиды и другое. Социальная защита - необходимый элемент функционирования любого достаточно развитого государства. В России этот термин получил широкое распространение в связи с переименованием системы органов социального обеспечения в систему органов социальной защиты населения. Система социальной защиты населения России включает в себя: социальное обеспечение, социальное страхование и социальную поддержку (помощь). Осуществляется за счет федерального, местных бюджетов, специально создаваемых фондов социальной поддержки населения, негосударственных фондов. Основные цели социальной защиты – это избавление от абсолютной нищеты (когда среднедушевой совокупный доход семьи ниже прожиточного минимума), оказание материальной помощи населению в

экстремальных условиях, содействие адаптации социально уязвимых групп населения к условиям рыночной экономики [4].

В Российской Федерации социальные услуги предоставляют более 12 тыс. учреждений (стационарных, полустационарных и нестационарных). Сегодня Воронежская область располагает 124-мя учреждениями, оказывающими социальные услуги населению. Эта цифра складывается из трех показателей: 49 стационаров для пожилых людей, 39 центров, оказывающих комплексные социальные услуги, 36 семейных учреждений.

Современная Россия является компонентом всеобщего общества риска. Поэтому в настоящее время имеет большое значение борьба со страхами, которые мешают развитию общества, способствует его отсталости. Жизнь не стоит на месте. Прогресс является основным её аспектом. Из этого следует, что просто необходимо идти в ногу со временем, приспосабливаться к её новым тенденциям и тем самым способствовать качественным изменениям жизни общества. Молодёжь является создателем сегодняшнего дня, остаётся основным компонентом современности, но это не означает, что люди других возрастных категорий должны оставаться на прежней, привычной для них ступеньки развития. Совсем наоборот они так же должны вносить свои изменения в окружающую их социальную среду, предлагать какие-то свои новые идеи и корректировки. Это может помочь более быстрому, интенсивному продвижению общества вперёд. А чтобы людям старших возрастов было комфортно или даже просто возможно влиять на ход развития, государство должно обеспечить своим гражданам достойный уровень жизни. Сегодня высокий уровень социальной обеспеченности населения играет очень важную роль в жизнедеятельности современного общества. Он определяет всю структуру общества, её мобильность и стратификацию.

Таблица 1.

Основные виды современных страхов россиян

№ пп	Наиболее актуальные страхи и тревоги россиян
1.	Страхи подорожания товаров и услуг, обесценивания сбережений и дальнейшей девальвации рубля, роста цен (инфляции), страхи потери работы
2.	Страхи роста международной напряжённости и международных конфликтов. В настоящий период происходит навязывание россиянам страха войны с НАТО, что уже достигло своего апогея у так называемых американо-фашистов.
3.	Страхи развития новой техники и шире – науки и новых технологий.
4.	Страхи россиян в связи с недвижимостью и её постоянным подорожанием, а также в связи с новым налогом на недвижимость, введённым с 1 января 2015 г.
5.	Страхи заселения страны представителями других национальностей, мигрантами (низкая рождаемость в стране).
6.	Страхи разгула преступности и роста криминала, коррупции
7.	Страхи новых экономических и других социальных кризисов в стране

По данным ВЦИОМ, россияне считают реальной угрозой для России заселение страны представителями других национальностей, нелегальными мигрантами.

В вероятность того, что Россия будет заселена людьми других национальностей, верят 35% опрошенных. Примерно каждый третий россиянин обеспокоен возможным упадком культуры, науки и образования: 33% опрошенных видят в этом главную угрозу для страны. На третьем месте основных угроз оказались «экологические катастрофы» и «теракты»: эти пункты выбрали по 28% респондентов.

Каждый четвертый россиянин (25% опрошенных) больше всего обеспокоен возможным исчерпанием запасов нефти и газа, а также расколом среди властей РФ (24% опрошенных). Следующую строчку в рейтинге тревог россиян заняла низкая рождаемость: этой проблемой обеспокоены 23% опрошенных. Наконец, 22% респондентов боятся резкого снижения уровня жизни.

В целом уровень тревожности россиян снизился по сравнению с предыдущими годами. Так, в 2005 г. резкого падения уровня жизни опасались 70% опрошенных. Теракты назвали главной угрозой 67% респондентов, а экологические катастрофы и упадок культуры, науки и образования оказались основным страхом 59% опрошенных. Кроме того, революцию и гражданскую войну в 2005 году назвали реальной угрозой 27% респондентов. Сегодня этого опасаются 10 и 13% респондентов, соответственно [11].

В целом, как показывают опросы ВЦИОМ, большинство наших сограждан говорят, что данные проблемы их уже затронули или коснутся в скором времени.

Индекс страхов по соответствующим факторам в общем и целом сильно возрос, причем беспокойство в связи с международными конфликтами с начала 2015 года выросло в большей степени. Индекс страхов показывает, насколько высокой кажется россиянам вероятность наступления той или иной проблемы. Индекс строится на основе вопроса "Как Вы оцениваете вероятность появления следующих проблем в Вашей жизни?", измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от -100 до 100. Чем выше значение индекса, тем более вероятным кажется россиянам наступление проблемы.

Показатель, отражающий, насколько вероятным респонденты считают ухудшение своего здоровья и затруднения с получением медицинской помощи, за несколько месяцев немного снизился и в марте 2015 г. вышел на нулевую отметку. Остальные показатели находятся в области отрицательных значений - большинство опрошенных не думают, что эти проблемы могут их постигнуть. Так, индексы страхов разгула преступности, внутригосударственных конфликтов существенно снизились.

Снижение доходов в связи с урезанием зарплат, переходом на низкооплачиваемую работу и т.п. в последние годы стали беспокоить несколько меньше - соответствующий показатель также снизился. Напротив, индекс страхов относительно разного рода стихийных бедствий с начала года возрос. Индекс страха потери работы снизился. Увольнение считает вполне вероятным немногим более четверти опрошенных (29%), тогда как не испытывают опасений по этому поводу вдвое больше (65%).

Меньше всего беспокоят разлады в семье - соответствующий индекс снизился на несколько пунктов: более трех четвертей опрошенных (79%) не думают, что с близкими у них произойдут серьезные конфликты.

Бедность и обнищание населения была и остаётся одной из самых главных проблем России. Эту проблему назвали 40% респондентов против 55% в 2013 г. Роста безработицы боятся 26% (год назад - 36%), столько же беспокоится о коррупции и взяточничестве в стране (26% против 39% в 2013 г.). Как показали опросы, главным страхом большинства россиян остается рост цен - 71% против 69%, причём страхи эти растут.

Кризис в экономике, плохое состояние промышленности и сельского хозяйства тревожит 28% респондентов (29% в 2013 г.), наплыв приезжих, мигрантов - 24% (27%), недоступность многих видов медицинского обслуживания, как и в прошлом году, беспокоит 23% россиян. Социологи отмечают, что россиян меньше стали волноваться по поводу "кризиса морали, культуры и нравственности" (18% против 30% в 2013 году) и роста наркомании (14% и 22% соответственно). Меньше всего россияне сейчас волнуются из-за конфликтов между ветвями власти на различных уровнях, ограничение гражданских прав, демократических свобод (3%) [12].

В текущий период 2015 года наиболее ощутимыми вопросами для россиян являются подорожание товаров, обесценивание сбережений и рост цен и прочие проблемы, в том числе рост военной угрозы России со стороны других (западных) стран мира (см. табл. 1, 2). Обычно высокий уровень беспокойства россиян по поводу бедности, безработицы и коррупции за истекший 2014 год значительно снизился, больше всего нас сейчас беспокоит рост цен. По данным текущего социологического опроса Минобороны России (<http://mil.ru/>), сегодня отмечается повышенный рост военной угрозы России со стороны других стран (см. табл. 2).

Таблица 2.

Социологический опрос на сайте Минобороны России в 2015 году

Как вы думаете, существует ли сейчас военная угроза России со стороны других стран?		
Ответ: да	59364	(74,7%)
Ответ: нет	17454	(21,96%)
Затрудняюсь ответить	2657	(3,34%)
Источник информации: Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России) // URL: http://dyn.ens.mil.ru/science/sociological_center/actual.htm?idPoll[0]=10749901@cmsPoll (дата обращения 09.06.2015)		

Сегодня главными страхами россиян, помимо военной угрозы, оказываются всё-таки экономические страхи, а именно: рост цен, то есть инфляция и девальвация национальной валюты (российского рубля).

Библиографический список

1. **Гонтмахер, Е. Ш.** Социальная политика в России: уроки 90-х / Е. Ш. Гонтмахер. – М.: Гелиос АРВ, 2000. – 333 с.
2. **Дмитриев, А. В.** Конфликтология: учебное пособие / А. В. Дмитриев. – М.: Гардарики, 2000. – 320 с.
3. **Дубин, Б. В.** Россия нулевых: политическая культура - историческая память - повседневная жизнь / Б. В. Дубин. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. – 392 с.
4. **Жеребин, В. М.** Уровень жизни населения: основные категории, характеристики и методы оценки / В. М. Жеребин, А. Н. Романов; Рос. акад. естеств. наук. Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН, Всерос. заоч. фин.-экон. ин-т. – М.: ЮНИТИ, 2002. – 592 с.
5. Социально-экономические проблемы переходного общества: Из практики стран СНГ / отв. ред. К. Микульский. – Межд. ассоц. акад. наук. Рос. акад. Наук. – М.: Наука, 2000. - 409 с.
6. **Ольшанский, Д. В.** Психология современной российской политики. Хрестоматия по политической психологии / Д. В. Ольшанский. – М.: Академический проект, 2001. - 650 с.
7. **Раскин, В. Г., Баумгартэн М. И.** Человеческие ресурсы в условиях социальной напряженности / отв. ред. Ю.Н. Клещевский; Кузбас. гос. техн. ун-т и др. – Кемерово, 1997. –167 с.
8. **Сухов, А. Н.** Социальная психология: учебное пособие. – 7-е изд., перераб. и доп. / А. Н. Сухов, М. Г. Гераськина, А. М. Лафуткин, А. В. Чечкова. – М.: Юнити-Дана, 2012. – 616 с.
9. **Шубкин, В. Н.** Страхи в России / В. Н. Шубкин // Социологический журнал. 1997. – № 3. – С. 17 – 23.
10. **Абрамович, Г. Ю.** Страхи и тревоги россиян / Г. Ю. Абрамович // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2013. – № 159. – С. 61-67. [Электронный ресурс]: портал. – Электрон. дан. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/strahi-i-trevogi-rossiyan>
11. Страхи россиян уменьшились в два раза. [Электронный ресурс]: портал. М., 2013. // АНСАР. Электрон. дан. URL: <http://www.ansar.ru/society/strahi-rossiyan-umenshilis-v-dva-raza>
12. Главным страхом россиян оказался рост цен. [Электронный ресурс]: портал. М., 2014. // Электрон. дан. URL: <http://www.interfax.ru/russia/396376>
13. Страхи россиян: рост цен и международные конфликты. [Электронный ресурс]: портал. М., 2015. // Электрон. дан. URL: <http://www.finmarket.ru/news/3993981>

УДК 323

*Воронежский государственный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
Е. В. Бадалова*

*Россия, г. Воронеж, тел. (903) 855-67-65;
e-mail: mail@kardas.vrn.ru*

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры
международных отношений и мировой политики
В. Н. Морозова*

*Россия, г. Воронеж, тел. (909) 212-24-71;
e-mail: ipd.vsu@gmail.com*

*Voronezh State University
PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Policy Chair*

*E. W. Badalova
Russia, Voronezh, tel. (903) 855-67-65;
e-mail: mail@kardas.vrn.ru*

*PhD in History, Associate Professor of International
Relations and World Policy Chair
V. N. Morosova*

*Russia, Voronezh, tel. (909) 212-24-71;
e-mail: ipd.vsu@gmail.com*

В. Н. Морозова, Е. В. Бадалова

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА И ПРАКТИКА ИНФОРМАЦИОННОГО
СОПРОВОЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ**

Статья посвящена анализу нормативно-правовой базы социальной политики современной Германии и практикам информационного обеспечения социальной функции государства. Отдельное внимание уделено вопросу об эффективности данных мер в период масштабных дискуссий о кризисе социального государства.

Ключевые слова: ФРГ, социальное государство, социальная политика, социальный кодекс, информационное обеспечение.

V. N. Morozova, E. V. Badalova

**LEGAL FRAMEWORK AND PRACTICE OF INFORMATIONAL SUPPORT OF
FRG's SOCIAL POLICY**

This article analyzes the legal framework of social policy of modern Germany and effective practices of informational support of social functions of the state. Special attention is paid to the issue of the effectiveness of these measures in the period of large-scale debate on the crisis of the welfare state.

Key words: FRG, welfare state, social policy, social codex, informational support.

Глобальные тенденции современного мира, обостряя вызовы и угрозы национальным государствам и требуя значительных усилий для адаптации к меняющейся ситуации, приводят к переосмыслению, казалось бы, давно сформированных и неподлежащих переоценке понятий.

Социальное государство Германии как ориентир для многих демократических государств, не впервые подвергается критике. Однако дискуссии о крахе социального государства всегда были переплетены с поисками стратегий преодоления кризиса, не ставя под сомнение сам факт неотделимости демократического государства от государства социально-ориентированного. Сегодня практически не осталось тех, кто искренне считал социальное государство панацеей от всех бед. Реальность оказывается более многоплановой [1], и мощный поток мигрантов в ФРГ, еще сильнее обострив ситуацию, только подтверждает это.

Не являясь идеальной моделью, социальное государство обнаружило целый ряд противоречий, среди которых поиск баланса между интересами трудовых мигрантов, антимигрантски настроенной общественностью и базовыми демократическими принципами социального государства [2], противоречие между расширяющимися векторами социальной политики и необходимостью обеспечения экономического развития, сложный выбор между экономией в условиях кризиса и необходимостью затрат на социальные нужды, тенденции к бюрократизации аппарата социальной защиты.

Представляется, что проблемы, стоящие перед немецким социальным государством, не столько являются свидетельствами его несостоятельности или полного краха, сколько подчеркивают динамический характер модели социального государства, являясь структурно-имманентным индикатором необходимости гибкости во взаимоотношениях между органами власти и ориентированной на социальную помощь общественностью.

Социальное государство ФРГ ставит целью благосостояние общества, что, в свою очередь, находит практическое выражение в процессе демократического принятия решений. Социальная политика Германии опирается на мощную нормативно-правовую и институциональную базу.

Лоббируясь многочисленными организациями и объединениями как показатель благополучия немецкого общества, социальная политика зачастую становится во главу критики этих же структур.

Системный характер социальной модели ФРГ обеспечивается солидной нормативно-правовой базой, значимое место в которой занимает Социальный кодекс, состоящий из 12 самостоятельных законов:

Так, «Кодекс социального права I: общие положения» вступил в силу с 1976 года, последние изменения были внесены 18 декабря 2014 года [3]. «Кодекс социального права II», вступивший в силу с 2005 года и предусмотревший изменения последний раз в апреле 2015 года, объединяет статьи, посвященные гарантиям для находящихся в поиске работы [4]. «Кодекс социального права III» вступил в силу с 1 января 1998 года, последние изменения были внесены 16 июля 2015 года, посвящен содействию трудоустройству [5]. «Кодекс социального права IV», заменивший 17 ноября 2009 года предыдущий вариант 1977 года, посвящен общим предписаниям для социального страхования [6]. «Кодекс социального права V: Обязательное медицинское страхование» вступил в силу с января 1989 года, последние изменения были внесены 16 июля 2015 года [7]. «Кодекс социального права VI: Обязательное пенсионное обеспечение» 1992 года содержит последние изменения также от 16 июля 2015 года [8]. «Кодекс социального права VII: Обязательное страхование от несчастных случаев» 1997 года был скорректирован поправками 17 июля 2015 года [9]. «Кодекс социального права VIII: Выплаты по рождению, воспитанию детей и развитию молодежи» вступил в силу в 1990 году для новых земель и в 1991 году для западных земель, последние изменения внесены 17 июля 2015 года [10]. «Кодекс социального права IX» от 2001 года с коррективами от 17 января 2015 года посвящен реабилитации и включению в общество лиц с ограниченными возможностями здоровья [11]. «Кодекс социального права X» 1983 года с изменениями от 11 августа 2014 года связан с регулированием социальных дел, находящихся в ведении административных учреждений, а также защитой персональных данных в сфере социального обеспечения [12]. «Кодекс социального права XI» от 1995 года с изменениями 16 июля 2015 года регулирует вопросы социального страхования на случай возникновения необходимости в уходе [13]. «Кодекс социального права XII» 2005 года с изменениями от 21 июля 2014 года посвящен социальной помощи [14].

Отдельными законами, пока не входящими в социальный кодекс ФРГ, являются Федеральный закон о содействии обучению 1971 года с изменениями от 27 июля 2015 года [15]; Федеральный закон об обеспечении жертв войны 1950 года с изменениями 15 апреля 2015 года [16], Федеральный закон о дотациях на аренду жилья 1971 года с последними изменениями от 3 апреля 2013 года [17], Федеральный закон о выплатах для многодетных семей 1966 года с последними изменениями 16 июля 2015 года [18].

Социальное государство в Германии обходится довольно дорого. Германия ежегодно тратит гигантские суммы на выплаты по социальному обеспечению, одну треть этой суммы составляют выплаты пенсий, одну пятую - выплаты по болезни. Значительные суммы приходится на социальные пособия, на пенсии и пособия чиновникам, пособия семьям с детьми [19].

В качестве основных направлений социальной работы в Германии следует выделить медицинское страхование, социальное страхование, пенсионное обеспечение, социальную

помощь незащищенным слоям населения, меры по содействию трудоустройству, поддержку молодежи в образовательной сфере и мн.др.

Существенные изменения в социальное законодательство для преодоления кризисных явлений социального государства были внесены в 2014 году. Большая часть из них – в 2015 году, что соответствовало стратегии Германии в социальной сфере, разработанной Министерством труда и социальной защиты.

Цель Германии в сфере социальной политики, заявленная в официальном докладе Министерства труда и социальной защиты от 25 марта 2015 года, состоит в том, чтобы таким образом организовать социальную систему, чтобы действовали качественные гарантии социальным выплатам. При этом должны привлекаться инвестиции в социальную жизнь, в образование, общественную инклюзию [20].

Качественные цели Германии в сфере снижения бедности и социального неравенства ориентированы, прежде всего, на такие целевые группы, как дети, молодежь, одинокие родители, лица с миграционным прошлым, люди с ограниченными возможностями здоровья, пожилые.

Немецкое государство исходит из того, что разбираться в вопросах социальной политики должны не только лица, ее реализующие, но и все взрослое население, то есть речь идет о повышении гражданской, правовой, информационной культуры граждан.

Право на информацию, закрепленное в Основном законе ФРГ, предусматривает, что демократический характер социальных мер обеспечивается, среди всего прочего, возможностью граждан получать необходимую информацию.

Для эффективной информационной стратегии по сопровождению социальных реформ необходимо тесное взаимодействие целого ряда элементов, начиная от нормативно-правовой базы и заканчивая институциональной.

Федеральная служба печати и информации [21] бесплатно предоставляет общественности сведения о политике правительства, мониторит состояние общественного мнения. В сфере информационного обеспечения социальной политики массмедийный отдел выполняет следующие функции: информирование об изменениях в нормативно-правовой базы социальной политики; разъяснение основ и принципов социальной политики; обнародование и коммуникации между властью и обществом.

Федеральная служба печати выпускает специальные многоотраслевые брошюры, они же, как правило, дублируются в Интернет.

Федеральное министерство труда и социальной защиты отвечает за выполнение законопроектов, правовых предписаний и административных распоряжений, осуществляет надзор над различными органами [22].

К задачам министерства относятся политика рынка труда: страхование по безработице, содействие трудоустройству, профессиональному образованию, социальная интеграция иностранных граждан, вопросы трудового права, в том числе техника безопасности, вопросы рабочего времени, защита труда молодежи и др. [22].

Не менее значимым направлением деятельности министерства выступает социальное страхование и социальные законы: пенсионное страхование, государственное страхование от несчастных случаев, процессуальное право, система социальных судов и создание Кодекса социальных законов. Профилактикой инвалидности, реабилитацией и помощью инвалидам занимаются отделы медицинской и профессиональной реабилитации, содействующие интеграции инвалидов в общество.

Значимым направлением деятельности министерства выступает европейская и международная социальная политика. В подчинении Министерству находятся уполномоченные по делам инвалидов, по вопросам иностранцев и по выборам в органы социального страхования.

Популяризации деятельности министерства способствуют издаваемые брошюры, DVD-диски, распространяемые бесплатно. Перечень всех издаваемых публикаций можно

просмотреть в разделе «Публикации». Публикации на сайте министерства разделены на крупные тематические группы [22].

Первая группа представлена публикациями по теме «Рынок труда/трудовое право» [22]. Среди них выделим такие последние работы, как «Зеленая книга «Работа 4.0». В ней представлены тренды, важнейшие общественные вопросы относительно работы будущего.

О введении минимального размера оплаты труда информирует брошюра в виде вопросов и ответов «Минимальный размер оплаты труда».

Публикация «Трудоустройство от А до Я» сообщает о регулировании трудовых отношений, о требованиях к профессиональному образованию и квалификации, о работе агентств по трудоустройству.

Публикация «Трудовое право: информация для работников и работодателей» предоставляет сведения о том, на что нужно в первую очередь обращать внимание при заключении трудового договора.

В брошюре «Вознаграждения» содержится информация о правах и обязанностях работников и работодателей, приводятся выдержки из законов.

Еще одна публикация, изданная как в печатном, так и электронном виде, носит говорящее само за себя название: «Согласие – хорошее дело», - отражает историю профсоюзного движения.

«Защита от увольнения» отражает вопросы, связанные с увольнением работников, также содержит выдержки из законов.

О регулировании вопросов частичной занятости информирует публикация Министерства на 600 страниц «Частичная занятость – о том, на что имеет право каждый!».

«Частичная занятость как хобби: аргументы для мужчин» обращает внимание, что частичная занятость, зачастую используемая женщинами, может быть полезна и для мужчин.

Публикация «Время работы: законы» освещает правила регулирования рабочего и свободного времени.

«Поддержка одиноких родителей: победа профессионалов!» информирует данную категорию родителей о тех льготах и возможностях, которые им представляет социальное государство Германия.

Вторую группу публикаций составляют работы, посвященные теме «охрана труда» [22].

Так, в работе «Безопасность и охрана здоровья в строительстве» отражена ситуация в данной отрасли. Организации рабочего места посвящена одноименная брошюра. Выпущены публикации «Технические правила: уровень шума», «Технические правила: лазерное излучение».

Работа «Шаг за шагом вернуться к работе» адресована работникам, которые долгое время по причине болезни не работали и теперь готовы вновь взяться за свои функциональные обязанности.

«Рекомендации для новой культуры здоровья на производстве» находятся в русле стратегии немецкого правительства обеспечить не только безопасные и благоприятные условия труда, но и сменить сам подход к работе, позволяя получать моральное удовлетворение от своей рабочей деятельности.

Совместно с немецкими профсоюзами Министерство труда и социальной защиты выпустило работу «Пояснения к психическому здоровью на рабочем месте».

Сущность понятия «работоспособность» раскрывается в одноименной брошюре, делающей акцент на способностях человека к определенному виду деятельности, его готовности постоянно совершенствоваться в профессиональном плане, но при этом не допуская перегрузок организма.

В публикации «Рабочее время» содержатся медицинские рекомендации относительно организации рабочего времени и возможностей повышения работоспособности.

Не обошли стороной публикации и тему психологического здоровья на производстве, включая рекомендации по благоприятному психологическому климату на производстве, совершенствованию сплочения коллектива.

Третья группа публикаций адресована пенсионерам [22]. Среди них такие, как «Советы пенсионерам», «Дополнительное пенсионное страхование».

Четвертая группа работ объединена темой социального страхования [22]. Обзор системы социального страхования в ФРГ, включая комментарии к выплатам медицинской страховки, пенсионного обеспечения, страхования несчастных случаев представлен в публикациях «Краткий обзор социального страхования», «Социальные пособия и страхование», «Страхование находящихся в поиске работы».

В рамках данной группы отдельно освещаются проблемы социальной помощи жертвам насилия и жертвам войны.

Пятая группа публикаций посвящена людям с ограниченными возможностями здоровья [22]. Среди них следует отметить такие, как «Советы людям с ограниченными возможностями (ОВЗ)», «Советы людям с ограниченными возможностями: краткий справочник», «Заключительный доклад по мероприятиям для лиц с ОВЗ»; «Советы людям с ограниченными возможностями в Европейском Союзе: краткий справочник». В последней приводится сравнительный анализ мероприятий в разных странах Европейского Союза, организуемых для лиц с ограниченными возможностями.

В условиях, когда ряд работодателей готов взять на работу лиц с ОВЗ, выпускается публикация «Совместная работа – включение в профессиональную деятельность».

Реабилитации инвалидов и их правам также посвящена отдельная публикация.

В специальной брошюре «Информационные порталы для лиц с ОВЗ и работодателей» приводятся новинки онлайн-ресурсов для инвалидов.

Социально-педагогическому сопровождению образования лиц с ОВЗ и образовательному менеджменту посвящена отдельная публикация свыше 300 страниц с аналогичным наименованием. В ней приводятся рекомендации для профессорско-преподавательского и вспомогательного персонала по коррекции взаимодействия с инвалидами. Социальное сопровождение предусматривает в том числе содействие в решении проблем проживания в общежитии, социальных выплат, выделения материальной помощи, бытовых проблем, а также создания в учебных заведениях толерантной социокультурной среды. Особое внимание уделяется созданию безбарьерной среды для лиц с нарушениями слуха, зрения, ограничением двигательных функций. В работе подробно анализируются преимущества комплексной информационной системы для ориентации и навигации инвалидов, включая визуальную, звуковую и тактильную информацию.

Главной идее инициативной инклюзии посвящен специальный флайер, отражающий ориентир на формирование условий доступности среды. «Национальный план действий как часть интеграционного права» освещает меры, предпринимаемые министерством труда и социальной защиты в соответствии со стратегическими направлениями социальной политики.

Желающим получить статистическую информацию предоставляются статистические отчеты в сфере страхования несчастных случаев за 2006 – 2013 гг.; в сфере пенсионного обеспечения за 2007-2013 гг., составляющие шестую тематическую область работ.

Седьмая группа работ объединена темой «Социальная Европа» [22]. Так, «Социальный компас Европы» содержит сравнительный анализ систем социального страхования в Европе. Глоссарий социальной политики можно встретить в работе «Страны Европы». Интернет-страницы по социальной политике характеризуются в брошюре «Европейская социальная политика онлайн». Программы Европейского Социального фонда в Германии 2014 – 2020 представлены в одноименной брошюре. Отчет о деятельности данного фонда можно найти в специальной брошюре, посвященной 50-летию юбилею фонда.

Актуальные проблемы реализации социальной политике в Германии характеризуются в работе «Социальный прогресс как ответственность».

О новых программах в сфере подбора персонала, финансируемых за счет Министерства труда и социальной защиты, информирует флайер «Хороший совет на будущее».

Интересующие публикации можно заказать через Интернет или по телефону. Если речь идет о научных работах, за которые предусмотрена плата, то распространение осуществляется через систему торговли. Активно распространяют издания Федеральные и Земельные центры политического образования.

Министерство труда и социальной защиты также активно организует выставки, наиболее крупная из которых называется «Германия как социальное государство», которая дает информацию о состоянии трудового и социального права в Германии, оказывает содействие трудоустройству, рассматривает вопросы пенсионного страхования, соцпомощи, реабилитации инвалидов и др. Информация о месте и дате проведения выставки размещается заранее на сайте ведомства и транслируется рекламным роликом в местных СМИ.

С 2008 года в ФРГ стартовала выставка «Думать о будущем: картины и документы социальной истории Германии», включающая в себя целый ряд отдельных выставок. Последние изменения в выставке произошли в августе 2015 года. С 2015 года в рамках выставки сформировалось отдельное направление «История социального страхования» [23].

Активным спросом со стороны населения пользуются консультации по телефону. Многоканальная линия связи позволяет принимать значительное количество звонков. Задействован также специальный телефон для людей с нарушениями слуха.

В пределах своих компетенций информированность граждан обеспечивают также Федеральное министерство здравоохранения, Федеральное министерство по охране окружающей среды, Федеральное министерство транспорта, строительства и жилья, Федеральное министерство экономики и технологий, Федеральное министерство по экономическому сотрудничеству и развитию.

Говоря об эффективных практиках Германии по информационному обеспечению социального направления, следует выделить огромное количество журналов, предназначенных для граждан страны, пребывающих мигрантов, работников социальной защиты, специалистов в данной сфере. У большинства из них полнотекстовые версии бесплатно представлены на интернет-страницах портала «Актуальная социальная политика Германии» (Sozialpolitik – aktuell.de) [24].

Тематически данные журналы можно разбить на несколько групп.

К первой группе следует отнести журналы, посвященные общим темам социального государства Германии [25]. Среди них отметим такие, как «Архив научных исследований и практики социальной работы», «Из политики и современной истории», «Берлинский социологический журнал», «Актуальное для работодателей», «Дискурс», «Здоровье и социальная политика», «Информация для безработных и имеющих право на социальные пособия», «Информационная служба социальных индикаторов», «Журнал европейской социальной политики», «Кёльнский журнал по социологии и социальной психологии», «Левиафан», «Ежемесячные доклады Немецкого Федерального банка», «Ежегодник по экономике и социальной работе», «Социальное страхование», «В мире социальной работы», «Социальный прогресс», «Социо-ревью: обсуждение литературных новинок», «Пути социального страхования», «Экономика и статистика», «Журнал социально-правовой практики», «Финансовые и экономические основы социального государства», «Социальные реформы» и др.

Ко второй группе относятся журналы, освещающие распределение доходов и поднимающие проблему бедности [25]. Помимо упомянутых выше таких журналов, как «Журнал европейской социальной политики», «В мире социальной работы», «Социальный прогресс», к данной категории принадлежат журналы «Ежеквартальная тетрадь исследований экономической ситуации», «Экономические службы».

Третью группу составляют журналы, посвященные безработице, рынку труда [25]. Среди них следует выделить «Служебные новости Агентства по труду», «Профессиональное образование: теория и практика», «Периодика Института по исследованию рынка труда»,

«Информация для безработных и претендующих на социальные пособия», «Работа», «Конъюнктура» и др.

Условиям труда посвящена четвертая группа журналов: «Здоровье и общество», «Здоровье и социальная политика», «Уверенность есть уверенность», «Журнал по страхованию производственных травм» [25].

Пятая группа охватывает журналы, связанные темой медицинского обеспечения и страхования: «Больница», «Немецкий врачебный бюллетень», «Менеджмент здоровья», «Здоровье», «Медицинское страхование» и др. [25].

Шестая группа журналов посвящена теме «опека и попечительство». В нее входят такие журналы, как: «Форум «станция «Социальная», «Новые практики», «Забота», «Забота и общество», «Теория и практика социальной работы» [25].

Демографическим изменениям посвящены журналы седьмой тематической области: «Округ», «Демографические общества», «Информация по семейной политике», «Городской ежедневник – актуальное» [25].

Восьмая группа журналов связана с темой «семья», «дети», «семейная политика». Речь идет о таких журналах, как: «Детские пособия», «Семейное право», «Немецкая молодежь», «Исследования семьи» и др. [25].

В рамках открытых методов координации усилий в социальной сфере Министерство труда и социальной защиты Германии, равно как и аналогичные министерства других стран-членов ЕС, готовит ежегодный официальный доклад о стратегиях социальной политики. Его подготовка осуществляется в период с июля по апрель, после чего он становится достоянием общественности.

Как отмечает российский исследователь Д. Сидорова, «германский опыт социальной политики доказывает, что успешное решение социальных проблем и противоречий возможно лишь при соблюдении таких условий, как развитые политические коммуникации, диверсифицированная и хорошо функционирующая информационно-политическая среда [26].

Опыт Германии показывает, что важно не столько иметь готовые рецепты от всех социальных проблем, сколько предоставить условия, при которых каждый гражданин отвечает за себя и имеет возможность собственными силами обеспечивать себе достойное существование.

Эффективность социальной политики государства таким способом тесным образом связывается с осведомленностью слоев общества в изменениях в социальной сфере, что способствует, в свою очередь, росту ответственности государственных акторов, связанных с социальными реформами.

Многочисленные дебаты о состоятельности модели социального государства в Германии наталкиваются на еще более спорную тему, а есть ли в принципе для государств, позиционирующих себя в качестве демократических, альтернативные модели развития? В этих условиях под влиянием экономических факторов, миграционных потоков, реакции общественности модель социального государства Германия склоняется к пути существенной трансформации в сторону большей рациональности социальной политики и переосмысления составляющих принципа социальной справедливости. Эффективные практики информационного сопровождения и солидная нормативно-правовая база позволяют расширить возможности более гибкого реагирования на перемены в обществе. Трансформация не доказывает крах модели социального государства, а подчеркивает связанные с динамизмом модели преимущества и разрывы при осуществлении демократическим государством своей социальной функции.

Библиографический список

1. Подробнее см. Дмитриева, С. И. Современная Германия в международных отношениях / С. И. Дмитриева. – Воронеж, 2011. – 106 с.

2. **Морозова, В. Н.** Германский опыт интеграции мигрантов в принимающее общество / В. Н. Морозова, Д. П. Золотарев // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (6). – С. 87-92.
3. Sozialgesetzbuch Erstes Buch – Allgemeiner Teil. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbi/1.html>)
4. Sozialgesetzbuch Zweites Buch – Grundsicherung für Arbeitsuchende. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbii/1.html>)
5. Sozialgesetzbuch Drittes Buch – Arbeitsförderung. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbiii/1.html>)
6. Sozialgesetzbuch Viertes Buch - Gemeinsame Vorschriften für die Sozialversicherung. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbiv/1.html>)
7. Sozialgesetzbuch Fünftes Buch – Gesetzliche Krankenversicherung. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbv/1.html>)
8. Sozialgesetzbuch Sechstes Buch – Gesetzliche Rentenversicherung. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbvi/1.html>)
9. Sozialgesetzbuch Siebtes Buch – Gesetzliche Unfallversicherung. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbvii/1.html>)
10. Sozialgesetzbuch Achtes Buch – Kinder- und Jugendhilfe. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbviii/1.html>)
11. Sozialgesetzbuch Neuntes Buch – Rehabilitation und Teilhabe behinderter Menschen. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbix/1.html>)
12. Sozialgesetzbuch Zehntes Buch – Sozialverfahren und Sozialdatenschutz. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbx/1.html>)
13. Sozialgesetzbuch Elftes Buch – Soziale Pflegeversicherung. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbxi/1.html>)
14. Sozialgesetzbuch Zwölftes Buch – Sozialhilfe. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbxii/1.html>)
15. Bundesausbildungsförderungsgesetz. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/bafoeg/1.html>)
16. Gesetz über die Versorgung der Opfer des Krieges. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/bvg/1.html>)
17. Wohngeldgesetz. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/wogg/1.html>)
18. Bundeskindergeldgesetz. – (<http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/bkgg/1.html>)
19. Sozialbudget 2014. – (http://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/DE/PDF-Publikationen/a230-14-sozialbudget-2014.pdf?__blob=publicationFile)
20. Strategische Sozialberichterstattung 2015: Deutschland // Bundesministerium für Arbeit und Soziales. – (<http://www.bmas.de/DE/Service/Medien/Publikationen/strategische-sozialberichterstattung-2015.html>)
21. Bundespresseamt. – (https://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/DE/Bundesregierung/Bundespresseamt/_node.html)
22. Bundesministerium für Arbeit und Soziales. – (<http://www.bmas.de/DE/Startseite/start.html>)
23. Ausstellungen // Bundesministerium für Arbeit und Soziales. – (<http://www.bmas.de/DE/Ministerium/Ausstellungen/ausstellung-zur-deutschen-sozialgeschichte.html>)
24. Sozialpolitik aktuell. – (www.sozialpolitik-aktuell.de)
25. Sozialpolitische Fachzeitschriften // Sozialpolitik aktuell. – (http://www.sozialpolitik-aktuell.de/fachzeitschriften_657.html)
26. **Сидорова, Д. Г.** Информационно-политические составляющие социальных реформ в ФРГ / Д. Г. Сидорова. – Казань, 2003. – (<http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n5/stat7/>)

УДК 327.7

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
А. В. Погорельский .
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: pogorelsky@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
A. V. Pogorelsky.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: pogorelsky@mail.ru

А. В. Погорельский

**ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА**

Развитие системы международных отношений после Второй мировой войны невозможно представить без решающей роли единственной универсальной международной организации - Организации Объединенных Наций. В тяжелейших условиях «холодной войны» ООН искала и находила компромиссные решения по самым сложным вопросам ядерного сдерживания, разрешения военных конфликтов, разоружения, укрепления демократии, разработки и внедрения международных стандартов в области прав и свобод человека. Однако к началу XXI века мир претерпел глубочайшие изменения, и появилась острая необходимость реформирования Организации Объединенных Наций. Автор статьи считает, что Организация Объединенных Наций и впредь должна оставаться стержнем современных международных отношений, общепризнанным центром согласования суверенными государствами решений в интересах поддержания международного мира и безопасности, достижения прогресса в самых различных областях.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, универсальная международная организация, система международных отношений, реформирование, международный мир и безопасность.

A. V. Pogorelsky

**PERSPECTIVES OF THE REFORMING OF THE UNITED NATIONS
ORGANIZATION IN THE FORMATION OF MULTIPOLAR WORLD**

Development of the system of international relations after the Second World War is impossible to imagine without the decisive role of the only universal international organization – the United Nations. In difficult conditions of the "cold war" the United Nations had to seek and find compromise solutions on the most complex issues of nuclear deterrence, resolution of military conflicts, disarmament, democracy, development and implementation of international standards in the field of human rights and freedoms. However, the world has undergone profound change by the beginning of the XXI century and there was an urgent need to reform the United Nations. The author believes that the United Nations should continue to be the core of modern international relations, recognized coordination center of sovereign states for finding solutions in the interest of maintaining international peace and security, progress in various fields.

Key words: United Nations, universal international organization, the system of international relations, reforming, international peace and security.

Развитие системы международных отношений после Второй мировой войны невозможно представить без решающей роли единственной универсальной международной организации - Организации Объединенных Наций. Возникшая в результате победы антигитлеровской коалиции над фашизмом, ООН превратилась в важнейший механизм послевоенного устройства мира. Несмотря на то, что вскоре ООН превратилась в арену для конфронтации двух социально-политических систем, она выполнила свою главную историческую миссию, не допустив сползания мира к ядерной катастрофе.

В тяжелейших условиях «холодной войны» ООН искала и находила компромиссные решения по самым сложным вопросам ядерного сдерживания, разрешения военных конфликтов, разоружения, укрепления демократии, разработки и внедрения международных стандартов в области прав и свобод человека. Однако к началу XXI века мир претерпел глубочайшие изменения и появилась острая необходимость реформирования Организации Объединенных Наций. Среди важнейших причин проведения реформы можно выделить следующие:

Первая – политическая – связана с распадом СССР, разрушением системы союзнических отношений, выстроенной вокруг Москвы, и вследствие этого прекращением длившейся без малого полвека конфронтации между Востоком и Западом, в орбиту которой было втянуто большинство государств мира. Многие развивающиеся страны, традиционно ориентировавшиеся на Советский Союз, потеряли в его лице маяк в океане мировой политики и, посчитав, что Россия прочно встанет в фарватер внешнеполитической линии США, начали атаку на право вето как на механизм, с помощью которого развитые страны могли диктовать свои условия третьему миру, не имея противовеса, каким до этого был СССР.

Вторая – объективная. Количество членов ООН в начале XXI века приблизилось к 200. Вполне естественно встал вопрос о том, как обеспечить более или менее регулярный доступ суверенных государств-членов к участию в работе главных органов ООН, и, прежде всего Совета Безопасности.

Третья – политико-экономическая. За полвека после создания ООН в мире произошли серьезные перемены. Ряд государств, которых обычно относят к категории развивающихся, совершили мощный рывок, выйдя на новый уровень развития, причем не только по уровню ВВП, но и в наукоемких сферах экономики. У этих стран возникло вполне объяснимое желание расширить возможности влияния в ООН, в том числе и путем изменения своего статуса.

Значительно изменилось за это время и положение Германии и Японии в мире. Из государств-врагов Объединенных наций они превратились во влиятельных и уважаемых членов международного сообщества, также претендующих на повышение своего статуса в ООН с учетом их признания как великих держав и заметной роли, которую они играют в мировой экономике и современной системе международных отношений.

Необходимо отметить, что процесс приспособления ООН к новым реалиям требует деликатности и осторожности, так как нужно не только придать динамизм функционированию всех элементов системы ООН, но и сохранить базовые ценности и принципы, заложенные при ее создании. На протяжении нескольких лет, после проведения саммита тысячелетия в 2000-м году, специально созданная комиссия высокого уровня занималась анализом эффективности деятельности ООН и ее структурных подразделений.

Окончательный вариант проекта реформ был представлен Генеральным секретарем Кофи Аннаном на 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2005г. в Нью-Йорке в докладе «При большей свободе» [1]. Уже в процессе подготовки реформ выявилось множество разногласий. Одна только делегация США внесла 800 поправок. Не меньше их поступило и от других стран.

Проекты преобразования системы ООН основаны на учете складывающегося на международной арене нового соотношения сил, что требует, прежде всего, модернизации Генеральной Ассамблеи и Совета безопасности. Генеральная Ассамблея в ее нынешнем виде больше напоминает дискуссионный клуб из-за обширности ее повестки дня и множества вспомогательных органов, что делает ее работу абсолютно неэффективной. Предполагаемая реформа предусматривает необходимость сосредоточения внимания Генеральной Ассамблеи на решении наиболее актуальных вопросов мирового развития.

Наиболее острые дискуссии разгорелись в ООН по поводу преобразования Совета Безопасности. Это связано с тем, что реальный вес целого ряда государств таких как

Германия, Япония, Бразилия, Индия в решении глобальных проблем существенно вырос и вполне естественны их претензии на более высокий уровень представительства в системе ООН и прежде всего в Совете Безопасности. Многие из этих государств небезосновательно претендуют на место постоянных членов СБ ООН. Однако, большинство нынешних членов Совета Безопасности, хотя и не выдвигают принципиальных возражений против его расширения, но выступают категорически против предоставления права «вето» новым членам. В настоящий момент вопрос о реформировании Совета Безопасности из-за острых разногласий между делегациями находится в подвешенном состоянии и едва ли будет разрешен в ближайшее время.

Существенные изменения произошли в работе Экономического и Социального Совета, именно на этот орган ложится особая ответственность за помощь в разрешении острых проблем экономического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки. Стратегия ООН в этом вопросе предусматривает помощь в ликвидации нищеты в этих регионах и ЭКОСОС предстоит огромная работа по консолидации материальных и финансовых ресурсов для достижения поставленной задачи.

Наряду с проблемами разоружения и нераспространения ядерного оружия ООН все в большей мере сталкивается с рисками нарастающих региональных конфликтов, преимущественно внутреннего характера. Усилий ООН по прекращению военной конфронтации оказывается недостаточно. Необходима последовательная и продолжительная работа по преодолению последствий региональных конфликтов. Для этих целей Организацией Объединенных Наций было создано новое структурное подразделение - *Комиссия по миростроительству*, которая будет осуществлять координацию усилий мирового сообщества по аккумулярованию финансовых и материальных ресурсов и их рациональному использованию в процессе реконструкции государств, переживших острые региональные конфликты и гражданские войны.

По-прежнему одной из острейших проблем современного мира являются вопросы соблюдения прав человека и свобод человека. Конец 80-х – начало 90-х годов ознаменовались крупными изменениями в системе защиты прав человека в связи с крушением авторитарных режимов в государствах Восточной Европы. Стала очевидна необходимость выработки новой концепции защиты прав человека в условиях нового миропорядка. Первым шагом на этом пути была подготовка и проведение Всемирной конференции по правам человека в 1993 году в Вене. Главным следствием дебатов на конференции, стало решение Генеральной Ассамблеи ООН об учреждении поста Верховного комиссара ООН по правам человека [2].

Однако, несмотря на все достигнутые успехи, ситуация с защитой прав человека в глобальном масштабе оставалась неудовлетворительной. Анализ собранных материалов, представленных в Комиссию ООН по правам человека, показал, что разрыв между нормами в области прав человека и их реализацией на практике остался недопустимо высоким. В конце 90-х годов для многих наблюдателей стало очевидно, что реформа системы ООН, предпринятая после Всемирной конференции в Вене, не дала значимых результатов. На 57-й сессии Комиссии по правам человека было заслушано более 40 докладов, касающихся ситуации с защитой прав человека в различных регионах мира, и пришлось признать, что, несмотря на все усилия ООН в этой области, права человека попираются повсеместно [3. С. 87].

Необходимость перемен была осознана и руководством ООН. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан подверг критике работу Комиссии по правам. В докладе «При большей свободе» опубликованном в марте 2005-го года он писал: «Снижение авторитетности и профессионализма Комиссии все больше подрывает ее способность выполнять эти задачи. В частности, государства стремятся добиться членства в Комиссии не для того, чтобы укреплять права человека, а для того, чтобы защитить себя от критики или подвергнуть критике других. В результате развивается дефицит доверия, который бросает тень на репутацию системы Организации Объединенных Наций в целом» [4].

На юбилейной 60-й сессии Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке в сентябре 2005 года было принято решение заменить Комиссию на Совет по правам человека, обладающий гораздо более широкими полномочиями. 9 мая 2006 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН прошли выборы в Совет по правам человека. На 47 мест в этом новом органе претендовало 65 государств. Каждый член Совета избирался большинством голосов членов Генеральной Ассамблеи путем прямого тайного голосования. В ходе двух туров голосования в состав Совета были избраны все 47 членов[5]. Члены Совета должны соблюдать высокие стандарты защиты прав человека. Если они будут уличены в массовом и систематическом нарушении прав человека, то их членство в Совете может быть приостановлено двумя третями членов Генеральной Ассамблеи. Совет уделяет равное внимание гражданским, политическим, экономическим, социальным и культурным правам, праву на развитие, а также оказывает государствам техническую помощь. Он должен рассматривать ситуацию с правами человека в любой стране, не прибегая к избирательному подходу. Совет располагается в Женеве, что позволяет ему продолжать работать в тесном сотрудничестве с Управлением Верховного комиссара по правам человека. Совет собирается не меньше трех раз в год. Он может проводить чрезвычайные специальные сессии по требованию одной трети его членов, в том числе для рассмотрения тревожных ситуаций с правами человека в отдельных странах. Резолюция предусматривала, что Комиссия по правам человека должна завершить свою 62 сессию и ее существование должно быть прекращено 16 июня 2006 года.

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан приветствовал принятие Генеральной Ассамблеей решения об учреждении Совета по правам человека. Кофи Аннан назвал это событие огромным достижением ООН, которое дает шанс по-новому начать реальную работу в области прав человека во всем мире и улучшить жизни миллионов людей во всем мире. «Сегодня исторической резолюцией Генеральной Ассамблеи был учрежден новый Совет по правам человека, решение о создании которого было принято главами государств и правительств на Саммите в сентябре. Это событие дает ООН крайне необходимый шанс по новому начать работу в области прав человека по всему миру»[6], - говорилось в заявлении Генерального секретаря ООН. Кофи Аннан отметил, что ни одна страна не будет полностью удовлетворена каждым параграфом принятой резолюции, однако такова природа международных переговоров. По его мнению, новая резолюция сохранила позитивные элементы работы Комиссии ООН по правам человека, такие как специальные процедуры и участие в работе неправительственных организаций, и содержит важные новации, которые направлены на устранение слабых мест, присущих нынешней Комиссии. « В целом резолюция дала нам прочный фундамент, на котором все, кто действительно привержен защите прав человека, могут теперь начать строительство. Я уверен, что они добьются успеха в построении системы, в рамках которой правительства из разных уголков мира смогут работать вместе в продвижении прав человека и более эффективно, чем когда-либо ранее»[6], – заявил Кофи Аннан. Генеральный секретарь подчеркнул, что принятие резолюции является только первым шагом на пути преобразований правозащитного механизма ООН.

После создания Совета по правам человека вопрос об эффективности нового органа остается открытым. Несомненно, что деятельность этой структуры обременяют авторитарные режимы, которые используют вхождение в нее в большей степени для защиты самих себя от обвинений в нарушении прав человека, чем для защиты прав человека в других странах. К примеру, Соединенные Штаты были против создания нового Совета, полагая, что в состав структуры входят слишком много членов, делая ее бюрократической структурой, поэтому они не выдвинули свою кандидатуру и занимали крайне критическую позицию. По мнению представителей Соединенных Штатов, Совет должен быть менее многочисленным и менее бюрократичным, чем нынешний, состав которого сократился с 53 до 47 членов. Более того, США хотели бы, чтобы члены Совета избирались двумя третями Генассамблеи ООН исходя из их заслуг в сфере защиты прав человека. Однако в

голосовании приняли участие все члены ООН в количестве 191 без каких-либо ограничений. Вашингтон занял резко критическую позицию и по квотам: зона, где эффективнее всего защищаются права человека, Запад, получила всего 7 мест в Совете, против 13 представителей от Африки, 13 от Азии, 8 от Латинской Америки и 6 от Восточной Европы. Были введены некоторые новшества, как, например, возможность исключить из состава Совета члена этой структуры за нарушение прав человека. Но администрация Буша сочла эти нововведения недостаточными и предпочла занять выжидательную позицию. Соединенные Штаты вошли в состав Совета по правам человека только в 2009 году. По мнению Вашингтона, результаты голосования по избранию в Совет не улучшили ситуации. В частности, избрание Китая в Совет вызвало раздражение у Конгресса. В программе, представленной Пекином в поддержку своей кандидатуры, говорилось, что будут прилагаться усилия к тому, чтобы Совет не принимал «особых резолюций в отношении конкретной страны»: иными словами, Китай хотел, чтобы о правах человека говорилось как об общем и абстрактном факте. Подобная ситуация, по мнению представителей США, может привести к тому, что Совет просто заставят замолчать. Таким образом, сразу после выборов в Совет по правам человека новый орган получил неоднозначную оценку международной общественности.

В целом первые итоги работы Совета по правам человека ООН можно охарактеризовать положительно. С самого начала своей деятельности Совет продемонстрировал решимость незамедлительно реагировать на нарушения прав человека в любой точке земного шара. В ходе своих первых сессий государства-члены Совета рассмотрели ситуацию с правами человека на оккупированных палестинских территориях, вопросы религиозной нетерпимости, прав мигрантов, ситуацию с правами человека в суданской провинции Дарфур. Также Совет по правам человека принял решение о процедуре реализации механизма периодического обзора ситуации в области прав человека во всех странах-членах ООН. Советом были одобрены проекты важных международных документов – Конвенции о насильственных исчезновениях, Декларации о правах коренных народов, Факультативного протокола к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах.

Каковы же перспективы дальнейшего развития Организации Объединенных Наций? Исходя из нынешних реалий, можно предположить несколько возможных вариантов:

1. Постепенное превращение ООН в подобие Лиги Наций или некий всемирный аналог сегодняшней ОБСЕ, которая, во многом по форме, да и по сути напоминает Лигу Наций. Следствием этого может стать сначала ограничение, а затем и упразднение права вето, расширение Совета Безопасности до таких размеров, когда его работа не могла бы быть эффективной, перераспределение полномочий в организации в пользу Генеральной Ассамблеи. В результате произошло бы окончательное ослабление ООН, связанное с ее неспособностью оперативно принимать решения по реагированию на кризисные ситуации, превращение организации во всемирный «дискуссионный клуб».

2. Организация Объединенных Наций окончательно переориентируется на США и их наиболее близких и верных союзников и превращается в организацию, принимающую нужные Вашингтону решения. В случае воплощения в жизнь такого сценария Соединенные Штаты смогли бы в легитимном режиме реализовать свою политику укрепления глобальной гегемонии.

3. Эволюционное развитие ООН, основанное на сохранении базовых принципов, заложенных в ее Уставе. И прежде всего принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности, который должен служить мощным стимулом для поиска общеприемлемых решений острых кризисных ситуаций.

Сегодня, как и в середине прошлого века, когда ООН только создавалась и делала свои первые шаги, ее будущее и успех напрямую зависят от согласованности действий великих держав, поддержанных остальными членами международного сообщества. Несомненно, что Организация Объединенных Наций и впредь должна оставаться стержнем

современных международных отношений, общепризнанным центром согласования суверенными государствами решений в интересах поддержания международного мира и безопасности, достижения прогресса в самых различных областях.

Библиографический список

1. При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех. Доклад Генерального Секретаря ООН. – (<http://www.un.org/russian>).
2. Документ Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/ 48/14/. 20 декабря 1993г.
3. **Аннан, К.** Годовой доклад о работе Организации 2001г / К. Аннан. – Нью-Йорк, 2001.
4. При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех. Доклад Генерального Секретаря ООН. – (<http://www.un.org/russian>).
5. В штаб-квартире ООН в Нью-Йорке прошли выборы в Совет по правам человека // Центр Новостей ООН. – 2006. – 9 мая. - (<http://www.un.org/russian>).
6. Кофи Аннан назвал принятую резолюцию «исторической» // Центр Новостей ООН. 2006. 7 марта. – (<http://www.un.org/russian>).

ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ PEDAGOGY AND EDUCATION

УДК 373.0;378

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

Е. В. Фролова

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: frolova@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

E. V. Frolova

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: frolova@mail.ru

Е. В. Фролова

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается системная для нашей страны проблема качества российского образования. Приводятся и изучаются мнения различных авторов по данной проблематике. Автор приходит к выводу, что тенденции в сфере современного отечественного образования во многом неблагоприятные, что пришло время изменить сложившуюся ситуацию в лучшую сторону.

Ключевые слова: российское образование, качество, модернизация.

E. V. Frolova

THE PROBLEM OF QUALITY OF MODERN RUSSIAN EDUCATION

The article discusses a systemic problem of modern Russian education's quality. We have presented and examined the opinions of various authors on the subject. The author concludes that the trends in contemporary Russian education largely unfavorable and it is time to change the situation for the better.

Key words: Russian education, quality, modernization.

Во всем мире сейчас отмечается повышенный интерес к проблемам качества образования. С одной стороны, это – важнейший социальный заказ, с другой стороны, это – практическая необходимость и требование времени. Качество российского образования естественным образом составляется из качества видов образования в Российской Федерации и их деления на дошкольное образование в России, общее образование в России, высшее образование в России. Поэтому можно говорить о качестве российского высшего образования, качестве российского среднего (общего) образования и т.д. Вопросы качества всегда занимали важное место в анализе и оценке тех или иных показателей деятельности человека и общества. Из двух категорий качественных и количественных показателей, всегда наиболее важное и решающее значение имеют именно качественные показатели (индикаторы).

Поэтому главный критерий, по которому следует судить по состоянию образования, – это качество мозгов, то есть это – умение обучаемых думать, анализировать и делать выводы. Вот, чему должны обязательно научить в высшей школе. И как это качество измерить? С другой стороны, конечно, существует обязательный свод профессиональных знаний, которые необходимы инженеру или лингвисту, медику или журналисту и т.д., так как без них никак нельзя обойтись в профессиональной деятельности. “Очень трудно объять необъятное”, как говаривал Козьма Прутков, но это - желательно и даже более того - необходимо.

Однако всё дело в том, что универсального и объективного критерия оценки качества образования просто не существует. “Можно оценивать вуз с точки зрения его академичности (количество научных публикаций, число нобелевских лауреатов и так далее). Или с точки зрения комфортности обучения студентов (качество инфраструктуры). Или с позиции работодателей (соответствие учебных программ их запросам и требованиям). Все эти точки зрения учитываются при составлении международных рейтингов, которые берут во внимание многие параметры, вплоть до количества томов в библиотеке” [8].

И всё равно все они будут далеки от действительности и будут только отражать некий субъективный подход к оценке качества образования, исходя из методологии оценки тех экспертов, которые эту оценку на практике проводят в жизнь.

Качество нынешнего российского образования снижают известные всему профессиональному сообществу педагогических работников недостатки, а именно:

1. Почти полное отсутствие практической ценности проводимой российскими вузами научной работы.
2. Весьма скромные бюджеты вузов и их финансирования.
3. Отсутствие программы подготовки на английском языке для абсолютного большинства российских вузов (исключение – МГИМО и некоторые другие столичные вузы).
4. Отсутствие гибкости, статичность программ обучения.
5. Неподготовленность выпускников российских вузов к практической работе.
6. Отсутствие чёткого разграничения на профессиональное высшее образование и академическое образование.
7. Низкий уровень развития вузовской инфраструктуры и сервиса [8].

Действительно, со многими, если не со всеми вышеперечисленными недостатками российского высшего образования, согласно мнению западных экспертов, можно и нужно согласиться, хотя бы для того, чтобы заняться исправлением сложившейся ситуации в лучшую сторону. Например, идеальной ситуацией для любого преподавателя является занятость на полную ставку. И до последнего времени так и было: большая часть преподавательского состава в вузах России была занята на полную ставку. В западных странах ситуация совсем иная: там преподаватели - это практикующие специалисты, читающие лекции в вузах. На деле, это означает, что курс обучения включает в себя не только теорию, но и самую современную практику, что сегодня крайне необходимо для подготавливаемых специалистов.

Однако в связи с демографической ситуацией в России, а именно снижением числа выпускников (см. табл. 1), происходит и сокращение количества рабочих мест в российской высшей школе. Эту ситуацию принято называть “демографическая яма”, связанная с сокращением рождаемости в 1990-е годы, которая привела к заметному сокращению числа школьников и студентов [10].

В связи с этим сегодня, по словам А.А. Фурсенко, министра образования и науки России в 2004-2012 гг., сегодня министерство “не столько отбирает, сколько ищет людей, которых надо принять в вузы”. А если “нет студентов - нет работы для преподавателей”, - добавил тот же министр. Таким образом, катастрофическая ситуация в демографическом положении страны должна непременно отразиться и в образовательной системе России, на количестве профессорско-преподавательского состава, следовательно, - и на уровне и качестве образования. Говоря о тех студентах, которые уже есть в российских вузах, он заявил, что лишь 15-20 процентов из них учатся “по-настоящему”. “В хороших вузах - 30 процентов”, - добавил глава министерства. По мнению А.А. Фурсенко, это связано с тем, что в вузы идут даже те молодые люди, которые не хотят продолжать учебу. “Для них это возможность еще на какой-то срок отложить решение о том, чем они будут заниматься по жизни”, - такую точку зрения высказал министр. Данный фактор, несомненно, оказывает своё негативное влияние на качество образовательной подготовки в российских вузах [15]. О нелицеприятности данного, сделанного на самом верху вывода остаётся только умалчивать.

Ибо если нет грамотного и заранее спланированного целедостижения, то это практически сразу отражается и на практике.

Таблица 1.

Статистика количества выпускников средних общеобразовательных школ в России [3]

Годы	Выпускники средних школ России, тыс. чел.
2006 год	1 млн. 300 тыс. чел.
2010 год	950 тыс. чел.
2011 год	740 тыс. чел.
2012 год	700 тыс. чел.
2013 год	783 тыс. чел.
2014 год	760 тыс. чел.
2015 год	715 тыс. чел.

Говоря о бывших выпускниках школ – будущих студентах, специалисты отмечают, что учащиеся российских школ усваивают всего 30-40% информации на ученическом (репродуктивном) уровне, не поднимаясь в своей массе до творческого уровня усвоения. В результате падает качество усвоения учебных предметов, число которых постоянно увеличивается [13].

Основные проблемы качества системы образования в России в связи с общим экономическим положением в стране сводятся, по нашему мнению, примерно к следующему, а именно:

1. Получение качественного образования в гимназиях, лицеях, колледжах и вузах для способных детей из малообеспеченных семей, отдаленных регионов России стало достаточно проблематичным, и в значительной мере оно зависит не столько от способностей детей и молодежи, сколько от материального положения семьи (репетиторство, платные курсы, оплата обучения), а для поступающих в вузы - и от места проживания;
2. Крайне низкая заработная плата педагогов и полное отсутствие мотивации профессорско-преподавательского состава для повышения качества своей работы;
3. Недостаточное бюджетное финансирование учреждений высшего, среднего и начального профессионального образования, что вынуждает их, в первую очередь, вузы искать коммерческие источники финансирования за счёт платных образовательных услуг.

Студенты же в свою очередь, видя такое состояние образования и не всегда внимательное отношение педагогов, иногда практически перестают учиться, сосредотачиваясь на поиске одной или сразу нескольких работ и начинают трудиться, не обращая должного внимания на учебный процесс. Когда на сессии всплывают незнания таких студентов, у них всегда есть формальное оправдание, что они работают и поэтому пропускали занятия, вследствие чего и не знают учебный материал. Преподаватели же со своей стороны только разводят руками и стараются на это, как принято говорить, “закрывать глаза”.

Как следствие из отмеченного выше, заметным является понижение качества образования по следующим уровням:

- общее среднее образование - устаревшая структура, перегруженность школьных программ;
- начальное и среднее профессиональное образование - разрыв учебно-производственных связей с базовыми предприятиями;
- высшее образование - открытие многочисленных филиалов государственных вузов далеко не всегда качественно функционирующих, слияние и укрупнение государственных вузов с целью экономии бюджетных средств, особенности “платного образования” негосударственных вузов [6].

Платное образование в нашей стране в значительной мере оказалось неэффективным, так как большая часть средств от платного высшего образования направляется не для

поддержки государственных вузов, а в негосударственные вузы, которые не всегда обеспечивают необходимый уровень качества образования.

Современная нам система российского высшего образования переживает кардинальные изменения, в связи с чем актуальными становятся вопросы повышения качества образования. Мы считаем, что участвовать в оценке качества высшего образования должны все заинтересованные стороны: профессорско-преподавательский состав, студенты как потребители образовательных услуг, администрация вуза, работодатели и государство. Только при таком комплексном подходе будет искоренена деятельность недобросовестных вузов, но и создана система оперативного реагирования на сигналы о неэффективности образовательного учреждения.

Поэтому модернизация образования является в настоящее время ведущей идеей и центральной задачей общероссийской образовательной государственной политики [2]. Среди задач в сфере государственного регулирования социального развития и социальной сферы в части образования является задача обеспечения прозрачности государственных вузов. Как показал мониторинг 505 государственных вузов, прием в которые ведется преимущественно по результатам ЕГЭ, имя вуза никак не связано с его прозрачностью. Прозрачность вуза оценивалась посредством предоставления информации через официальный сайт учебного заведения. В группу с максимальными 135 баллами вошли 29 вузов. К их числу относятся, например, МГИМО, Казанский федеральный университет, Финансовая академия.

Вузы, набравшие 130 баллов, а таких оказалось всего 39, отстали в основном за счет недостаточного раскрытия информации об общежитии. В этой группе, в частности, МИФИ, ГУ-ВЭШ, Брянский государственный университет и некоторые другие. В ходе мониторинга выявилась проблемная группа университетов, которые набрали менее 75 баллов. К таким, например, относятся Калужский государственный педагогический университет, Томский университет систем управления и радиоэлектроники, Алтайская государственная педагогическая академия и др. [5].

Качество образования обеспечивает великое множество факторов, по которым можно готовить отдельное самостоятельное исследование. Такими факторами выступают информационная доступность и прозрачность вуза, наличие т.н. эффективного контракта с профессорско-преподавательским составом, который учитывает показатели и критерии эффективности деятельности работников в сфере образования и многое другое. “В этом случае именно педагогическое сообщество должно сыграть главную роль в процессе продвижения реформ и помочь образовательной отрасли активно развиваться, не боясь перемен и нововведений” [4]. Всероссийский студенческий союз организовал новое направление работы в рамках правозащитного проекта “Студенческий дозор”. Этот проект целиком посвящён вопросам повышения качества высшего образования, борьбой с вузами-однодневками, а также противодействием иным формам образовательного мошенничества по отношению к обучающимся и профессорско-преподавательскому составу [14].

Существует практика оценки качества образования в стране по данным социологических опросов населения. Если посмотреть на общую статистику, то, согласно данным социологических опросов населения, сегодня 84% жителей крупных и средних российских городов считают, что в их городе можно получить современное хорошее образование. При этом в сравнении с 2013 годом данный показатель увеличился на 5 процентных пунктов [1].

Как показывают данные проводимых соцопросов, только 5% или чуть более опрошенных не согласны с тем, что можно на месте своего проживания получить качественное образование. Зато абсолютная часть всех опрошенных (около половины) считают это вполне возможным. Такой разительный перевес в цифрах отражает уверенность общества, пусть она носит и субъективный характер, что в России ещё можно получить качественное образование. “Образование – это величайшее из земных благ, если оно наивысшего качества. В противном случае оно совершенно бесполезно”. Эта мысль классика английской художественной литературы Дж.Р. Киплинга актуальна для всех времён и

народов, так как качество образования определяет качество жизни современного человека и общества, в котором он живёт.

Таблица 2.

Оценка качества образования в стране по данным социологических опросов населения [9]

Согласны ли вы с тем, что в вашем городе можно получить хорошее, современное образование?	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Да, полностью согласны	51%	45%	44%	46%
Да, скорее согласны	33%	36%	35%	38%
Скорее не согласны	10%	13%	14%	12%
Полностью не согласны	5%	6%	7%	5%
Доля тех, кто полностью или в основном уверен, что может получить хорошее образование	84%	81%	79%	84%

Итак, качественное образование оказывает влияние на все виды деятельности человека. Социологам известно, что образование выступает своего рода социальным “лифтом”, позволяющим подняться из одной социальной группы в другую, более высокую, увеличить уровень своих доходов, а значит и уровень материального благосостояния. Поэтому, окончив школу, выпускники стремятся поступить в институт, другие в техникум и т.д. Образование представляет собой определённый фильтр в выборе дальнейшей профессии человека. Но, тем не менее, функция фильтрующего устройства образованием не утрачивается. Л. Хэрн отмечал, что “образование есть разумный способ распределения людей в соответствии с их достоинствами”. Согласно зарубежной экономической теории человеческого капитала, образование не является чем-то немедленно потребляемым, так как это скорее капиталовложение в будущее человека. Как и все капиталовложения, в будущем оно приносит прибыль. В этой теории утверждается, что все усилия, затраченные в прошлом, будут вознаграждены в будущем. Вполне естественно, что вознаграждение должно соответствовать капиталовложениям [12].

Опираясь на собственный многолетний опыт преподавательской деятельности, мы можем утверждать, что уровень качества образования в российских вузах за последние 10-15 лет не только не повысился, но даже снизился, о чем свидетельствует потеря былой привлекательности отечественных (советских) дипломов. “Бесплановая подготовка специалистов высшей квалификации приводит к их девальвации и невостребованности с последующей дисквалификацией лиц, получивших высшее образование” [7].

Дальнейшее снижение качества образования в то время, когда весь мир рвётся вперёд и повышает уровень своих технологий, будет означать увеличение отставания для России. Цель, которую ставит правительство России – увеличить производительность труда в экономике страны и поднять его на мировой уровень, будет недостижима при сохранении низкого качества образовательных услуг.

А в настоящее время происходит настоящий переворот в современной технике и технологии, который изменяет характер и содержание многих видов труда. В результате чего от человека требуются уже не столько физические затраты, сколько интеллектуальные усилия, самостоятельность и ответственность в принятии решений. В обществе возникает объективная острая потребность в образованных, компетентных людях, растёт и тяга к качественному образованию. Процессы демократизации социальной жизни сделали образование более доступным для большинства категорий населения, в том числе для женщин, инвалидов, работающей молодежи и т.д. [13].

Текущие тенденции в сфере современного отечественного образования говорят нам о том, что нужно срочно поднимать престиж отечественной научной и образовательной

школы, заботиться о воспитании новых кадров и о привлечении способных и талантливых кадров в российскую науку. Ведь и вправду говорят, что талантливым нужно помогать, а бездарные пробьются сами. Настоящие таланты не имеют столько денег и связей, как бездарные, которые, не имея голоса и таланта пробиваются с помощью денег. К сожалению, таковы сегодня самые последние реалии нашей отечественной образовательной современности.

Библиографический список

1. Абсолютное большинство россиян довольны качеством образования и доступностью культурных учреждений // Центр стратегических исследований Росгосстрах // URL: <http://www.rgs.ru/pr/csr/misc/index.wbp> (дата обращения: 27.01.2016)
2. **Ашмаров, И. А.** Пути модернизации национальной экономики России: монография / И. А. Ашмаров. – Воронеж: Изд-во Наука-Юнипресс, 2011. – 284 с.
3. В 2015 году ЕГЭ сдают 715 тысяч учащихся российских школ // ИА REGNUM. // <http://regnum.ru/news/society/1924191.html> (дата обращения: 27.01.2016)
4. Как улучшить качество российского образования? // Общественная палата Российской Федерации // URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2014/newsitem/27515>
5. Качество российского образования языком цифр и таблиц // РИА Новости // URL: http://ria.ru/edu_analysis/20101109/294358432.html (дата обращения: 27.01.2016)
6. **Ковалева, Г. С.** Состояние российского образования (по результатам международных исследований). Материалы к выступлению на Всероссийской научно-практической конференции "Проблемы совершенствования содержания общего среднего образования" / Г. С. Ковалева // URL: http://www.centeroko.ru/public/sost_ro.htm (дата обращения: 27.01.2016)
7. **Маршалкин, М. Ф.** Современный уровень качества образования в России и тенденции подготовки специалистов высшего и среднего звена / М. Ф. Маршалкин // Фундаментальные исследования. – 2008. – № 5 – С. 92-93. // URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=2981>
8. Недостатки российского образования // «Medelle»: swiss consulting group // URL: <http://www.education-medelle.com/articles/nedostatki-rossijskogo-obrazovaniya.html>
9. Образование в России // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Образование_в_России
10. **Ольштынский, А.** Школьное образование в России: оценка качества и модели его реформирования / А. Ольштынский // Эхо Москвы // URL: <http://echo.msk.ru/blog/aolshtynsky/1217403-echo/>
11. **Пересветова, Е. Г.** Качество образования – необходимое условие успешности реализации программы модернизации российского образования / Е. Г. Пересветова // URL: <http://festival.1september.ru/articles/565838/> (дата обращения: 27.01.2016)
12. **Полищук, Л.** Качество высшего образования в России: роль конкуренции и рынка труда / Л. Полищук, Э. Ливни // URL: <http://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/74836483>
13. **Ростовцева, Л. Г.** Качество образования – предпосылки, сущность, оценка / Л. Г. Ростовцева // URL: <http://festival.1september.ru/articles/505648/> (дата обращения: 27.01.2016)
14. "СтудНадзор" займется вопросами повышения качества образования и борьбы с вузами-прокладками // URL: <http://studdozor.ru/news/16> (дата обращения: 27.01.2016)
15. **Фурсенко, А.** В России вдвое сократится количество студентов / А. Фурсенко // URL: <http://lenta.ru/news/2010/01/03/fursenko/> (дата обращения: 27.01.2016)

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного архитектурно-строительного
университета

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 1 (9), 2016

Научный журнал

Подписано в печать 25.03.2016. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая
Уч. изд. л. 13,8. Усл.-печ.л.13,8. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства учебной литературы и учебно-методических пособий
Воронежского ГАСУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84